

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

На правах рукописи

Сидорова Елена Юрьевна

**Грамматические тенденции и закономерности
употребления глагольных слов и значений
в русской разговорной речи**

Специальность 10.02.01 – Русский язык
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Химик В. В.

Санкт-Петербург

2016

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Разговорная речь и разговорность: общие особенности лексико-семантического и грамматического выражения	12
1.1. Русская разговорная речь в отечественном языкознании XX столетия: основные подходы	12
1.1.1. Определение понятия «разговорная речь»	12
1.1.2. Общая характеристика русской разговорной речи	23
1.1.2.1. Представление о нормах разговорной речи	23
1.1.2.2. Устная форма разговорной речи	27
1.1.2.3. Разговорная речь и письменная форма коммуникации	31
1.2. Разговорная речь и явление разговорности	35
1.3. Разговорность в системе средств ее выражения	39
1.3.1. Специфика разговорной лексики	39
1.3.2. Морфологические проявления разговорности	41
1.3.3. Коллоквиальные признаки глагола как части речи	44
1.3.4. Некоторые общие морфологические свойства русского глагола	50
Выводы по первой главе	66
ГЛАВА II. Лексические и грамматические трансформации русского глагола в разговорной речи	69
2.1. Лексическая семантика разговорных глаголов	69
2.2. Грамматические изменения, сопутствующие коллоквиализации и жаргонизации глагольных слов и значений	82
2.2.1. Преобразования в сфере категории лица	82
2.2.2. Изменение потенциала валентности разговорного глагола	91
2.2.3. Разговорные глаголы и их видовые соответствия	97
2.2.4. Способы глагольного действия в связи с разговорностью	107
2.2.5. Креативный потенциал способов глагольного действия	113
2.2.6. Смягчительный способ глагольного действия в разговорной речи	120

Выводы по второй главе	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	129
Библиография	133
Приложение. Указатель глагольных лексем.....	147

ВВЕДЕНИЕ

Современной разговорной речи характерно активное расширение ее использования, влияние на другие функциональные сферы, неизбежные изменения сначала в лексике и лексической семантике, а затем и, менее заметно, в ее грамматике. Все это влечет за собой необходимость разноаспектного изучения разговорной речи.

Изучение русской разговорной речи имеет большую научную традицию. Всплеск интереса к разговорной речи приходится на 1960-1990-е годы. Это работы Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой и др. Более поздних исследований, отражающих состояние разговорной речи не так много. В первую очередь интерес современных исследователей привлекает лексический аспект разговорной речи, а не грамматический, что объясняется, видимо, тем, что именно в лексике быстрее всего отражаются изменения. Таким образом, в настоящей работе ставится задача выявить некоторые особенности употребления грамматических форм глагола в современной разговорной речи и соотнести полученные данные с научным описанием глагола в классических работах XX в.

Отличие разговорной речи от других функциональных стилей обусловлено прежде всего отбором материала, особенностями функционирования некоторых морфологических форм и синтаксических конструкций. По мнению представителей саратовской школы изучения разговорной речи, «самостоятельность каждой из разновидностей литературного русского языка относительна, в каждой из них господствуют общерусские общелитературные факты: одна и та же система частей речи, грамматических категорий и т.д.» [Разговорная речь... 1992: 309]. Авторы указывают, что основной принцип организации всех особенностей разговорной речи в единую функциональную систему – непосредственность персонального общения, предполагающая ситуативную обусловленность речи, опору на общность апперцепционной базы

говорящих, возможность переспроса в случае непонимания. И это влечет за собой грамматические и лексические свойства разговорной речи; возможную неточность словоупотребления, местоименность речи при резком уменьшении количества существительных и прилагательных, синтаксическую простоту, неполноту а также приводит к синонимической бедности, частым повторам одного и того же слова, лексической приблизительности значений, незавершенности и перестраиваемости на ходу многих высказываний, ассоциативности многих связей [Там же: 310].

Для русской разговорной речи конца XX – начала XXI в. характерно расширение влияния функциональной значимости. Черты разговорности заметны в деловом общении, в публичных выступлениях чиновников, в речи теле- и радиожурналистов.

С развитием технологий и появлением таких новых средств коммуникации, как Интернет и мобильные телефоны, разговорная речь, для которой характерно преобладание устной формы, начинает активно использоваться и в письменной форме. Тексты СМС-сообщений, электронных писем, разного рода «живых журналов», блогов, «комментов», сообщений в социальных сетях и чатах активно используют в своей письменной форме приемы устной разговорной речи, и при этом сами начинают влиять на устную коммуникацию.

Данное исследование посвящено особенностям употребления глагольных слов и форм в русской разговорной речи, в частности форм лица, видовых соответствий и способов глагольного действия. Проблемам русской персональности и аспектологии посвящено большее количество научных трудов, так как эта сторона русского глагола является наиболее сложной (в том числе для понимания иностранными учащимися) и важной для предикации и продуцирования речи, а значит, порождает множество теорий и вариантов научного объяснения данного вопроса.

Научная литература отмечает существенные ограничения на употребление в разговорной речи таких категорий как причастие, деепричастие, краткие прилагательные, являющихся переходными единицами между глаголом и именем

[Красильникова 1970: 119]. Определенные ограничения на использование полной морфологической парадигмы в разговорной речи отличает и глагол: морфологическое противопоставление глагола и имени в разговорной речи оказывается более контрастным, чем в кодифицированных разновидностях национального русского языка.

Характерной чертой разговорной речи является, как известно, эллиптичность, пропуск глагольного предиката (*Татьяна в лес; медведь за нею...*). Однако встречаются и структуры с опущенным распространителем глагола, зависимым существительным, которое «восстанавливается» из конситуации (Например: 1. *Принято решение: продлить от химкомбината до Саратовского вокзала* (о троллейбусном маршруте). 2. *Ну, в Харькове вы можете и не купить, где вы в Харькове купите?* (сало). 3. *Выдернула, да?* (зуб).) [Кормилицына 1970: 158].

В разговорной речи чаще функционируют переходные глаголы, в то время как в художественном и научном стиле большинство составляют непереходные, тем самым наиболее распространенным типом глагольных словосочетаний оказывается модель с зависимым существительным в винительном падеже, что не может не отразиться на некоторых особенностях глагольных парадигм в структуре разговорной речи [Там же].

Исследователи отмечают, что в разговорной речи, как и в кодифицированном языке, преобладает несовершенный вид – и по лексической представленности, и по частоте употребления глаголов. Это касается всех функциональных стилей языка, за исключением художественного стиля, в котором активны глаголы обоих видов [Разговорная речь... 1992: 91-93]. Однако преобладание имперфектных форм в разговорной речи исследователи объясняют связью несовершенного вида с формой настоящего времени глагола, которая является наиболее частотной в обиходном общении.

Как и в кодифицированном литературном языке, аффиксальный способ образования видовой пары – ведущий в разговорной речи, менее распространены разные основы (*взять – брать, сказать – говорить*) и перенос ударения

(*вы́резать* – *выреза́ть*, *вы́сыпать* – *высыпа́ть*) [Там же: 96]. Видовые пары, формируемые способом перфективации, в разговорной речи встречаются чаще, чем формируемые путем имперфективации (приблизительно в пять раз). При образовании перфектных глаголов в разговорной речи особенно широко используются различного рода префиксы. Особенно частотны: *из-*, *по-*, *с-*, *о-*: *ругать* – *изругать*, *возникать* – *повозникать*, *гонять* – *сгонять*, *здороветь* – *оздороветь*. Процесс имперфективации в разговорной речи обеспечивают те же суффиксы, что и в кодифицированном литературном языке. В качестве отличительной особенности видообразования в разговорной речи исследователи отмечают «вытеснение суффиксов» или «соревнование суффиксов». Суффикс *-а-* вытесняет *-ева-*: *продлить* – *продлевать* / *продлять*, *запечатлить* – *запечатлевать* / *запечатлять*. Конкурируют суффиксы *-ива-* и *-а-*: *прилепить* – *прилепливать* / *прилеплять*, *накопить* – *накапливать* / *накоплять*, *закалить* – *закаливать* / *закалять*, *притупиться* – *притупливать* / *притупляться*. Самым активным конкурентом в образовании вторичных имперфективов выступает суффикс *-ыва-/-ива-*.

Характерной особенностью разговорной речи является расширение рядов вторичной префиксации. Например: *писать* – *записать* – *записывать* – *позаписывать* (разг.); *рисовать* – *разрисовать* – *разрисовывать* – *поразрисовывать* (разг.).

Глагольные префиксы в разговорной речи – самостоятельны и подвижны, возможности их комбинирования с глаголами порой не предсказуемы и не всегда поддаются строгому учету (*докоснуться*, *приобнять*, *подсуетиться* и т.п.) [Там же: 102].

Как отмечается в научной литературе, число двувидовых глаголов в русском языке возрастает, в основном, благодаря глаголам с иноязычными морфемами: *стартовать*, *автоматизировать*, *ликвидировать*, *популяризировать*, *рекламировать*, *транспортировать* и др. Однако в разговорной речи наблюдается тенденция к устранению двувидовости глаголов путем префиксации (это наиболее активный путь) (*аккомпанировать* –

проаккомпанировать) и путем суффиксации (*адресовать – адресовывать*). В итоге, по мнению ряда исследователей, частота использования префиксальных образований в разговорной речи намного выше, чем беспрефиксных.

Известно, что разговорной речи свойственно общее преобладание смысловых связей над формально-грамматическими. Как и в кодифицированном литературном языке, большинство глаголов разговорной речи могут быть противопоставлены по виду, видовые пары образуются теми же способами, при помощи тех же аффиксов, что и в кодифицированном языке. Однако соотношение способов видообразования, выбор и характер использования префиксальных средств перфективации в разговорной речи несколько иной, чем в кодифицированных разновидностях национального русского языка. Поиску и конкретизации этих отличий глагольных форм вида и будет посвящена часть данного научного исследования.

Таким образом, **актуальность** диссертационного исследования употребления глагольных слов и значений в разговорной речи обусловлена назревшей необходимостью сопоставить описанные в научной литературе закономерности и тенденции развития разговорной речи с данными, полученными при изучении современного материала – живой разговорной речи в ее письменных фиксациях.

Гипотеза исследования заключается в следующем: в разговорной речи, в ее письменных имитациях, не все компоненты морфологической парадигмы глагола реализуются одинаково: наблюдаются определенные ограничения и предпочтения в выборе отдельных форм глагола, в частности, в изменении характера видовых соответствий и способов глагольного действия, что связано с усиливающимся преобладанием смысловых связей над формально-грамматическими, с зависимостью выбора глагольных форм от особенностей выражаемого в живой речи смысла.

Цель исследования – выявить основные закономерности и тенденции употребления грамматических форм русского глагола в письменных фиксациях разговорной речи нового времени.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

- 1) опираясь на специальную литературу по русской аспектологии и коллоквиалистике, разработать теоретическую базу исследования;
- 2) выявить и описать некоторые общие особенности лексической семантики разговорных глаголов;
- 3) определить основные закономерности преобразований личной парадигмы коллоквиальных глаголов;
- 4) установить и представить грамматические изменения валентностного потенциала некоторых коллоквиальных глаголов.
- 5) выявить особенности видо-временной парадигмы глагола в разговорной речи;
- 6) описать особенности функционирования способов глагольного действия в разговорной речи.

Объект исследования – глаголы разговорной, сниженной, молодежной речи, жаргонизмы.

Предмет исследования – лексические и грамматические трансформации глагола в разговорной речи.

Методы, используемые в работе:

1. Описательный метод.
2. Метод контекстуального анализа.
3. Приемы структурно-семантического анализа словоформ.
4. Приемы функционально-семантического анализа слов, словоформ и словосочетаний в тексте.

Материалом исследования служат тексты письменной разговорной речи Интернета, устная разговорная речь, данные «Национального корпуса русского языка», данные толковых словарей.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу лексических и грамматических особенностей глаголов, функционирующих в современной разговорной речи, а также в использовании в

качестве языкового материала актуальных письменных фиксаций разговорной речи (Интернет-коммуникация).

Теоретическая значимость работы: исследование функционирования лексических значений и грамматических форм глагола в письменных фиксациях разговорной речи расширяет научное представление о функционировании глагола в речи и, шире, о грамматике русского глагола, дополняет картину общелингвистических знаний о происходящих процессах в разговорной речи, уточняет сложившееся представление о состоянии современной русской разговорной речи в ее письменной форме.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные результаты исследования при составлении учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному, а также в курсах, посвященных вопросам функционирования русского глагола и изучению русской разговорной речи.

На основе выявленных тенденций и закономерностей употребления глагольных слов и значений в русской разговорной речи сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**.

1. Коллоквиальные изменения лексического значения влияют на реальную личную парадигму русского глагола (сужение или расширение числа форм для отдельных слов).

2. В современной живой речи наблюдается активизация безличной формы, описывающей психическое или физическое состояние субъекта.

3. Преобразования лексической семантики глагола отражаются на видовой соотносительности глагола, которая в ряде случаев становится неполной.

4. Общая для разговорной речи тенденция к формальному сужению парадигмы распространяется не только на видовые соответствия глагола, но и на способы глагольного действия и, шире, на аспектуальные характеристики и возможность других приставочных глагольных дериватов.

5. Способы глагольного действия в разговорной речи обладают высоким креативным потенциалом, участвуют в освоении новых глагольных лексем и значений, включая иноязычные заимствования.

Апробация работы.

Основные положения диссертации были представлены в докладах на аспирантском семинаре кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ, на заседании научно-практического семинара «Традиции и инновации в обучении русской грамматике иностранных учащихся» кафедры русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена (24 февраля 2015 г.), на XLI Международной филологической конференции (26-30 марта 2012 г.) СПбГУ, на XVII Международной научно-методической конференции «Русская словесность и вопросы нравственного воспитания студентов» (2012 г.) СПГУТД, на XVIII Международной научно-методической конференции «Русский язык и русская литература в XXI веке: развитие, изучение, обучение» (2013 г.) СПГУТД, на XI и XIV Международных научно-практических конференциях «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (2012 г., 2015 г.) РГПУ им. А. И. Герцена.

Структура работы.

Диссертационная работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографии и Приложения, содержащего список анализируемых в работе глаголов с указанием страниц в тексте диссертации, где они упоминаются или анализируются.

ГЛАВА I.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И РАЗГОВОРНОСТЬ: ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ

1.1. Русская разговорная речь в отечественном языкознании XX столетия: основные подходы

1.1.1. Определение понятия «разговорная речь»

Изучение русской разговорной речи имеет давнюю традицию. Еще в 1920-х гг. появились исследования в области диалогической речи Л.П. Якубинского, которые имеют определенное отношение и к исследованиям разговорной речи как особой разновидности русского языка. Однако непосредственно русскую разговорную речь начали изучать в 1950-е гг. Первые работы были посвящены особенностям разговорной речи в области ее синтаксического устройства, лексики, фонетики, т.е. непосредственно анализу языкового материала. Но о том, что касается понимания сущности разговорной речи, единого представления не было. По словам О. А. Лаптевой, стихийное описание и постижение объекта преобладало на первых порах над его выявлением и познанием как феномена литературного языка [Лаптева 2008: 5]. Не было ясно до конца (и до сих пор остается дискуссионным вопросом), что такое разговорная речь, какой термин следует использовать для именованя данного объекта (разговорная речь, устно-разговорная разновидность русского литературного языка, разговорный стиль, разговорный язык или обиходно-бытовая речь?), какое место занимает разговорная речь в системе стилей и как она соотносится с русским литературным языком. Важным вопросом является также то, как исследования в области коллоквиалистики находят свое отражение в лингвометодике, т.е. как можно

использовать полученные результаты исследования применительно к практике преподавания русского языка, в том числе и как иностранного.

Наиболее авторитетными в научной литературе принято считать три основных подхода к изучению русской разговорной речи, которые связывают с именами О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой и Е. А. Земской.

По мнению О. Б. Сиротининой, главным для определения понятия разговорной речи является ее связь с одной из основных функциональных сфер общения. Особенности этой сферы общения заключаются в непосредственном участии собеседника, в непринужденности, в неофициальности общения, тематической разносторонности и ситуативности [Сиротинина 1969: 373]. О.Б. Сиротинина понимает под разговорной речью устную литературную форму непосредственного общения. Как отмечает автор, разговорная речь в этом узком понимании является частным проявлением разговорной речи в более широком смысле: литературная и нелитературная разговорная речь (диалектная, просторечная). И хотя литературную и нелитературную разговорную речь многое объединяет: устная форма, диалогичность, спонтанность (все то, что обусловлено ее использованием в сфере непосредственного общения), литературная разговорная речь, по мнению ученого, имеет ряд отличий, связанных с реализацией в ней разговорного стиля с его нормами.

Наряду с термином «разговорная речь», О.Б. Сиротинина использует и понятие «разговорный стиль». Разграничение двух этих категорий заключается в следующем.

Во-первых, разговорная речь тематически не ограничена, в то время как разговорный стиль, как и всякий функциональный стиль, имеет тематические границы: излагая один и тот же факт в разных ситуациях, говорящий реализует в речи разные стили, при этом меняется точка зрения говорящего на этот факт и, следовательно, тема сообщения [Сиротинина 1974: 24].

Во-вторых, разговорная речь предполагает обязательно устную форму общения, в то время как разговорный стиль может реализовываться как в устной, так и в письменной форме.

В-третьих, в разговорной речи могут быть представлены черты различных стилей: нейтральных средств литературного языка, а также частично (хотя бы лексически) других функциональных стилей (например, спонтанная научная речь).

Следовательно, разговорный стиль реализуется в разговорной речи, однако он может реализовываться не только в ней: в разговорной речи могут находить отражения элементы и других стилей.

Для определения понятия «разговорная речь» О. Б. Сиротинина считает необходимым учитывать ряд оппозиций, связанных с этим понятием: оппозиции функциональных стилей (разговорный, научный, деловой и т.д.), форм (устная и письменная), видов речи (диалогический и монологический) и типов речи (бытовой, нейтральный, книжный). Проанализировав данные оппозиции, исследователь приходит к выводу, что для разговорной речи характерны следующие принципиальные признаки: разговорный стиль, устная форма, диалогический вид, бытовой или нейтральный типы речи [Сиротинина 1969: 384]. Спонтанность, важный для разговорной речи признак, отмечаемый многими исследователями, входит в признак диалогичности. Другой признак, отмечаемый многими исследователями, – эмоциональность, по мнению О. Б. Сиротининой, – типичный для разговорной речи признак, но не обязательный. Типичным, но не обязательным признаком разговорной речи О. Б. Сиротинина считает также ситуативную обусловленность. При этом важнейшим признаком разговорной речи, по мнению О. Б. Сиротининой, является непосредственность общения.

На вопрос о соотношении понятий «разговорная речь» и «обиходно-бытовая речь» О. Б. Сиротинина отвечает, что они совпадают лишь частями: «Разговорная речь – речь разговорного стиля литературного языка, тогда как обиходно-бытовая речь, так же как вообще бытовой тип речи, часто оказывается вообще за пределами литературного языка» [Сиротинина 1969: 387].

Что касается соотношения понятий язык и речь, то, по мнению О. Б. Сиротининой, «разговорная речь – это не только разговорное функционирование (реализация) языка, это и реализация определенного (разговорного)

функционального стиля языка» [Сиротинина 1969: 387]. И, несмотря на то, что исследования в области разговорной речи содержат много «языкового» (т.е. определенный набор элементов: слов, словообразовательных морфем, конструкций и особой их структурной организации), правильнее использовать термин «разговорная речь», по крайней мере, на современном этапе ее изучения.

О. Б. Сиротинина также подчеркивает, что, несомненно, существуют и нормы разговорной речи, они отграничивают ее от неразговорных стилей, от письменной формы языка, от городского просторечия. Однако вопрос о нормах – особый и сложный. Нормы необходимо описывать, выявлять из языкового материала. При этом нормы разговорной речи не являются стабильными, они варьируются в зависимости от времени, от региона использования языка, от социального и профессионального статуса говорящих и от целого ряда других условий.

Другой известный исследователь, О. А. Лаптева, использует термин «устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка». Для определения лингвистического статуса устно-разговорной разновидности литературного языка, по мнению О. А. Лаптевой, во-первых, важно определить ее место в кругу иных образований литературного языка, а для этого необходимо выяснить следующие связи: 1) устно-разговорная разновидность и стиль письменно-литературного языка; 2) устно-разговорная разновидность и постулируемая устная форма проявления кодифицированного литературного языка; 3) устно-разговорная разновидность и разговорный тип письменно-литературного языка; 4) устно-разговорная разновидность литературного языка и устно-речевые разновидности русского национального языка. Во-вторых, необходимо учитывать признаки разговорной речи (диалогичность, спонтанность, непринужденность, неофициальность и т.д.), на базе которых возникают следующие антиномии: речь устная – речь письменная, речь разговорная – речь книжная, речь некодифицированная – речь кодифицированная, речь диалогическая – речь монологическая, речь спонтанная – речь подготовленная, речь адресованная – речь неадресованная, речь непринужденная – речь

ответственная, речь неофициальная – речь официальная, речь непосредственная – речь опосредованная, речь эмоционально-экспрессивная – речь рациональная, речь автоматизированная – речь свободная, речь ситуативно обусловленная – речь, не зависящая от ситуации, речь тематически обусловленная – речь, не зависящая от темы сообщения, речь, ограниченная обиходно-бытовой сферой – речь, не зависящая от сферы применения, речь стилистически градуированная – речь, стилистически не градуированная [Лаптева 2008: 5-7].

Основные выводы, к которым приходит О. А. Лаптева, сопоставив устно-разговорную разновидность со стилем письменно-литературного языка и проанализировав названные выше антиномии, заключаются в следующем. Согласно концепции О. А. Лаптевой, все стили находятся в плоскости письменной формы существования русского языка, однако возможна их проекция и на устную форму. Устно-разговорная разновидность не является отражением какого-либо стиля, она является особым образованием современного русского языка. Сопоставление устно-разговорной разновидности и стилей современного русского языка выявило существенные различия между ними, позволяющие лучше понять специфику устно-разговорной разновидности, а также ее общие черты.

Основные результаты сопоставления устно-разговорной разновидности со стилями современного русского языка, по О.А. Лаптевой, кратко можно представить в виде следующей таблицы (Таблица 1).

Таблица 1.

Устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка и стили письменно-литературного языка.

Сопоставляемые объекты	Устно-разговорная разновидность	Стиль письменно-литературного языка
Рассматриваемые признаки		
Функциональная	Обслуживает широкую сферу	Основная функция стиля и

направленность речи	устного общения носителей литературного языка: это и семейные, и вообще обиходно-бытовые, и служебные, и «магазинные», и «уличные» разговоры и др.	коммуникативная сфера, которую он обслуживает, более однородна.
Тематическая определенность речи	И устно-разговорной разновидности, и стилю свойственна прикрепленность к тематическому циклу (объединению типических для данной речевой ситуации однородных конкретных тем сообщения).	
	Тематический фактор обуславливает внутреннюю градацию устно-речевых средств. Каждый тематический цикл имеет свой центр, где наиболее характерно представлены его тематические особенности, и периферию, где они переходят в сферу нейтральных тем (или иного тематического цикла).	Тематический фактор связан с гомогенностью средств выражения.
Вопрос о взаимопереводимости и синонимии разностилевых и общелитературных языковых средств	Речевые средства, находящиеся на периферии тематического цикла легче всего вступают в отношения межстилевой синонимии. (Чаще и легче возникает возможность синонимической замены общелитературными средствами, реже и труднее – средствами иного функционального стиля.)	Это справедливо не только для устно-разговорной разновидности, но и для других функциональных образований – с той лишь оговоркой, что стиль тематически монолитен, хотя периферия у него имеется.
Системная организация речи	Качество системности свойственно и стилям, и устно-разговорной разновидности («Если понимать системность как способность языковых единиц составлять определенные наборы с определенной синтагматикой и парадигматикой».С. 16). И стили, и устно-разговорная разновидность входят в общую систему литературного языка.	
	Отличие устно-разговорной разновидности от стиля проявляется в том, что специфические языковые единицы могут фигурировать в речи более или менее сгущенно (переплетаясь с нейтральными средствами), и степень этой сгущенности зависит от моментов ситуационно-предметного, тематического характера.	
Нормативность речи	Нормативный характер устно-разговорной разновидности не	В письменно-литературной сфере

	вызывает сомнений. Для нормы устно-разговорной разновидности характерна неоднородность. (Подробнее см. в параграфе 1.2.1.)	действует однородная кодифицированная норма. Ее отличает принципиальная допустимость сосуществующих вариантов-синонимов (и дублетов)
Преимущественная форма осуществления речи	Устная	Письменная

Автором сопоставляются некодифицированная устно-разговорная литературная речь и кодифицированная устно-литературная речь. Однако, по мнению О. А. Лаптевой, можно сказать, что фактически (если не учитывать чтение письменного текста вслух) устной формы кодифицированной речи не существует (здесь автор вступает в полемику с Е. А. Земской). О. А. Лаптева пишет: «Жанры лекции, доклада, публичного выступления, беседы на научную тему и т.п. обнаруживают в выборе речевых средств прямую связь с соответствующими стилями в их письменном воплощении (публицистическим, официально-деловым, научным), но устная форма их осуществления налагает на них столь существенный отпечаток, что названные характеристики устной речи выступают здесь наряду со стилевыми характеристиками, которые сопровождаются и употреблением разговорных элементов. Степень некодифицированности этой речи весьма высока. Задача состоит в том, чтобы выявить характер соотношения этих двух стихий в различных жанрах публичных выступлений» [Лаптева 2008: 41]. Автор приходит к выводу, что, поскольку речь публичных выступлений содержит разговорные элементы, ее следует включить в состав устно-разговорной разновидности, публичную речь следует признать одной из сфер устно-разговорной разновидности. При этом важно отметить то, что область сгущения устно-речевых особенностей и область проявления наибольшей облигаторности устно-разговорной нормы лежит за пределами данной сферы, и то, что данная сфера обнаруживает наибольший контакт со стилями письменно-литературной речи и испытывает влияние с их стороны.

Таким образом, в целом фактор устной формы речи обуславливает обращение к средствам устно-разговорной разновидности языка. Схожих взглядов на роль формы речи при определении основных особенностей коммуникации придерживается и Б. М. Гаспаров [Гаспаров 1978].

О. А. Лаптева рассматривает также признаки диалогичности – монологичности, публичности – непубличности, официальности – неофициальности и делает вывод о том, что эти признаки не оказывают решающего влияния на языковые характеристики речи. Как уже было сказано, в публичной, в официальной речи обнаруживаются черты стихии разговорной речи (устно-разговорной разновидности, в терминологии О. А. Лаптевой). Что касается оппозиции монологичность – диалогичность, то, по мнению автора, устно-разговорная разновидность всегда адресована: и в монологической, и в диалогической форме, а установка на слушателя создает сходство между монологом и диалогом (такого же мнения придерживается и О. Б. Сиротинина).

Важным фактором, который обуславливает выбор речевых средств, является ситуационно-тематический фактор. Фактор темы и фактор ситуации чаще всего выступают совместно, при этом фактор темы обуславливает прежде всего обращение к определенному комплексу средств (так, принадлежность к центру специфического тематического цикла обуславливает обращение к данному набору речевых средств и снижение возможности синонимии), а фактор ситуации (ситуация в значении «общая обстановка речи») обуславливает саму возможность употребления того или иного средства.

Факторы темы и ситуации, а также фактор устной формы общения являются основными определителями градуированности устно-разговорной разновидности.

Сопоставив взгляды О. Б. Сиротининой и О. А. Лаптевой, можно отметить следующее. Во-первых, как уже было отмечено, в работах исследователей используются разные термины: О. Б. Сиротинина пишет о разговорной речи, О. А. Лаптева – об устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка. По мнению обоих исследователей, анализируемый ими объект является разновидностью современного русского литературного языка

(т.е. нелитературный пласт остается за рамками данного объекта) и имеет преимущественно устную форму речи, а также такие признаки как диалогичность, спонтанность, непринужденность. Мнения исследователей сходятся также в том, что разговорной речи присущи свои собственные нормы.

В системе разновидностей современного русского языка О. А. Лаптевой не отмечается разговорный стиль, который, по мнению О. Б. Сиротининой, реализуется как в разговорной речи (устной), так и в письменной. Все стили современного русского языка в концепции О. А. Лаптевой лежат в плоскости письменной формы, а устно-разговорная разновидность – в параллельной плоскости устной формы, и, если расположить эти две плоскости друг над другом (как представлено в модели О. А. Лаптевой), устно-разговорная разновидность окажется за границами всех стилей. Что же касается тематического фактора, то О. А. Лаптева соглашается с утверждением О. Б. Сиротининой о том, что когда о каком-либо вопросе начинают говорить в неофициальной ситуации, используя средства разговорной речи, меняется точка зрения говорящего и фактически меняется тема [Лаптева 2007: 60]. Однако в целом выводы исследователей по данному вопросу расходятся: по мнению О. Б. Сиротининой, разговорная речь тематически не ограничена, согласно О. А. Лаптевой, устно-разговорной разновидности свойственна прикрепленность к определенной тематической сфере.

В отличие от О. Б. Сиротининой и Е. А. Лаптевой, которые (каждая по-своему) определяют положение разговорной речи в системе различных разновидностей современного русского языка, Е. А. Земская утверждает, что русский литературный язык существует в двух основных разновидностях: в кодифицированном литературном языке и в разговорном литературном языке (разговорной речи) [Земская 2011: 3]. По мнению Е. А. Земской, точнее было бы использовать термин «разговорный язык», а не «разговорная речь», так как две названные разновидности русского литературного языка обладают одинаковым лингвистическим статусом, но можно продолжать использовать и широко

распространенный термин «разговорная речь» в силу традиции, понимая его условность.

Для Е. А. Земской разговорная речь – это речь образованных русских людей в условиях непринужденного естественного общения. Таким образом, все три автора, О. Б. Сиротина, Е. А. Лаптева, Е. А. Земская, исследуют устно-разговорную речь в узком ее понимании: ограничивая разговорность исключительно литературными средствами и не включая в нее ненормативные единицы (элементы просторечия, жаргонизмы).

С экстралингвистической точки зрения разговорную речь характеризует обязательность такого условия, как непринужденное общение. Непринужденность общения создается тремя компонентами ситуации: 1) отсутствие установки на сообщение, имеющее официальный характер; 2) неофициальные отношения между говорящими (дружеские, родственные или нейтральные); 3) отсутствие элементов, нарушающих неофициальность общения (присутствие посторонних лиц, магнитофон для записи и др.). Как видно, во всех трех перечисленных условиях фигурирует понятие неофициальности общения. Из этого можно сделать вывод, что для Е. А. Земской неофициальность является определяющим фактором использования разговорной речи.

Помимо перечисленных обязательных компонентов ситуации, на выбор говорящими разговорной речи и на особенности ее строения влияют следующие признаки: 1) число говорящих – в соответствии с этим выделяются жанры разговорной речи: монолог, диалог, полилог (что касается монолога в разговорной речи, его отличительная черта – потенциальная диалогичность); 2) условия осуществления речевого акта – контактные или дистантные (разговор по телефону и др.); 3) опора на внеязыковую действительность (например, наличие предмета речи при разговоре усиливает эллиптичность речи, повышает роль местоимений); 4) общность апперцепционной базы говорящих.

Основная форма разговорной речи – устная. Однако сфера публичной коммуникации не относится к области функционирования разговорной речи.

Разговорная речь обслуживает по преимуществу сферу обиходно-бытовой, дружеской, семейной коммуникации.

Итак, оппозиция области функционирования – общественная сфера / частная сфера – соответствует разграничению кодифицированного литературного языка и разговорной речи. Однако существуют и промежуточные области, которые могут обслуживаться и той, и другой разновидностью литературного языка (например, разговор пациента с врачом, диалог в магазине, на улице и др.).

По наблюдениям Е. А. Земской, тематический фактор не играет существенной роли в выборе одного из двух основных типов литературного языка. Важна не тема общения, а параметр «официальные / неофициальные отношения» между говорящими.

Результаты различных исследований по русской разговорной речи показывают, что ей свойственны специфические языковые черты. Исходя из этого, Е. А. Земская делает вывод, что разговорную речь следует рассматривать как особую лингвистическую систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному языку в целом [Земская 2011: 16]. Исследователь также утверждает, что «разговорная речь и кодифицированный литературный язык, представляя собой две системы внутри литературного языка, близки на одних участках и далеки на других» [Земская 2011: 21]. Кодифицированный язык нуждается в специальном освоении (в школе), а разговорная речь – усваивается с рождения и не нуждается в специальном изучении (разумеется, для носителей языка). Функции двух данных коммуникативных подсистем находятся в дополнительном распределении, говорящие используют то одну, то другую в зависимости от условий коммуникации.

Важным вопросом, позволяющим лучше понять сущность разговорной речи, охарактеризовать ее, является вопрос о норме разговорной речи.

1.1.2. Общая характеристика русской разговорной речи

1.1.2.1. Представление о нормах разговорной речи

Разговорной речи, как отмечает большинство исследователей, свойственны свои собственные нормы в области произношения, лексики, грамматики и т.д., которые, однако, выявлены и описаны не в полной мере. В связи с этим представляют интерес вопросы: что такое нормы разговорной речи, какова их природа, в чем их отличие от норм кодифицированного языка.

Нормы кодифицированного языка описываются в словарях и грамматиках (ведется кодификаторская работа, борьба за сохранение и чистоту норм), их изучают в школе. Как пишет Б. А. Серебренников, роль различных средств сохранения и передачи нормы неравноценна для разных периодов развития общества: так, по мнению автора, на современном этапе возросла роль средств массовой информации, а роль частных видов коммуникации (традиции «семейной» литературной речи) снизилась [Серебренников 1970: 592].

К. С. Горбачевич дает следующее определение: «Норма литературного языка – это относительно устойчивый способ (или способы) выражения, отражающий исторические закономерности развития языка, закрепленный в лучших образцах литературы и предпочитаемый образованной частью общества» [Горбачевич 1971: 19]. Основные признаки нормы литературного языка, на которые указывает К. С. Горбачевич: устойчивость, распространенность, наличие авторитетного источника (литература); природа нормы – это узус и закон; норма – это реализованная возможность системы (то, как по традиции «говорится»), поэтому любой сдвиг в норме должен рассматриваться как реализация определенной возможности, уже заложенной в самой системе. Во всех областях языка проявляется вариативность нормы (фонетические, морфологические и др. варианты).

Собственные нормы есть и у диалектов. Нормы диалектов определяются только узусом (обычаем), тогда как норма литературного языка – явление гораздо

более сложного характера, и, как отмечает К. С. Горбачевич, это диалектически противоречивое явление.

Основные причины эволюции языковых норм:

1) закон экономии (выбор более коротких форм в стремлении к экономии времени и усилий);

2) закон аналогии (одна форма языкового выражения уподобляется другой, соотносящейся с первой в формальном и в содержательном плане);

3) влияние экстралингвистических факторов (главной чертой современного русского языка является демократизация, проникновение элементов живой, разговорной речи) [Горбачевич 1971].

Л. П. Крысин отмечает, что термин «норма» можно использовать в широком и узком понимании [Крысин 2007: 5]. В широком смысле норма – это общепринятые, устоявшиеся способы использования языка, а в узком смысле – это результат целенаправленной кодификации языка, то, как предписывают употреблять языковые средства словари и грамматики. Применительно к некодифицированным сферам языка мы можем использовать термин «норма» в широком смысле, и в этом значении ему близко понятие «узус», языковой обычай. Применительно к кодифицированному языку, как считает Л. П. Крысин, мы должны четко различать понятия «норма», «узус», «система» [Крысин 2007: 5].

Вопрос о кодификации, описании языковых норм, тесно связан с определением самого понятия современного русского языка и его разновидностях.

Для современного русского языка (традиционно понимаемого как язык от пушкинской эпохи до наших дней) характерно противопоставление норм кодифицированного языка и норм других функциональных разновидностей (диалектов, разговорной речи, жаргонов и т.д.).

Понятие кодификации, описание языковых норм в узком понимании термина, связано в большей степени с письменной языковой формой, чем с устной. Конечно, кодифицированный язык функционирует и в устной, и в

письменной формах, но, как показывает Б. М. Гаспаров, сама необходимость кодификации, т.е. составления грамматик и словарей, возникает в культуре, ориентированной на письменную традицию, для которой характерно написание неограниченного количества текстов (а не повторение ограниченного количества устных традиционных текстов) [Гаспаров 1978: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm>].

В чем же заключаются особенности нормы разговорной речи?

По мнению Е. А. Земской, нормы разговорной речи обладают большей вариативностью (ученый приводит примеры из области порядка слов, словообразования, фонетики, из сферы номинативных средств [Земская 2011: 18]).

Другой точки зрения придерживается О. А. Лаптева. По ее мнению, вариативность в большей степени свойственна норме кодифицированного языка, в котором существует большое количество синонимичных средств выражения.

Характеризуя норму устно-разговорной разновидности языка, О. А. Лаптева отмечает ее неоднородный характер. С одной стороны, разговорная речь – продукт автоматического возникновения речевого отрезка, ей свойственна произвольность выбора говорящим готовых речевых средств, поэтому для нормы разговорной речи характерна высокая степень облигаторности. С другой стороны, общелитературные речевые явления, функционирующие в разговорной речи наряду со специфическими явлениями, подвергаются в речевом акте различным смещениям, сообщение предстает в слабооформленном виде (отступающим от строгих норм грамматики и словоупотребления). Следовательно, неоднородный характер нормы разговорной речи (устно-литературной нормы, по представлению О. А. Лаптевой) заключается в том, что в ее пределах сосуществуют устно-литературная и общелитературная норма, представленная как в ее кодифицированном, так и в смещенном виде.

Таким образом, нормы, существующие в устно-разговорной разновидности языка, предстают в тройном виде: нормы общелитературные кодифицированные,

нормы общелитературные смещенные, нормы собственно устно-литературные некодифицированные [Лаптева 2008: 36].

Устно-разговорная литературная норма динамичнее кодифицированной, стремительнее в своем изменении, и вместе с тем ее отличает высокая степень облигаторности. По мнению О. А. Лаптевой, совмещение этих двух характеристик приводит к тому, что вариативность устно-литературной нормы (в пределах ее самой) значительно меньше, чем кодифицированной.

Однако это не значит, что устно-литературной норме не свойственна вариативность, в отличие от книжно-письменной речи вариативность устно-литературной речи в основном осуществляется за пределами данной разновидности языка. Вариантами специфически устно-литературных речевых средств обычно являются средства общелитературные, а не другие специфические устно-литературные средства. Этим, по мнению О. А. Лаптевой, и достигается высокая степень облигаторности устно-речевого средства. Кроме того, исследователь называет область, где все же существует широкая возможность синонимических замен между собственно устно-разговорными средствами: это словорасположение [Лаптева 2008: 39].

Сопоставляя устно-литературную некодифицированную норму с общелитературной и со стилевой нормой, О. А. Лаптева отмечает ряд сходств и различий. Сходство с общелитературной нормой обнаруживается в наличии широкой палитры стилистических градаций (и в этом же ее отличие от монолитной стилевой нормы). Сходство со стилевой нормой в ее статусе: обслуживание специфической коммуникативной сферы, что не свойственно норме общелитературной [Лаптева 2008: 37]. Кроме того, О. А. Лаптева отмечает промежуточное положение устно-литературной нормы между нормой диалектной и нормой кодифицированной.

Нормы разговорной речи – неоднородное явление, так как сама разговорная речь обнаруживает дробность в своем составе, разветвленные градации весьма различного характера: по подстилям и жанрам, по стилистической направленности речи, по социально-возрастным (вплоть до индивидуальных)

особенностям носителей речи, по степени ситуационной прикрепленности речи, по коммуникативной направленности речи (речь публичная – частная), по тематической обращенности, по типам коммуникативной отнесенности (монолог – диалог, повествование – вопрос – побуждение) и пр. При этом наряду с нормами, характеризуемыми всеобщностью, монолитностью, есть и другой тип норм, охватывающих лишь одну из вышеназванных сфер разговорной речи.

Следует отметить, что не все факты разговорной речи отражают ее нормы. Среди явлений разговорной речи широко распространены окказионализмы, индивидуальные образования, различные построения случайного характера, незавершенной организации, возникающие при разного рода самоперебивах, оговорках, повторениях, перестройках речи [Лаптева 2008: 34].

1.1.2.2. Устная форма разговорной речи

Как уже отмечалось, основная форма реализации разговорной речи – устная. Безусловно, устная коммуникация имеет свою специфику. В чем она заключается?

О. А. Лаптева ставит вопрос следующим образом: возможно ли противопоставление реализации разговорной речи в устной форме (устно-разговорной разновидности) и реализации кодифицированного русского языка в устной форме (если не учитывать чтение письменного текста вслух). Сопоставляя устные тексты публичной сферы общения (научные выступления, выступления в СМИ) и устные тексты обиходно-бытовой сферы, исследователь приходит к выводу, что несмотря на некоторые отличия, данным текстам свойственны общие типичные черты разговорной речи, связанные именно с устной формой, и поэтому публичная сфера входит в границы устно-разговорной разновидности, но находится на ее периферии.

Б. М. Гаспаров считает противопоставление письменной / устной формы речи особенно важным. В статье «Устная речь как семиотический объект» [Гаспаров 1978: 63-112] автор раскрывает существенные и значимые характеристики устной речи, проводит культурологические параллели и

позволяет глубже понять устную речь как единый феномен и разговорную речь, которая реализует наиболее отчетливо специфику устной коммуникации.

Противопоставляя устную и письменную формы речи, Б. М. Гаспаров снимает противопоставление спонтанной – неспонтанной речи. Исследователь отмечает, что влияние формы речи на ментальную сторону речевого акта особенно важно и велико. Что же касается оппозиции спонтанной – неспонтанной речи, то необходимо учитывать, что при неспонтанном произнесении (чтении наизусть, зачитывании готового написанного текста) обстоятельства меняются лишь для говорящего (неспонтанная передача сочетается со спонтанным приемом).

Б. М. Гаспаров исследует понятие устной речи, которая с точки зрения образования смысла и роли в стратификации семиотического механизма культуры, по его мнению, может рассматриваться в качестве единого феномена. Сам по себе выбор письменной или устной формы сообщает речи специфические черты, при этом в разных сферах устной речи данные специфические черты реализованы не в одинаковой степени. Так, бытовая разговорная речь наиболее отчетливо реализует специфику устной коммуникации.

Б. М. Гаспаров выделяет следующие общие свойства устной коммуникации. Прежде всего, это необратимость устной речи. В устной коммуникации отсутствует возможность выхода из временного течения речи. Возможность оперативной памяти целиком удерживать определенный объем коммуникации является ограниченной, в связи с этим структурирование речи (как говорящим, так и слушателем) оказывается более или менее неполным: невозможно фиксирование всех синтаксических и семантических связей. Этот фактор определяет принципиально иное отношение к построению устной речи и извлечению ее смысла, по сравнению с письменной коммуникацией [Гаспаров 1978: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm>].

Б. М. Гаспаров убедительно показывает позитивную сторону деструктурированных построений устной речи на примере фразы «*Пирожки свежие – только что купила – на углу магазин – свежие такие*». В этом и других

подобных построениях устной речи смысл отдельных частей свободно наслаивается друг на друга, оставляя сосуществующими альтернативные возможности (время и место покупки выступают здесь: а) как обстоятельство-указания; б) мотивировка свежести пирожков) и в то же время не давая полной определенности ни одной из альтернатив. По сравнению с рассматриваемым высказыванием, фразы письменной речи (1) *Какие свежие пирожки я купила только что в магазине на углу!* 2) *Эти пирожки такие свежие – ведь я их только что купила в магазине на углу;* 3) *Эти пирожки такие свежие – ведь я их только что, на углу, купила в магазине*) не могут передать вполне адекватно смысл устного сообщения, так как в них время и место покупки либо выступают в виде обстоятельств-указаний, не связываясь со свежестью пирожков (первая фраза), либо выступают в качестве объяснения свежести пирожков, теряя роль указателей (вторая, третья фразы) [там же].

По мнению Б. М. Гаспарова, в образовании материальной формы устного высказывания, а также в образовании смысла устной коммуникации участвуют вербальный и мелодический компоненты, их сложное взаимодействие. Совмещение двух механизмов (каналов) передачи (мелодического и вербального) отличает устную речь от письменной. Данное явление составляет отличительную черту устного способа коммуникации. Помимо двух названных компонентов устное сообщение состоит также из визуального канала.

Кроме того, на смысл устного сообщения влияют и факультативные факторы:

1) кинетический фактор – перемещения говорящего относительно слушающего;

2) специальный фактор – пространственное расположение говорящего и слушающего, или, точнее, расстояние между различными точками тела говорящего и слушающего;

3) тактильный фактор – соприкосновение говорящего и слушающего в процессе речи;

4) парафонетический фактор – наличие в речи звуков, не связанных с вербальными и мелодическими явлениями, таких как смех, плач, вздохи, прищелкивание пальцами, хлопки и т. д. [Там же].

Таким образом, во-первых, Б. М. Гаспаров отмечает характерный для устной речи принцип сопоставления и наложения различных сегментов вербальной последовательности. Во-вторых, он отмечает многоканальный характер устной речи (три или, как минимум, два канала передачи). В-третьих, ученый отмечает тот факт, что принцип сопоставления и наложения различных феноменов при генерации смысла можно рассматривать не только применительно к вербальной последовательности, происходит взаимодействие также и различных сегментов, относящихся к разным каналам (и это охватывает не только синхронные участки данных каналов).

Итак, Б. М. Гаспаров выделяет две основные особенности, отличающие устную речь от письменной: временная необратимость и наличие нескольких каналов передачи. В совокупности указанные качества влияют на смысл устной коммуникации. Смысл в устном сообщении обладает несколькими существенными особенностями.

Во-первых, смысл в устной речи неструктурированный. Ему свойственно многоплановое и многократное наложение и совмещение отдельных компонентов. Это сложный, многообразный, богатый оттенками смысл, непередаваемый полностью за пределами данного способа коммуникации, и в то же время это смысл диффузный, с неопределенными контурами.

Во-вторых, смысл в устной речи открытый. Это означает, что «говорящий, строя устную речь, проектирует некоторые наиболее существенные параметры, которые обязательно должны быть приняты слушателем; в остальном – он как бы запускает генерирующую смысл машину, дальнейшая работа которой, как в отношении ее воздействия на слушателя, так и в отношении обратной связи с сознанием самого говорящего, остается не полностью детерминированной и предсказуемой».

В-третьих, смысл в устной речи является невоспроизводимым. С одной стороны, без помощи средств механической записи, точное воспроизведение устного текста почти невозможно (так, небольшие изменения в мелодике оказывают существенное влияние на смысл). С другой стороны, даже при механическом воспроизведении в силу открытого характера смысла результат осмысления текста оказывается всякий раз иным.

Смысл же письменной речи является структурированным, закрытым, воспроизводимым.

Соотношение между устной и письменной речью М. Б. Гаспаров метафорически представил как соотношение между эскизом и чертежом конструкции. Однако различие между письменной и устной речью не является абсолютным, оно связано с различающейся общей доминирующей тенденцией в отношении выбора средств и способов генерации смысла.

Итак, устная форма разговорной речи влияет на особенности построения смысла в разговорной речи, а также на специфику плана выражения: языковые особенности на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса, и в том числе, что особенно важно для данного исследования - особенности употребления глагольных форм.

Большинство исследователей русской разговорной речи считают устную форму основной для разговорной речи. Однако если признать возможным реализацию разговорной речи и в письменной форме, то эта область разговорной речи нуждается в специальном рассмотрении.

1.1.2.3. Разговорная речь и письменная форма коммуникации

Во многих работах, посвященных анализу языковых особенностей разговорной речи, используются тексты художественной литературы. Отображение разговорной речи в письменных текстах художественной литературы, как показывают результаты многочисленных исследований (об этом

пишут и О. Б. Сиротинина, и О. А. Лаптева), имеет свою специфику и не должно безоговорочно приравниваться к материалам звучащей разговорной речи.

Как пишет О. А. Лаптева, различие в форме (письменная / устная) имеет первостепенное значение при сравнении разговорной речи (устно-разговорной разновидности, в терминологии О. А. Лаптевой) и ее отражения в художественном тексте (разговорного типа письменно-литературного языка). С одной стороны, в письменный текст, как правило, вовлекаются не новые речевые средства, а те или иные «отстоявшиеся» средства, представляющие языковой узус. С другой стороны, в целях стилизации писатель может использовать такие языковые средства, которые не выступают реально в устно-разговорной речи, но в художественном тексте могут служить средством стилизации под устно-разговорную речь [Лаптева 2008: 63-66].

Помимо отображения, имитации разговорной речи в художественной литературе, существуют такие традиционные виды письменной коммуникации, в которых возможно функционирование элементов разговорной речи: записки, бытовые письма и т.п. Однако в современном мире, благодаря достижениям научно-технической революции, получили широкое распространение новые сферы и способы письменной коммуникации (Интернет-общение разных видов, СМС-общение), в которых средства разговорной речи функционируют в письменных формах. Более того, с развитием электронной техники стали формироваться новые виды и жанры устной речевой коммуникации: видео-чаты, видео-конференции онлайн, голосовые сообщения и т.д.

Однако, несмотря на то, что материальная форма реализации различных видов Интернет-коммуникации преимущественно письменная, многие характеристики новейших форм и способов электронного общения приближают его к устному разговору. Об этом пишет, например, О. В. Лутовинова [Лутовинова 2008], выделяя различные проявления устности и письменности в текстах Интернет-общения. Сами участники Интернет-коммуникации обычно воспринимают онлайн-общение как разговор, а не как переписку («поболтать в чате»). В результате анализа актуального общения пользователей Интернета

О.В. Лутовинова приходит к выводу о том, что в Интернете начала функционировать новая «устно-письменная» разновидность речи [Лутовинова 2008: 65].

Речевое общение Интернет-пользователей, безусловно, имеет свои собственные специфические черты и этим привлекает внимание лингвистов. Как пишет Е. И. Горошко, появляющиеся публикации лингвистов, исследующих Интернет-коммуникацию, посвящены таким вопросам, как изучение особенностей функционирования сетевого языка, способы формирования сетевой идентичности и презентации виртуальной личности, протекание в целом речевых процессов в Интернете [Горошко 2007]. Другой важный вопрос, занимающий сейчас лингвистов, – особые речевые жанры Интернет-коммуникации [Дементьев 2010], [Рогачева 2011].

Характерная особенность письменной коммуникации в Интернете заключается в том, что зачастую единственный источник информации о собеседнике – его собственный текст (представление о внешнем облике человека отсутствует), поэтому информационная составляющая письменного сообщения выходит на первый план.

Изучение особенностей Интернет-общения и сетевого языка, несомненно, представляет исследовательский интерес. С одной стороны, устная форма разговорной речи, оказывает влияние на письменную форму разговорной речи - лексические, грамматические и даже фонетические особенности при помощи графики отчасти переносятся в письменный текст, который зачастую функционирует в схожих условиях с устной коммуникацией (например, при мгновенном обмене сообщениями). С другой стороны, письменная форма коммуникации порождает свои специфические особенности.

С. Турлоу в «Энциклопедии по социолингвистике» указывает, что с темой языка Интернет-общения соприкасаются пять предметных областей:

- 1) явления мультILINGВИЗМА (распространение и статус различных языков в Интернете);

2) изменения в языковой системе (на лексическом, грамматическом и др. уровнях);

3) изменения в интерактивных моделях и речевых практиках;

4) распространение и использование лексических Интернет-инноваций в обычном словарном составе языка;

5) способы описания этих лингвистических особенностей языка Интернета (в парадигмальных рамках металингвистики и терминологии) [Горошко 2007].

При исследовании разговорной речи, реализующейся в письменной форме в текстах Интернета, важно учитывать некоторые общие особенности Интернет-коммуникации. Е. И. Горошко называет следующие свойства Интернет-общения [там же].

1. Интернет-общение полифонично, оно объединяет в себе различные типы дискурса и речевых практик.

2. Гипертекстовые и интерактивные возможности Сети влияют на особенности порождения и восприятия текста.

3. Существенными факторами Интернет-общения являются анонимность и дистантность. Эти факторы, а также физическая непредставленность коммуникантов, возможность «присоединиться» или «отсоединиться» в любой момент способствуют, с одной стороны, усилению девиантного коммуникативного поведения (явления «спама», «троллинга» или «флуда»): снижается ответственность за свои поступки в Сети. С другой стороны, в этом общении существует необходимость постоянного создания, поддержания и удержания контакта, что требует максимальной мобилизации предназначенных для этого языковых средств. С этим связаны многочисленные нарушения нормы, а также тот факт, что перформативные высказывания приобретают здесь исключительное значение. Ситуация установления и поддержания контакта приводит к коммуникативному новаторству, речетворчеству, что делает общение необыденным и оригинальным. В данных текстах наблюдается языковое новаторство, к которому можно отнести и так называемый «язык падонков», распространение ошибок, нарушений графических и пр. норм.

4. Замещенный характер общения, когда коммуниканты стремятся получить необходимый минимум информации о виртуальном собеседнике, например, по нику, аватару и т.д.

5. Общению свойственна эмоциональная насыщенность, которая достигается, например, с помощью графических средств (использование заглавных букв, повторений пунктуационных знаков, смайликов и пр.).

6. Коммуникативное пространство Интернета (в силу перечисленных выше свойств) предоставляет возможности для творческого самовыражения, что связано с особым использованием языковых средств, желательностью и добровольностью контактов, возможностями построения виртуальной языковой личности (ее самопрезентации и творческой самореализации).

Все эти признаки прямо или косвенно указывают на связь с устно-разговорной речевой коммуникацией: диалогичность, эмоциональность, девиантность, имитация жестов и мимики и т.п.

Перечисленные свойства Интернет-коммуникации необходимо учитывать, обращаясь к текстам Интернет-общения, содержащим образцы разговорности – различных речевых проявлений разговорной речи.

Проявления разговорной речи возможны в разных функциональных разновидностях языка, в устной и письменной коммуникации, отдельно можно говорить о разговорности лексической, грамматической и пр.

Рассмотрим понятие «разговорность», основные разговорные черты в области лексики и морфологии, а также основные коллоквиальные особенности глагола, и перейдем к более частному проявлению разговорности глагола – морфологической парадигме.

1.2. Разговорная речь и явление разговорности

В настоящем исследовании представляется целесообразным наряду с термином «разговорная речь» применять и термин «разговорность», как это делает, например, В. Д. Девкин [Девкин 1979].

Рассмотренные подходы к определению понятия «разговорная речь», а также общие характеристики разговорной речи представляют значительный интерес для данного исследования, так как позволяют учитывать особенности функционирования ряда языковых единиц в разговорной речи.

Подход к определению понятия «разговорная речь», предлагаемый О.Б. Сиротининой, позволяет учесть нескольких важных аспектов: форма речи (устная), характер ее протекания (диалог), ситуативные условия (персональное, а не массовое общение). Основным признаком разговорной речи, по мнению О. Б. Сиротининой, является непосредственность общения.

О. А. Лаптева пишет о существовании устно-литературной разновидности языка, фактор устной формы речи является при данном подходе определяющим. Речь публичных выступлений тоже входит в данную функциональную разновидность, однако находится на ее периферии.

В работах Е. А. Земской и ее соавторов разговорная речь рассматривается как система, противопоставленная кодифицированному литературному языку. Определяющим фактором использования разговорной речи признается неофициальность общения.

Фундаментальные работы трех известных ученых и их последователей, несмотря на некоторые разногласия в терминологии, как пишет О. Б. Сиротинина, посвящены описанию одного объекта – речи в условиях неофициального персонально адресованного общения (при этом границы исследуемого материала могут несколько сдвигаться) [Сиротинина, 1998: 349].

Все рассмотренные аспекты разговорной речи целесообразно, на наш взгляд, принимать во внимание: не в качестве ограничителей, уточняющих объем и содержание понятия «разговорная речь» (это не входит в цели данного исследования), а в качестве характерных и взаимодополняющих свойств русской разговорной речи. Так, устная форма – не только основная форма реализации разговорной речи, устность можно считать характерной особенностью разговорной речи, так как и при функционировании элементов разговорной речи в письменной форме, можно наблюдать черты, свойственные устному общению. В

письменной коммуникации благодаря распространенным сейчас электронным средствам связи (мобильная телефония, Интернет) широко распространено, например, диалогическое спонтанное общение, которому свойственны черты устной формы (эллиптичность, неполные предложения, лексические повторы, нарушения грамматической связности и др.). В таком общении совмещаются как характерные особенности электронной коммуникации (компьютерный сленг, «смайлики», использование графических средств и др.), так и черты разговорности.

В целом различные проявления разговорной речи можно объединить общим понятием «разговорность». Под разговорностью будем понимать категориальные признаки, свойственные разговорной речи, и функционирование которых не обязательно ограничено собственно сферой устно-разговорной речи, но может распространяться и на другие формы речевой коммуникации. Специфика разговорной речи (в отличие от стилистически нейтральных единиц кодифицированного языка и от книжного стиля) проявляется на разных уровнях языка: в области фонетики, лексики, грамматики. Описанию и изучению этой специфики посвящены многие работы. Большинство исследователей используют при этом термин «разговорная речь», он прочно вошел в употребление и используется по традиции, хотя и трактуется по-разному.

Следует отметить, что использование термина «разговорность» встречается в исследованиях, посвященных разговорным элементам в художественной литературе. Например, в работах Л. Н. Козловой [Козлова 2009; 2010] оно встречается при описании стилизации разговорной речи в произведениях Л. Улицкой: автор анализирует средства создания «эффекта разговорности».

Об употреблении данного термина применительно к средствам создания имитации разговорной речи в художественной литературе пишет и О. Б. Сиротина. По мнению автора, необходимо размежевание терминов «разговорная речь» и «разговорность», так как они относятся к разным лингвистическим объектам, имеющим лишь частичное сходство. Разговорная речь представляет собой живую устную речь, в то время как разговорность, по

мнению автора, обозначает «намеренное использование элементов разговорной системы с преобладанием при этом сниженных ее элементов и даже нелитературных» [Сиротинина 1998: 352]. О. Б. Сиротинина интерпретирует разговорность как особую эстетическую или риторическую категорию. В художественном тексте разговорность представляет собой эстетическую категорию, связанную с созданием впечатления живой устной речи, в средствах массовой информации разговорность как риторическая категория связана с созданием впечатления не книжной речи. Интерпретация разговорности О. Б. Сиротининой стала основой для исследований И. А. Иванчука [Иванчук 2004] и М. А. Кормилицыной [Кормилицына 2007].

Разговорность как концепцию речевого поведения анализирует В. И. Коньков. Исследуя стилистические явления в речевой практике СМИ, автор обращает внимание на проблему разговорного начала в СМИ, которая видится ему более масштабной, чем изучение разговорных слов и конструкций в текстах СМИ. Разговорность исследователь понимает как «использование концепции речевого поведения, сложившейся в сфере бытовой разговорной речи» [Коньков, 2009: 14]. Основой этой концепции являются неофициальные, личные отношения между участниками коммуникативного акта, наличие эмоционально-чувственной составляющей. Отсюда следует и возможность появления в СМИ особых стратегий и тактик (это может быть и ссора, скандал, упреки, и установка на доверительность, шутку и др.), а также многие другие особенности речевой практики СМИ.

В настоящем исследовании, как уже отмечалось, разговорность понимается широко, независимо от сферы функционирования языка, это может быть живая устная речь, звучащие или письменные СМИ, публицистические и художественные тексты.

1.3. Разговорность в системе средств ее выражения

1.3.1. Специфика разговорной лексики

Рассмотрим некоторые проявления разговорности на уровне лексической семантики и, как следствие, на уровне морфологии, поскольку, как это будет далее показано, коллоквиальная специфика морфологических свойств слова обычно определяется его лексико-семантическими особенностями.

Известный ученый-германист В. Д. Девкин выделяет в разговорной лексике следующие функционально-стилистические пласты: 1) общеязыковой нейтральный; 2) разговорно окрашенный, связанный с «бытовой номенклатурой», то есть названиями неактуальными для официального общения; 3) разговорные дублеты и синонимы нейтральных номинаций; 4) «несловарные» лексические средства, привлекаемые в живой беглой речи как замены регулярно применяемых лексем [Девкин 1979: 152].

В. Д. Девкин отмечает, что если переводить разговорную единицу в нейтральный пласт, то, как правило, одной разговорной единице соответствует несколько нейтральных единиц, т.е. перевод осуществляется описательно (например, глагол *окрыситься* не имеет однословного соответствия в нейтральном словаре, ему соответствует целая группа слов: «раздраженно, злобно ответить»). При попытке передать разговорную семантику только одним нейтральным словом произойдет некоторая потеря информации. Различия между разговорными единицами и нейтральными не сводятся к стилистическим модификациям, они имеются также в денотативном и коннотативном компонентах семантики, а иногда возможны и в области прагматики. Кроме того, разговорность может быть связана не с семантическими отличиями между нейтральной и разговорно маркированной единицей, а с требованиями их словосочетаемости.

В. Д. Девкин указывает также, что разговорной лексике свойственна идиоматичность, пестрота, сопротивление включению в стройные, упорядоченные отношения, противоречивость.

Анализируя материал немецкой разговорной речи, автор распределяет разговорные слова по следующим видам в зависимости от семантической емкости: 1) единицы с минимальным семантическим осложнением, то есть с простой семной структурой («симплизы»); 2) слова многосемные, информативно насыщенные («конденсаты»); 3) слова с ослабленной знаменательностью («диффузы») [Девкин 1979: 155]. Сходную классификацию применяет для русских разговорных глаголов Е. А. Земская [Земская 1981] (подробнее об этом см. в параграфе 1.3.3).

Как отмечает В. Д. Девкин, в разговорной лексике особенно многочисленны две группы: конденсаты- слова с предельно насыщенной семантической структурой, и диффузы – слова, лишенные семантической определенности.

Явления конденсации наблюдаются в тенденции к передачи сложного смысла единицей меньшего ранга: содержание предложения передается словосочетанием, содержание словосочетания – словом, слово заменяется морфемой. Так, автор приводит в качестве примера конденсатов продуктивные образования на *-ка*, которые включают в себя дополнительное содержание, не вытекающее непосредственно из структуры компонентов слова: *начерталка* – ‘георметрия’.

Сложная семантическая структура разговорных слов необязательно связана со словообразованием. Многим разговорным единицам свойственна емкость значения, конденсация разных смыслов, при этом «семы по мере надобности могут ‘заиграть’ благодаря намеренности передачи и перестать замечаться, ‘потухнуть’» [Девкин 1979: 158].

Если конденсатам свойственна многосемность, то диффузам, наоборот, – малосемность. Для диффузов характерно расплывчатое, неопределенное содержание, способность проявлять более конкретную и понятную слушающим семантику только в контексте. Диффузы «удобны» для говорящего, так как могут

быть использованы в разговорной речи при выражении разных смыслов, в разных ситуациях. В русском языке распространены диффузные глаголы (*жарить, махнуть, шпарить, давать, жать, дуть*), диффузные существительные (*штука, дело, ерунда*), диффузностью обладают также местоименные слова. Смазанная, диффузная семантика может быть свойственна «модным», частым в использовании словам (*нормально*).

Как отмечает В. В. Химик, явление диффузии широко распространено в разговорной речи. Автор выделяет три основные разновидности «диффузиков»: диффузные номинации (*колбасить, фигачить, чебурахнуть*), диффузные значения (*драть, жарить, молотить*), диффузные морфологические форманты (*симпатичный → симпотный, тусовка → тусняк, точно → точняк, здорово → здоровско*) [Химик 2011: 717-719].

Как известно, разговорной лексике свойственна экспрессивность, а также оценочность. Оценки бывают разные, в самом широком смысле они могут быть положительными или отрицательными. В научной литературе отмечается преобладание разговорной лексики с отрицательной оценкой. Не исключено и сложное взаимодействие противоположных оценок в семантической структуре одного слова.

Системный подход к определению разговорной речи Е. А. Земской и ее соавторов позволил внести существенный вклад в описание разговорной речи и выявить многочисленные особенности ее в разных аспектах (фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис, речевой этикет). Результаты исследований данного коллектива представлены в трех фундаментальных монографиях [Русская разговорная речь 1973], [Земская 1981], [Русская разговорная речь 1983] (имеются и переиздания).

1.3.2. Морфологические проявления разговорности

В области морфологии ученые [Русская разговорная речь, 1983], [Земская, 2011] отмечают следующие особенности разговорной речи.

Во-первых, некоторые отличия разговорной речи от кодифицированного литературного языка обнаруживаются в наборе грамматических форм: в кодифицированном языке имеются некоторые формы, отсутствующие в разговорной речи, и, наоборот, в разговорной речи возможны формы, не свойственные кодифицированному языку.

Во-вторых, отличия связаны со специфическим количественным соотношением грамматических классов словоформ.

В-третьих, возможны специфические функции у ряда грамматических единиц в разговорной речи.

В-четвертых, разговорная речь характеризуется более ярко выраженными чертами аналитизма. Аналитизм дает общие сведения о некоторых сторонах организации разговорной речи, в частности, о способах выражения грамматических значений: грамматическое значение аналитических единиц передается вне пределов данного слова, средствами контекста в широком смысле слова (к средствам контекста относятся служебные слова, семантические связи между словами, порядок слов, интонация). Опора на ситуацию, неподготовленность разговорной речи, общность апперцепционной базы приводят к аналитизму, к тому, что в разговорной речи широко используются синтаксические построения, в которых связи между единицами выражаются не с помощью морфологических показателей, а только простым соположением единиц, а также интонацией, мимикой, жестом.

Кроме того, отмечается такая особенность разговорной речи, как большая регулярность в действии моделей разного рода. Это проявляется не только в сфере морфологии, но и в словообразовании, синтаксисе, фонетике, семантике. Автоматизм построения разговорной речи (связанный с условиями протекания разговорной речи) определяет свободу действия в ней моделей разного рода от ограничений.

Названные особенности являются типическими тенденциями функционирования разговорной морфологии, однако встречаются и противонаправленные им тенденции.

Отмеченная выше черта аналитизма проявляется также и в функционировании классов знаменательных слов, не имеющих форм словоизменения: наречий, аналитических прилагательных, слов категории состояния; а также специфических разговорных классов слов: предикативов и релятивов [Русская разговорная речь 1983: 84].

Предикативами называют слова, которые не имеют форм словоизменения, выполняют функции сказуемых личных конструкций и функционально сближаются с глаголами. Выделяются два подкласса предикативов:

- а) междометно-глагольные слова (*бац, бах, ля-ля, бу-бу-бу, юрк*);
- б) предикативы-оценки (*не ах, того, так себе*).

Междометно-глагольные предикативы совмещают черты междометий и глаголов. По характеру семантики и составу корней данные слова близки звукоподражательным междометиям. Основная их функция в разговорной речи – быть сказуемыми личных конструкций (*Он юрк в цель*).

Предикативы-оценки имеют качественно-характеризующее оценочное значение и тяготеют по своей семантике к имени прилагательному. В этот подкласс входят слова местоименного, наречного и междометного происхождения (*того, очень даже, вообще, совершенно, не очень, не ахти* и др.). Специфическая их особенность – обобщенный характер семантики, которая уточняется в контексте.

Аналитизм проявляется также в явлении, которое получило название «широта функций немаркированных членов морфологических парадигм» [Русская разговорная речь 1983: 98]. Такие немаркированные члены морфологических парадигм, как именительный падеж существительного и инфинитив, обладают высокой употребительностью в разговорной речи.

Употребительность именительного падежа, а также его полифункциональность (и при этом снижение роли косвенных падежей) связаны с ослаблением морфологических связей в синтаксических конструкциях разговорной речи, частотностью связей типа примыкание, построением высказывания на ходу, когда действует принцип ассоциативного присоединения

(*Я не сплю когда / все пью подряд / валерьянка / пустырник / какая-то микстура успокоительная*).

Полифункциональность свойственна и форме инфинитива: в разговорной речи он может выполнять функции, несвойственные ему в кодифицированном языке (подробнее об этом см. параграф 1.3.3).

Еще одна названная выше особенность разговорной речи в области морфологии – широта действия, свобода от лексических ограничений в реализации тех или иных моделей и грамматических значений – обнаруживается в функционировании некоторых грамматических категорий имени и глагола. Так, например, в разговорной речи возможно образование форм степеней сравнения не только от качественных прилагательных, но и от относительных прилагательных и адъективированных причастий (*Не только первый / просто первое первых; Я попытался сказать развернутее; Я люблю грузинские вина // – Пей! Это самое грузинское!*). (О реализации данной особенности на примере глагола см. в параграфе 1.3.3.)

В соответствии с целью и объемом данного исследования ограничимся изложением только некоторых разговорных особенностей лексики и грамматики, которые с наибольшей очевидностью демонстрируют специфику разговорной речи и представляют разговорность как явление языка (не уделяя внимания более частным характеристикам отдельных частей речи).

В центре нашего внимания – лексическая семантика и грамматические формы глагола в разговорной речи, поэтому целесообразным видится рассмотреть существующее в научной литературе описание разговорных особенностей глагола в целом, а затем перейти к вопросу о проявлении семантики и парадигматики глагола в живой разговорной речи.

1.3.3. Коллоквиальные признаки глагола как части речи

Авторами коллективной монографии под редакцией Е. А. Земской [Земская 1981] отмечается, что глаголы в семантическом отношении неоднородны (как и в

целом лексика разговорной речи), им свойственно противоборство двух тенденций: тенденции к семантическому сжатию, информативному насыщению разговорного слова и тенденции к семантической неопределенности, диффузности значения [Земская 1981: 149-150]. В соответствии с данными тенденциями авторы классифицируют разговорные глаголы, выделяя два лексико-семантических класса глаголов.

1. Семантически насыщенные глаголы (*О парикмахере: Она меня так залачила; Я эту книгу так долго желала, разжелала уже*). Семантически насыщенные глаголы могут включать в себя указания на те или иные актанты глагольного действия. Например, обозначение действия по его субъекту: *Устал я очень, полгода деканил; А когда секретарить кончишь?*; обозначение действия по его объекту: *Ты нас озодиачила* (подарила знаки зодиака) и др.

2. Семантически диффузные глаголы (*Ты сюда эту брошку прищипандорь; Две корзины налутил* (насобирал); *Я себе белую сумку купила, а Люська приехала и оттяпала* (отобрала)). Диффузным глаголам свойственна неопределенность значения, которая снимается контекстом.

Промежуточное положение в этом делении занимают глаголы с переносным значением, они могут быть семантически насыщенными, т.к. содержат не только указание на действие, но и ассоциативный образ (*Что я тебя сегодня перекапустила* (ср. 'перекутала')), однако ассоциативные связи могут оказаться отдаленными, и это приводит к десемантизации глагола (*Что-то опять меня заколдобило* – ср. 'зациклило').

По представлению исследователей (Е. А. Земской и ее соавторов), в разговорной речи наблюдается особенно широкое функционирование глаголов с переносным значением, что связано со стремлением говорящего дать однословное, семантически емкое и точное обозначение действия.

Метафоризация разговорных глаголов имеет следующие особенности. Для разговорной метафоры характерна сфокусированность на человеке, его чувствах, поведении, при этом, как правило, в структуре семантики таких глаголов

актуализируются экспрессивно-оценочные компоненты. Выделяются следующие источники ассоциативных образов:

а) перенос из сферы конкретных физических действий в сферу духовных действий (*переварить* – ‘усвоить’, *разжевать* – ‘объяснить’, *мариновать* – ‘намеренно долго задерживать’);

б) перенос, имеющий направление животное → человек (*петушиться, окрыситься, шиачить*); в том числе перенос ‘действие, свойственное животному’ → ‘действие, свойственное человеку’ (*заклевать, загрызть, пронюхать*) и др. [Земская 1981: 161].

С явлением вторичных разговорных значений глаголов связано и такое явление, как «прагматическая антонимия», на которое указал В. Ю. Апресян. В русском языке лексическая единица может развивать употребление или значение, которое является в каком-то смысле антонимичным ее исходному, главному употреблению (ср. *выводить новый сорт роз; выводить тараканов*) [Апресян 2007: 55-57]. Данное явление может быть связано и с прагматической интенцией говорящего («прагматическая» антонимия), тогда, как правило, оно отмечено разговорностью. Автор приводит в пример следующие случаи, когда говорящий выбирает языковые средства, исходная семантика которых внешне идет вразрез с его прагматическими интенциями:

а) использование формы императива для выражения прагматического смысла угрозы: *Поговори, поговори у меня* (не побуждение, а запрет и угроза);

б) использование формы вопроса в контекстах, где ответ известен и очевиден: *Я к кому обращаюсь? Я на каком языке говорю?* (не вопрос, а сообщение о раздражении и недовольстве) и др.

Описание особенностей словообразования глагола в разговорной речи содержится в монографиях, выполненных под руководством Е. А. Земской: [Земская 1981], [Русская разговорная речь 2011]. Авторами отмечается, что глаголы в разговорной речи образуются по стилистически нейтральным моделям, функционирующим и в кодифицированном литературном языке, и это составляет характерную особенность разговорной речи в области словообразования – резкое

противопоставление имени и глагола, – так как в именном словообразовании имеются специфические способы и средства словообразования.

Специфичен в словообразовании разговорных глаголов только суффикс *-ану-*, обозначающий интенсивность и однократность действия (*долбить – долбануть, сказать – сказануть, прыгать – прыгануть*). Суффикс *-ану-* – активно функционирующее в разговорной речи экспрессивное словообразовательное средство.

Имеются и некоторые другие закономерности словообразования глаголов в разговорной речи, связанные с особенностями семантики глаголов.

Разговорным глаголам свойственна активная префиксация. Опора на конситуацию позволяет говорящему в разговорной речи свободно образовывать разнообразные префиксальные глаголы с коллоквиальной окрашенностью: *Недельку можно побездельничать. – Но он перебездельничал; Он у них капризным стал. – Потому что перенянчили; Его разговоры уже поднадоели.*

Для глагола в разговорной речи характерно такое явление, как вторичная префиксация (*Я слегка поотвыкла от этого; Завтра это дело должно подзакруглиться; Мне осталось обои доободрать*).

Другое характерное для разговорных глаголов явление – заменительная префиксация (*Что-то ты недоборщил (ср. переборщил); Рукава мне, пожалуйста, высучи (ср. засучи)*).

Одной из ярких особенностей словообразования глаголов в разговорной речи является наличие префиксальных экспрессивно-синонимических рядов глаголов (например, ряд глаголов со значением ‘упустить кого-, что-либо в результате собственной оплошности’: *проворонить – проиляпить – прозевать*; ряд глаголов со значением ‘стать непослушным, недисциплинированным’: *распуститься – развинтиться – распоясаться*).

Эти и многие другие разговорные черты глагольного словообразования подробно описаны в монографии [Земская 1981].

Что касается собственно морфологии, то в научной литературе отмечаются следующие общие коллоквиальные особенности глагола.

Глагольная парадигма включает спрягаемые формы, инфинитив и краткие страдательные причастия прошедшего времени. Обычно в разговорной речи не используются действительные причастия, страдательные причастия настоящего времени и деепричастия (однако употребляются отглагольные наречия типа *сидя, лежа, стоя*) [Земская 1981: 116].

В разговорной речи встречаются все общерусские значения форм времени, и при этом обнаруживаются некоторые специфические для разговорной речи значения отдельных форм лица, вида и времени.

В специфических для разговорной речи значениях могут употребляться, например, следующие формы глагола:

– 2-го лица настоящего времени в обобщенно-личном употреблении: *Его не переделаешь* ('нельзя переделать'); *Эту задачу так просто не решишь* ('нельзя решить').

– будущего времени совершенного вида с наглядно-примерным значением: *Они всегда все перепутают.*

– совершенного и несовершенного вида с условным значением: *Чашку разобьешь, убью; Во второй вагон садись, больше трясет.*

– прошедшего и будущего времени совершенного вида с гипотетически-негативным значением: *Ну хорошо, поступил я в институт, а жить на что буду? Мне в институт нельзя; Поженитесь вы, а кормить кто вас будет?*

– императива совершенного вида со значением действия, которое субъект не может совершить: *Вот и уследи за этим котиком* ('нельзя уследить')

– будущего времени, инфинитива совершенного вида с потенциальным значением: *Улица Максимова, как проехать? – Не знаю, не скажу.*

– прошедшего и будущего времени совершенного вида глаголов движения, выражающие намерение говорящего или адресата речи действовать в ближайший момент: *Я пошел; Я побежал; Ну, ты поехал?; Я пойду.*

– 2-го лица будущего времени совершенного вида с императивным значением: *В восемь поужинаешь и ляжешь, хорошо?* и др. [Русская разговорная речь 1983: 119-135].

Специфические функции в разговорной речи характерны и для форм инфинитива [Земская 2011: 176-177]. Инфинитив может служить распространителем существительных конкретной семантики, обозначая назначение предмета (*Полотенце руки вытирать принеси мне*). Номинации, имеющие строение «конкретное существительное + инфинитив + зависимое от него существительное» (В магазине: *Кисть обои приклеивать есть у вас?; Жидкость мебель чистить есть?; Паста ванну мыть сколько стоит?*), могут подвергаться сокращению, в результате чего сохраняется только инфинитив с зависимым существительным (*Ванну чистить есть у вас?; Мебель полировать есть что-нибудь?*).

Одна из общих характерных для морфологии разговорной речи тенденций – регулярность в действии грамматических моделей – проявляется и на уровне глагольных единиц [Русская разговорная речь 1983: 101-103].

Грамматическую категорию переходности в разговорной речи можно охарактеризовать как более регулярную, чем в кодифицированном языке. При отсутствии каузатива (ср. *есть – кормить, пить – поить, гнить – гноить*), говорящий, который испытывает семантическую потребность в каузативах, зачастую подвергает непереходный глагол процессу транзитивизации (т.е. превращает его в переходный): *Он не сам ушел / его ушли; Что ты делаешь? – Спину загораю; Ты пойдешь гулять собаку? Кто девушку приглашает, тот ее и танцует; голосовать депутата; захлопать докладчика; завтракать кашу* и др.

Регулярность реализации переходных значений в разговорной речи может объясняться и условиями протекания разговорной речи: диалогичность, автоматизм в построении высказываний, быстрота реакции участника коммуникации. Все это приводит к тому, что говорящий зачастую употребляет в ответной реплике тот же глагол, что использовал ранее собеседник, но в переходном значении: *Ой, куда-то стол едет! – Это я его еду*.

Большая регулярность категории переходности в разговорной речи по сравнению с кодифицированным языком проявляется также и в том, что некоторые из глаголов, переходных и в кодифицированном литературном языке, в

разговорной речи способны иметь более широкий класс существительных, выступающих в функции прямого дополнения, что объясняется эллиптичностью разговорной речи (*Ты уже Мишу прооппонировал? А кто будет Таню на Ученом Совете представлять?*).

Помимо глагольной категории переходности большей регулярностью характеризуется категория вида. Регулярность в образовании видовых пар глагола обнаруживается в более свободном префиксальном образовании глаголов совершенного вида (*пронаблюдать, отсканировать*) и в образовании вторичных имперфектов, отсутствующих в кодифицированном языке, например: *защекатывать, задубевать*.

Во-первых, для разговорной речи характерно образование вторичных имперфектов и в тех случаях, когда их нет в кодифицированном языке. Для этого чаще всего используются суффиксы *-ива- / -ыва-*: (*Там [в больнице] когда лежишь, всего наслушиваешься. – И наслушиваешься, и навидываешься; Чернай, чернай. – Почерпывать можно до конца своей жизни*), иногда другие суффиксы (*Я ведь даже прослезилась тогда. – Обязательно **прослезяешься***).

Во-вторых, в разговорной речи свободнее образуются префиксальные формы совершенного вида (*Это надо **пронаблюдать**; С другими борись, с собой борись, так всю жизнь **проборешься**; Я хочу знать, точно ли будет автобус, а то **пронадеешься***).

Таковы некоторые особенности разговорных глаголов в области лексики, словообразования и морфологии. Обратимся, однако, к базовым категориям глагольной словоформы – морфологическим парадигмам лица и вида. Рассмотрим общие особенности личной и видовой парадигм русского глагола применительно к разговорной речи.

1.3.4. Некоторые общие морфологические свойства русского глагола

Глагол как часть речи объединяет большое количество разных словоформ: личные формы глагола изъявительного наклонения, личные формы глагола в сослагательном и повелительном наклонениях, причастия, деепричастия,

инфинитив. Объединение всех этих словоформ не является бесспорным, причастия и деепричастия, например, трактуются иногда как самостоятельные части речи. Однако традиционно, несмотря на разную морфологическую характеристику (данные словоформы характеризуются разными морфологическими категориями, единственная общая для всех глагольных форм категория – вид) и несовпадение синтаксических свойств, только по семантическому критерию все эти словоформы объединяют в глагольную лексему [Милославский 1981: 152-155].

В русском языке глагольные категории вид и время тесно взаимосвязаны, видовые и временные значения глагольных форм взаимодействуют друг с другом, поэтому в научной литературе принято говорить о видо-временных формах глагола.

По словам М. А. Шелякина, вид «характеризует особые различия в протекании действия в его «внутреннем» времени: всякое действие имеет какое-то количество своего времени. Понятие «внутреннего» времени действия следует отличать от понятия временной локализации действия, в которой проявляется различие в видовом распределении действия во «внутреннем» времени. Поэтому в русском языке функционирует единая видо-временная система форм глагола» [Шелякин 2001: 74].

Парадигма видо-временных форм глагола включает формы совершенного и несовершенного вида, при этом для несовершенного вида возможны все три формы времени (прошедшее, настоящее, будущее), а для совершенного вида – только формы прошедшего и будущего.

Таким образом, систему видо-временных форм можно представить следующим образом:

Прошедшее несовершенное (<i>писал</i>)	Прошедшее совершенное (<i>написал</i>)
Настоящее несовершенное (<i>пишу</i>)	–
Будущее несовершенное (<i>буду писать</i>)	Будущее совершенное (<i>напишу</i>)

Схема является традиционной, но не общепринятой. Различные трактовки имеет форма будущего совершенного, которую иногда называют формой настоящего-будущего совершенного, так как она способна выражать значения не только будущего времени, но и настоящего. Исторически это форма настоящего времени совершенного вида, однако за ней закрепилось преимущественное использование для выражения значения будущего времени. Данная глагольная форма – свидетельство тесной связи категорий вида и времени.

Как отмечают исследователи, главной спецификой русского глагола является категория вида, и это одна из наиболее сложных грамматических категорий, одна из центральных категорий в русском языке. Своеобразие вида определяется в первую очередь «его тесной связью с лексической базой, способностью чутко реагировать на семантическую многозначность словесного материала» [Распопов, Ломов 1984: 95-96].

Одним из главных вопросов в аспектологии является вопрос о категориальных значениях каждого из видов. Однозначного решения данного вопроса нет.

В большинстве работ по аспектологии сильным членом видовой оппозиции признается совершенный вид. Считается, что несовершенный вид не является семантически маркированным, он не несет положительного значения в своей форме (в определенных случаях он выражает несовершенство, а в других случаях может выражать совершенство) [Авилова 1976: 21], [Милославский 1981: 162], [Якобсон 1985: 213].

По вопросу о семантике совершенного вида наибольшее признание получила точка зрения, согласно которой совершенный вид означает целостность. Считается, что значения целостности выражаемого глаголом действия является наиболее абстрактным и охватывающим все глаголы совершенного вида.

Понимание семантики совершенного вида как неделимого целого действия, в то время как в семантике несовершенного вида не содержится указания на цельность действия, активно поддерживается в работах А. В. Бондарко. Автор

исследует «семантический потенциал видовых форм», содержание видов как совокупности их функциональных возможностей.

Что касается доминанты семантического содержания совершенного и несовершенного вида, ученый указывает на следующее: «Совершенный вид выражает действие в его целостности, но не в процессе его протекания, тогда как несовершенный вид, не обладая признаком целостности действия, может выражать действие как процесс» [Бондарко 1971: 17].

По мнению М. А. Шелякина, «ключом» к пониманию семантики вида является лексико-семантическое разделение русских глаголов на предельные и непредельные. Предельные глаголы «обозначают действия, которые по своей природе или способу проявления предполагают хотя бы в отдаленной перспективе какой-то «внутренний» предел, по достижении которого данное действие или данный способ его проявления прекращается» [Шелякин 2001: 77]. Таким пределом может быть:

1) предусмотренный / непредусмотренный какой-либо результат (новое состояние (в том числе и возникновение) субъекта, объекта действия): *писать письмо, красить стены, заблудиться*;

2) временная граница длительности действия: *поспать, проспать два часа, крикнуть*;

3) временные границы начала или конца действия: *начинать, кончать, заплакать*;

4) крайняя граница или чрезмерная степень развития интенсивности, продолжительности, длительности или повторяемости действия: *раскричаться, засидеться, нагуляться, переспать*.

Непредельные глаголы «обозначают действия (состояния), которые по своей природе или характеру проявления не имеют «внутренних» пределов, т.е. потенциально лишены ограниченности: *находиться, весить, называться, хотеть*» [там же].

Предельные глаголы могут быть парными по виду или только совершенного вида, а непредельные глаголы – только несовершенного вида.

На основании признака достижения предела формируются общие значения совершенного и несовершенного вида. Общее значение совершенного вида – целостность действия или способа его проявления. Это значит, что обозначенное данным глаголом действие или способ его проявления является целостным фактом, прошедшим стадии начала, какой-то «середины» и достигшим определенной границы. Несовершенный вид обозначает нецелостность действия, которое «сводится к выражению процессности действия (*Он пишет письмо*), его неограниченной длительности (*Он живет в деревне*) или неограниченной повторяемости (*Он каждый день ходит в библиотеку*)» [Там же]. Действие несовершенного вида можно представить как «процессную» часть («середину») действия совершенного вида, однако она не выделяется, «начало, середина и конец» предстают в совокупности в восприятии целостного факта, обозначаемого совершенным видом.

Имеются и другие подходы к определению инвариантного значения совершенного вида (в них основным значением совершенного вида может являться законченность действия, результативность, точечность).

Другим дискуссионным вопросом является принадлежность категории вида к одному из двух типов грамматических категорий: словоизменительному или классификационному.

По мнению А. М. Ломова, категория вида совмещает словоизменительный и классификационный принципы грамматической характеристики [Ломов 1977: 19]. Часть глаголов «спрягаются» по видам, образуя видовую пару, в то время как другие глаголы «распределяются по видам, т.е. употребляются в какой-то одной несоотнесительной форме – совершенного вида (*прозвенеть, посидеть, замолчать*) или несовершенного вида (*висеть, постукивать, приплясывать*)» (см. об этом также: [Распопов, Ломов 1984: 96]).

По вопросу о том, какие глаголы образуют видовые пары, а какие являются непарными, в научной литературе имеются разные точки зрения, широкое и узкое понимание видовых пар [Милославский 1981: 159-162]. Академическая грамматика 1980 г. предлагает следующее понимание: видовая пара – «это пара

лексически тождественных глаголов совершенного и несовершенного вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида: *делать* – *сделать*, *переписать* – *переписывать*» [Русская грамматика Т. I. 1980].

Образование видовой пары возможно путем перфективации, имперфективации, а также супплетивным способом (это редкие, нерегулярные соотношения: *брать* – *взять*, *возвращать* – *вернуть*, *класть* – *положить*, *говорить* – *сказать*) [Русская грамматика Т. I. 1980].

Перфективацией называют процесс образования глаголов совершенного вида путем присоединения префикса (или функционально равнозначного суффикса *-ну-*) к основам несовершенного вида [Распопов, Ломов 1984: 96].

Выделяются три основных типа перфективации:

1) перфективация, в результате которой образуется глагол, основной признак которого определяется приставкой, а дополнительный – производящей основой: *работать* (‘заниматься каким-либо делом, применяя свой труд; трудиться’) – *заработать* (‘приобрести работой; получить за работу’);

2) перфективация, в результате которой образуется слово, в котором приставкой добавляется какое-то дополнительное значение: *петь* (‘издавать голосом музыкальные звуки; исполнять голосом музыкальное произведение’) – *запеть* (‘начать петь’);

3) перфективация, в результате которой образуется слово, не имеющее каких бы то ни было семантических приращений, при этом происходит изменение только видовой характеристики: *писать* – *написать*, *будить* – *разбудить*. [Распопов, Ломов 1984: 97].

На основе третьего типа перфективации образуются видовые пары, а приставку в этом случае называют чистовидовой. Как указывает М. А. Шелякин, условием для проявления чистовидовой функции приставок «является их семантическое приравнивание к значениям исходных глаголов по определенным признакам» [Шелякин 2001: 75], т.е. при возникновении префиксальной видовой пары играют роль и семантика глагола, и семантика приставки. (Подробнее о

семантических особенностях образования пар с чистовидовыми приставками см.: [Шелякин 2001: 75].)

Академическая грамматика предлагает несколько иное представление о видообразовании и предлагает расширенный список префиксальных видовых пар. Совершенный вид образуется с помощью следующих приставок: **вз-** (*потеть* – *вспотеть*), **воз-** (*мужать* – *возмужать*), **вы-** (*купать* – *выкупать*), **за-** (*вербовать* – *завербовать*), **из-** (*пугать* – *испугать*), **на-** (*писать* – *написать*), **о-** (*слабеть* – *ослабеть*), **об-** (*лицевать* – *облицевать*), **от-** (*редактировать* – *отредактировать*), **по-** (*белеть* – *побелеть*), **под-** (*считать* – *подсчитать*), **при-** (*готовить* – *приготовить*), **про-** (*сигнализировать* – *просигнализировать*), **раз-** (*будить* – *разбудить*), **с-** (*делать* – *сделать*), **у-** (*топить* – *утопить*) [Русская грамматика Т. I 1980].

Среди видовых пар с так называемыми чистовидовыми приставками возможно наличие вариантов: *вянуть* – *завянуть* / *увянуть*, *пугать* – *испугать* / *напугать*, *терять* – *потерять* / *утерять* и др.

Как отмечается в научной литературе, при взаимодействии чистовидовой приставки с многозначным производящим глаголом, производный глагол «осваивает» лишь часть значений (лексико-семантических вариантов) глагола, например, глагол *написать* употребляется не во всех значениях, отмеченных в словаре для глагола *писать* [Распопов, Ломов 1984: 98].

Следует отметить, что для префиксальных глаголов часто характерно появление разговорных лексико-семантических новообразований (ср. глагол *лететь* и разговорный префиксальный глагол *залететь* ‘забеременеть против желания, случайно’, *катить* и *закатить* ‘устроить нечто особенное, необычное’ (*закатить юбилей, закатить истерику*), *плыть* и *поплыть* ‘расслабиться, войти в состояние алкогольного или наркотического воздействия’ (примеры и толкования из [БСРЭР]). Однако все это не грамматическое видообразование, а префиксальное словообразование, сопровождаемое видовой трансформацией производного слова.

Имперфективация – это процесс образования глагола несовершенного вида от основы глагола совершенного вида (префиксального или безпрефиксного) с использованием суффикса *-ива-/-ва-/-а-* (*решить – решать, переписать – переписывать*).

Как отмечается в академической грамматике, в суффиксальной видовой паре могут создаваться вариативные образования глаголов несовершенного вида с морфами *-ива-* или *-а-*, которые иногда различаются стилистически: *накопить – накоплять* (прост.) и *накапливать, установить – установлять* (прост. и устар.) и *устанавливать, одарить – одарять* (высок.) и *одаривать* [Русская грамматика Т. I 1980].

Имперфективация – более «грамматичный» процесс, поскольку, как правило, приводит к образованию видовой пары, не изменяя семантику исходного глагола.

Однако, как отмечают И. П. Распопов и А. М. Ломов, в редких случаях возможно появление новых значений у производного слова или полное преобразование лексико-семантической структуры (*заблудиться – заблуждаться*) [Распопов, Ломов 1984: 98].

Имперфективацию префиксальных глаголов, мотивированных беспрефиксными глаголами несовершенного вида, называют вторичной имперфективацией: *резать – разрезать – разрезать, слабеть – ослабеть – ослабевать, крепить – укрепить – укреплять*.

Как уже отмечалось (см. параграф 1.3.3), в разговорной речи вторичная имперфективация обладает большей регулярностью, чем в кодифицированном языке (*защекотать – защекатывать, перестрадать – перестрадывать*).

Перфективацию и имперфективацию рассматривают иногда как ступени видообразования, в результате которых образуются видовые цепочки: *лить – долить – доливать, брать – набрать – набирать – понабирать* [Распопов, Ломов 1984: 99].

Особое место в глагольной лексике занимают глаголы движения, и процессы перфективации и имперфективации у этих глаголов имеют свою специфику, которая заключается в следующем.

При перфективации первого типа, предполагающей семантическую перестройку производящего глагола, образование глаголов совершенного вида чаще всего осуществляется на базе однонаправленных основ: *нести – поднести, лететь – прилететь, тащить – вытащить* [Распопов, Ломов 1984: 102-103]. Глаголы несовершенного вида в этом случае образуются, как правило, путем префиксации соответствующих ненаправленных глаголов (*носить – подносить, возить – увозить*) и лишь иногда суффиксальным путем (*доплыть – доплывать, вытащить – вытаскивать*).

При перфективации второго типа, предполагающей осложнение семантики производящего глагола дополнительным признаком, образование глаголов совершенного вида, напротив, чаще всего осуществляется на базе ненаправленных основ: *бегать – забегать, ходить – походить, ездить – проезжать, ходить – переходить* (в значении 'изменить ход в игре').

Таким образом, основы ненаправленных глаголов движения могут служить базой и для процесса перфективации, и для процесса имперфективации. Данная особенность глаголов движения приводит к тому, что «в ряде случаев происходит полное совпадение звуковых оболочек разных глаголов с противоположными видовыми характеристиками. Ср.: *заходить по комнате* (сов. вид) – *заходить к другу* (несов. вид), *сходить на работу* (сов. вид) – *сходить с горы* (несов. вид), *переходить пешкой* (сов. вид) – *переходить улицу* (несов. вид)» [Распопов, Ломов 1984: 102].

В русском языке имеются также двувидовые глаголы, которые «совмещают в одной и той же словоформе и в одном и том же лексическом значении функции совершенного и несовершенного вида» [Шелякин 2001: 75] (например, *исследовать, рекомендовать, использовать, организовать* и др.). Как отмечается в литературе [Распопов, Ломов 1984: 100], в живой речи наблюдается тенденция к преодолению двувидовости, которая осуществляется путем образования

перфективного или имперфективного соответствия: *рецензировать* – *прорецензировать*, *арестовать* – *арестовывать*, *жениться* – *пожениться*. На месте многих глаголов, бывших двувидовыми, прочно закрепились видовые пары (*патентовать* – *запатентовать*, *рапортовать* – *отрапортовать*, *характеризовать* – *охарактеризовать*) [там же]. В качестве примера современного перфективного образования к двувидовому глаголу можно привести глагол *профинансировать* (к двувидовому *финансировать*).

Таким образом, мы видим, что в области образования видовых форм – суффиксальных и префиксальных – в разговорной речи возможна несколько большая «свобода»: там, где в кодифицированном языке отсутствуют те или иные формы, в разговорной речи возможно их появление (окказиональное или узуальное). И иногда (как, например, в случае с некоторыми двувидовыми глаголами) появившиеся в разговорной речи новые образования становятся нейтральными и переходят в кодифицированный язык (например, *запатентовать*).

Разговорная семантика появляется у тех или иных форм избирательно. Если основное нейтральное значение глагола (или его компонент) присутствует, как правило, во всех или в большинстве его дериватов и словоформ (например, в глаголах *лететь*, *летать*, *полететь*, *полетать*, *вылететь*, *вылетать*, *залететь* и т.д. сохраняется основной компонент значения *лететь* ‘передвигаться, перемещаться по воздуху’), то разговорное значение характерно только для ограниченного ряда форм (у дериватов *полететь*, *вылететь*, *залететь* появляются свои собственные разговорные значения, употребление каждого из которых возможно в ограниченной парадигме форм).

Как уже отмечалось выше, вид связан с лексико-семантическими особенностями глагола. Это важная семантическая особенность категории вида, отличающая ее от многих других морфологических категорий. Вид сообщает определенную грамматическую характеристику не слову в целом (как, например, категории лица, падежа или времени), а конкретному лексико-семантическому варианту данного слова. В то время как другие морфологические категории, как

правило, ориентированы на слово как на совокупность «родственных» значений, для вида не безразлична семантическая неоднородность, многозначность слова [Ломов 1977: 17-18].

Это обстоятельство оказывается существенным, когда одно из значений многозначного глагола отмечается как специфичное для разговорной речи. Грамматические характеристики нового «разговорного» лексико-семантического варианта глагола и его основного варианта, как правило, имеют ряд отличий, возможно отличие и в составе морфологических парадигм, в том числе парадигм лица и вида.

Например, глагол *заливать* приобретает экспрессивное разговорно-сниженное значение ‘лгать’:

Хорошо заливает, вон как все слушают; Майор заливает по полной.

Обычно в этой разговорной функции используются преимущественно личные формы данного глагола (наиболее частотны формы настоящего и прошедшего времени), но возможен и инфинитив: *И нечего тут заливать!* (При этом абсолютно недопустим вариант совершенного вида: **залить*).

Императив, как правило, употребляется с отрицанием:

– *Ладно-ладно, – говорят, – ты нам не заливай!* (Г. Горин. Когда горит душа (1974-1984);

или с оттенком иронии: *Ага, заливай...*

Разговорное значение глагола *заливать* функционирует только в формах несовершенного вида: *Мальчи заливают, что ему 19* (при невозможности **залил*). Почему в значении ‘говорить неправду’ используется только форма НСВ?

Сравним рассматриваемое разговорное образование с синонимами *лгать*, *врать*, для которых видовые лексико-грамматические противопоставления возможны: *лгать – солгать, врать – соврать* (*Он солгал на суде. Оракул наш что молвит, то соврет* (И.А. Крылов). Главным в семантике совершенного вида, по мнению А.В. Бондарко, является то, что обозначаемое действие предстает как целостное (например, конкретно-фактическое), и форма СВ не способна выражать действие в процессе его протекания.

Семантика глагола *заливать* имеет дополнительные оттенки, не просто ‘говорить неправду’, здесь имеется характеристика протекания действия (возможно, это оттенки ‘долго’, ‘регулярно’, ‘эффектно и убедительно’). Важным в таком случае оказывается указание на действие именно в процессе его протекания, но не в качестве выражения факта, как это свойственно семантике совершенного вида.

Можно представить исходное значение глагола *заливать* как обозначение процесса, стремящегося к завершению, результату: **залить*. Однако разговорное значение глагола *заливать* – это выражение неопредельного процессуального действия, которое фиксирует слушающий, здесь невозможна видовая пара: *заливал* – **залил*, как в случае с нормативным значением. Конкретный факт лжи, неправды, то есть конкретно-фактическое событие, обозначается другими глаголами.

Разговорный лексико-семантический вариант глагола *заливать* вступает также и в особые синтаксические отношения. Становится возможной и позиция зависимого слова со значением объекта речи «О чем?», «Про что?» или придаточного изъяснительного предложения (...*заливает, что...*), возможно также появление зависимого слова со значением адресата речи «Кому?»: *Я им про тебя всякую чушь заливал; Вадик заливает о концерте.* (А. Геласимов. Ты можешь. 2001).

Изменение синтагматических отношений связано с изменением парадигматических связей глагола. Новый лексико-семантический вариант попадает в лексико-семантическую группу глаголов речи и характеризуется свойственной другим глаголам речи иной синтаксической валентностью.

Итак, глагол с разговорной семантикой может иметь набор словоформ, не совпадающий с морфологической парадигмой данного глагола в других значениях. При этом количество грамматических форм разговорного лексико-семантического варианта слова обычно оказывается меньшим, чем в его исходном нейтральном варианте. Иными словами, глагольная парадигма «разговорного»

лексико-семантического варианта глагола подвергается коллоквиальной редукции, оказывается неполной по сравнению с нейтральным вариантом.

Так, например, ограниченной оказывается парадигма глагола *полететь* в значении ‘сломаться’: *Чайник полетел, компьютер полетел*. Допустимы только формы 3 лица. Наиболее частотны формы прошедшего времени, но возможна и форма инфинитива: *как восстановить данные, если полетел компьютер* [<http://dgsite.ru/blogs/article/kak-vosstanovit-dannie-esli-poletel-kompyter/>]; *Я читала на вашем сайте, что это может полететь материнская плата* [http://www.noteplus.ru/cat/remont_i_zamena_materinskikh_plat/] (здесь и далее в текстах, взятых из Интернета, сохраняется пунктуация и орфография источника). При этом недопустимы формы повелительного наклонения.

Следует отметить наличие и других значений у глагола *полететь*, имеющих разговорную окраску:

- 1) нарушиться, не осуществиться. *График полетел.*
- 2) лишиться должности, места. *Полететь с работы* [СТСРЯ: 565].

Все приведенные значения объединяет общая семантика какого-либо деструктивного изменения, сопровождаемого негативной оценкой. Сложно определить, что стало основой для появления данных лексико-семантических вариантов, какой признак лежит в основе метафорического переосмысления, возможно, это сема «внезапности», «быстрого изменения».

Глагол *полететь* в значении ‘сломаться’ относится к лексико-семантической группе глаголов разрушения, а не к группе глаголов движения, как исходный вариант. Принадлежность к разным лексико-семантическим группам связана и с разной синтаксической валентностью. Так, характерное для глаголов движения указание на направление движения (*Птицы полетели на юг. Вертолет полетел в Москву*) при употреблении «разговорного» лексико-семантического варианта устраняется.

Кроме того, следует отметить, что глагол *полететь* в исходном значении вступает в оппозицию, с одной стороны, как глагол движения по критерию однонаправленное / неоднаправленное движение (*полететь / полетать*), а с

другой стороны, он, как глагол начала действия, может быть противопоставлен производящему глаголу несовершенного вида *лететь* (→*полететь*). Новый лексико-семантический вариант рассматриваемого глагола не имеет данных парадигматических связей, его характеризуют только отношения с другими членами группы глаголов разрушения [ЛСГРГ: 42].

Другой пример. Одно из метафорических разговорных значений глагола *ломаться* – ‘упрямиться, не соглашаться на что-л., не имея на то основательных причин’:

О Цое я в принципе знал... но как-то на нём не останавливался. Здесь всё произошло как-то внезапно, сначала Киноманом стал мой друг при невыясненных обстоятельствах. Мне вовсе не хотелось делать того же, но очень хотелось что-то начать слушать. Я ломался, ломался, а потом послушал Легенды Русского Рока (<sorkino.ucoz.ru/index/kak_podrostki_prikhodjat_k_coju_bibl/0-339>).

Данный глагол обозначает действие одушевленного субъекта, и допускает все личные формы глагола. В отличие от разговорного варианта, основной вариант (прямое значение) слова *ломаться* – возвратный глагол от исходного *ломать*, означающий ‘разделяться на два или несколько кусков, частей от удара, давления и т.п.’ (*На реке стоит шум и грохот – ломается лед*) [БТСРГ: 207], как правило, в 1 и 2 лице не употребляется, так как обозначает действие неодушевленного предмета. Таким образом, у исходного и переносного лексико-семантических вариантов глагола разные морфологические парадигмы. С изменением лексического значения меняются также особенности лексической и синтаксической сочетаемости.

Различия проявляются и на уровне видовых характеристик. В качестве лексико-грамматического видового соответствия нормативного варианта *ломаться*, как правило, выступает глагол *сломаться*.

*Потом лопнул какой-то шатун, за ним **сломался** клапан, а дальше паровоз начал разваливаться на куски – каждый день что-нибудь **ломалось*** (В. Кин. По ту сторону).

Рассматриваемое разговорное значение невозможно у глагола *сломаться*, в то же время допускается временное приставочное образование совершенного вида – *поломаться*: *Но гость должен поломаться, должен сначала отказываться, а иначе над ним потом будут насмешничать* (Ф. Искандер. Чик чтит обычаи); *Немного поломаться, набить себе цену – это была ее женская привилегия* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк»); *Я мог бы приличия ради поломаться несколько минут, а может, и несколько дней, но не буду* (М. Милованов. Рынок тщеславия).

Приставка *по* -вносит в содержание глагола значение ‘кратковременности действия, ограниченной длительности’ (‘упрямиться, не соглашаться некоторое время, недолго’).

У глагола *ломаться* есть, однако, и другое метафорическое значение, близкое к исходному, которое допускает производный дериват совершенного вида: *ломаться* → *сломаться*: ‘не выдержав трудностей, утратить веру в свои возможности, прекратить сопротивление, проявить слабость’ [БСРЭР: 566], например:

Наш «Локомотив» никогда психологически не ломался и не сломается (И. Карпов. Вратарь «Локомотива» Сергей Овчинников: Жизнь продолжается! // Советский спорт, 2005.09.26).

Глагол *сохнуть* имеет вторичное (переносное) значение ‘страдать от неразделенной, безответной любви к кому-либо’ [БСРЭР: 577] (*Девушки сохнут по нему*). В этом значении глагол обнаруживает иную лексическую и синтаксическую сочетаемость (*сохнуть по кому*), нежели в его основном литературном значении ‘становиться сухим, теряя влагу’ (*Белье сохнет*). В первом случае дательный падеж с предлогом предполагает одушевленный объект, на который направлено действие (чувства), во втором случае нет такого объекта, на которое направлено действие.

Разговорное значение распространяется только на формы глагола несовершенного вида, в то время как литературный глагол может иметь лексико-грамматическое видовое соответствие: *Белье сохло; Бельё высохло*. Или в другом значении, тоже нормативном, связанном с потерей влаги, ‘вянуть, гибнуть’:

Цветы сохли; Цветы засохли. В приведенных примерах реализовано результативное значение совершенного вида («*сохло, сохло* и, наконец, *высохло*»): процесс постепенно приводит к конечному результату – «полная потеря влаги, ее отсутствие». В случае с разговорным значением формы совершенного вида отсутствуют, что обусловлено семантикой глагола: ‘находиться в состоянии неразделенной любви, страдании’, которое не предполагает постепенного разрешения (результата).

Здесь очевидна образная составляющая при появлении переносного разговорного значения: потеря влаги напоминает утрату жизненных сил (потеря влаги может привести живой организм к гибели), страдание от неразделенной любви тоже связано с потерей жизненных сил.

Итак, с изменением лексического значения меняются синтагматические и парадигматические связи глагола, изменяется состав его морфологических форм и наличие видовых соответствий.

Рассмотренные примеры демонстрируют возможность отличия морфологических парадигм в разговорной речи и кодифицированном литературном языке. В целом, как уже отмечалось, морфологические парадигмы глаголов, отмеченных признаком разговорности, часто характеризуются меньшим количеством словоформ. Однако возможно и расширение парадигматики глагола в разговорной речи (например, образование вторичных имперфектов: *сказать – сказануть; Я ведь даже прослезилась тогда. – Обязательно прослезяешься*), что является свидетельством действия противонаправленных тенденций в разговорной речи, отмечаемого в научной литературе как специфического свойства разговорной речи.

Таким образом, состав морфологической парадигмы разговорных глаголов и употребление ее форм в речи имеет свою специфику, подробное изучение которой будет представлено в следующей главе диссертации.

Выводы по первой главе

1. Разговорная речь представляет собой сложный и многоаспектный лингвистический объект, о чем свидетельствуют разные подходы к определению данного понятия. Обобщая разные точки зрения, можно сказать, что разговорная речь – это устная речь в условиях неофициального общения при непосредственном участии собеседника.

2. Разговорной речи характерны свои собственные нормы в области произношения, лексики, грамматики.

3. Специфические языковые особенности разговорной речи во многом обусловлены устной формой ее реализации.

4. Разговорность может наблюдаться и в текстах письменной формы, в том числе в Интернет-текстах. В электронных вариантах письменной коммуникации разговорность проявляется наиболее очевидно, интенсивно и разнообразно.

5. Признаки устно-разговорной речи, общие особенности стиля (фонетические, лексические, словообразовательные, синтаксические, морфологические), по которым мы устанавливаем разговорную окрашенность единиц, ослабление нормы кодифицированного языка, сниженность речевой коммуникации, можно объединить понятием «разговорность».

6. Разговорность на морфологическом уровне языка проявляется в следующих особенностях:

– некоторые отличия разговорной речи от кодифицированного литературного языка проявляются в сфере парадигматики: в наборе грамматических форм;

– некоторые грамматические единицы приобретают в разговорной речи специфические функции;

– разговорная речь характеризуется более ярко выраженными чертами аналитизма.

7. Отличительной особенностью разговорных глаголов является их семантическая неоднородность. Выделяются две группы глаголов, отличающихся по семантической емкости: конденсаты, слова с предельно насыщенной семантической структурой, и диффузы, слова, лишенные семантической однородности. Промежуточное положение между диффузами и конденсатами занимают широко распространенные в разговорной речи глаголы с переносным значением, которые могут быть семантически насыщенными, а могут приближаться к диффузам, если ассоциативные связи оказываются отдаленными.

8. Разговорность глагола, как отмечается в научной литературе, проявляется в следующих его морфологических особенностях:

- образование видовых форм глаголов в разговорной речи отличается более регулярным (по сравнению с кодифицированным языком) образованием вторичных имперфектов при помощи суффиксов *-ыва-/-ива-*, а также более свободной частотностью различных префиксальных образований совершенного вида;

- глагольная парадигма разговорного слова включает спрягаемые формы, инфинитив и краткие страдательные причастия прошедшего времени, практически не используются в разговорной речи действительные причастия, страдательные причастия настоящего времени и деепричастия;

- в разговорной речи обнаруживаются некоторые специфические значения отдельных видо-временных форм, а также специфические функции форм инфинитива;

- категория переходности обладает большей регулярностью.

9. В области морфологии главной спецификой русского глагола является категория вида, отличительной особенностью которой является связь с лексико-семантическим содержанием глагола. Это проявляется в том числе и при появлении новых разговорных лексико-семантических вариантов глагола, грамматические значения которых оказываются суженными, а парадигма форм, как правило, неполной. Таким образом, широко распространенные в разговорной речи глаголы с переносным значением, выражающим конкретное, экспрессивно

окрашенное действие, характеризуются ограниченной морфологической парадигмой. Особенности семантики и парадигматики коллоквиальных глагольных единиц представляют интерес и являются предметом дальнейшего изучения в данной работе.

ГЛАВА II.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

2.1. Лексическая семантика разговорных глаголов

При образовании разговорных лексико-семантических вариантов глагола возможны различные семантические процессы: метафорический перенос, метонимический перенос, сужение или расширение значения.

Изменение лексического значения глагола неизбежно влечет за собой изменения его грамматики. Прежде чем рассматривать преобразования грамматических свойств разговорных глаголов, особенности их личной и видо-временной парадигм, представляется важным остановиться на особенностях их лексической семантики.

Основным способом образования разговорных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) глагольного слова является метафорический перенос.

Под метафорой понимается «перенос названия одного представления в другую сферу – на другое представление, подобное какой-либо чертой первому или предполагающее какие-либо косвенные с ним «анalogии»» [Кассирер 1990: 35].

Метафора – широко распространенное в языке явление, по изучению которого накоплен большой научный опыт. Почему метафорический перенос оказывается распространенным способом образования разговорных глагольных значений? Вероятно, причина этого заключается в том, что благодаря действию метафоры возникает образность, эмоциональность и экспрессивность значения, которые востребованы в разговорной речи.

По словам Г. Н. Складневской, «функция характеристики является для ЯМ [языковой метафоры – Е.С.] первичной: метафора не столько указывает на предмет речи, сколько характеризует его» [Складневская 2004: 22]. В процессе метафоризации большее значение часто приобретают дополнительные семантические элементы – экспрессивные, эмотивные, оценочные, стилистические, прагматические, ассоциации, закрепленные в языковом сознании.

Наличие образности, экспрессивной и оценочной насыщенности, по мнению Г. Н. Складневской, является обязательным признаком метафорического значения. Однако утрачивая связь с первоначальным образом и, как правило, теряя экспрессивную выразительность, языковая метафора переходит в разряд генетической метафоры (*ножка стула, нос лодки*).

Разговорные глагольные значения, как правило, отмечены образностью и экспрессией, генетическая метафора для них, в основном, не характерна. Пример генетической метафоры – глагол *везти* (*повезти*) в значении «разг. Удаваться (об успехе, удаче). *Ему в жизни очень везло. Весь вечер ему везло в карты. Мне везёт на встречи с хорошими людьми*» [БТС].

Однако существует особая разновидность генетической метафоры, сохраняющей эмоциональность при утрате связи с источником метафоризации и первоначальным образом, которая распространена среди colloquial глаголов с диффузной семантикой: *бахнуть, жарить, тянуть, ухнуть, брякнуть* и т. п. По словам Г. Н. Складневской, «в этой лексике также утрачена семантическая связь с исходным значением, но сохранена экспрессивная мотивированность – одно и то же слово может обозначать разные явления, нередко не обнаруживающие никаких видимых связей» [Складневская 2004: 46].

В соответствии с классификацией Г. Н. Складневской, выделяется несколько семантических видов языковой метафоры: мотивированная, синкретическая и ассоциативная. Все они обнаруживаются и среди colloquial глагольных значений.

Для мотивированной языковой метафоры характерно наличие семантического элемента, эксплицитно связывающего метафорическое значение с

исходным. Например, *плести*, семантический элемент «соединять» связывает исходное значение, которых в данном случае два: «1. (св. *сплестим* и *заплестим*). Перевивая полосы, нити чего-л., **соединять** их в одно целое с целью сделать его более прочным, красивым и т.п. *П. венок. П. кружева. П. слова славянской вязью* (изменяя начертания букв, стилизовать их под древнее написание). 2. (св. *сплести*). **Соединяя**, перевивая растительные волокна (ветви ивы, лыко и т.п.), делать хозяйственный предмет. *П. лапти. П. корзину. П. ловушку для рыбы*» [БТС], с метафорическим значением: «говорить что-л., обычно несурзное. *П. ерунду, ерундистику, чушь. П. нечто невообразимое. П. невесть что*» [БТС] (т.е. по сути **соединять** слова, идеи, мысли, факты).

Семантический перенос, отличающий синкретическую языковую метафору, основан на чувственном восприятии мира (при помощи обоняния, осязания, слуха, зрения, тактильных ощущений), синкретизм также проявляется в сфере явлений природы, физических процессов и т.п.: *вскипеть* («войти в состоянии ярости, гнева, злости»), *всплыть* («неожиданно появиться»), *завянуть* («стать грустным, утратить привлекательность, заболеть, состариться»), *испариться* («уйти, исчезнуть»), *лечь* («уходить, скрываться»). По словам Г. Н. Складневской, «практически любое чувственное восприятие может слиться с другим, либо оставаясь в пределах ощущений, либо вырываясь в более высокие сферы эмоций, свойств личности, нравственных и социальных категорий» [Складневская 2004: 59].

Разговорные глаголы, обозначающие эмоции, свойства личности и пр., метафорические переносы которых вызваны чувственным восприятием мира, зачастую отражают характерные для языковой картины мира и проявляющиеся в лексической системе в целом образы и представления, на что указывает Е. А. Земская: «Так, например, интенсивные эмоции в языке предстают обычно в облике вскипевшей влаги, огня (душа кипит, страсти пылают). Тот же образ присутствует и в разговорном глаголе *раскипятиться*. Эмоции обычно уподобляются жидкому, текучему веществу, горькому, сладкому, благотворному (ср. *излить душу, испить до дна чашу страданий*), вредному, которое человек

может пить или изливать. Эта система образов находит отражение в разговорных глаголах *расхлебывать*, *хлебнуть горя*, *усахарить*, *рассиропиться* и некоторых других» [Земская 1981: 160].

Ассоциативная метафора характеризуется наличием ассоциативной связи с исходным значением. Например, глагол *плевать*. Разговорное метафорическое значение: «отказаться от продолжения чего-л., прекратить чем-л. заниматься, перестать обращать на что-л. внимание. *Плюнь ты на это дело!*» [СТСРЯ: 534]. Исходное значение по глаголу НСВ *плевать*: «давлением, силой, выбрасывать, удалять изо рта слюну, мокроту. *П. на пол.* || Выплювывать что-л., попавшее в рот. *Плевать грязью*» [СТСРЯ: 530]. Ассоциации, которые вызвали метафорический перенос, очевидно, – пренебрежительное отношение или безразличие, которым сопровождается действие «удалять изо рта слюну» (или «что-л. попавшее в рот»). При этом пренебрежительное отношение или полное равнодушие проявляется к предмету, к поверхности, на которую плюют.

Разговорная речь отличается регулярной и подчеркнутой антропоцентричностью, что проявляется в особенностях разговорной метафоры, для которой характерно стабильное направление переноса от окружающего мира на человека, на что постоянно указывается в научных работах по разговорной речи (см. об этом: [Земская 1981: 160], [Разговорная речь... 2009: 93-94]).

Например, **поведение животного** → **поведение человека** [Земская 1981: 161], [Разговорная речь... 2009: 90].

Так, идея вражды двух людей (не подразумевающей физического насилия) сравнивается с поведением враждующих животных:

бодаться: *Ольмерт бодается с Нетаниягу*
[www.mignews.ru/news/politic/world/081112_112718_94432.html];

грызться: *Владимир Потанин и Олег Дерипаска – грызутся, напомню, с 2008 года* [<http://volgograd.yabloko.ru/news/index.phtml?id=3360>],

а также *перегрызться*, *цапаться*, *царапаться*, *клеваться*, *кусаться* и т.п.

В качестве основы для образного сравнения могут использоваться звуки, издаваемые собакой: *лаяться*, *гавкаться*, *тявкаться*, или ее поведение:

собачиться (здесь, помимо метафорического переноса, происходит морфологическое словообразование).

Обозначения издаваемых животными звуков служат для качественно-оценочной характеристики речевого поведения человека: *рычать, кудахтать, шипеть, трещать, ворковать*. Сравнения с животными (*рычать как зверь, кудахтать как курица, шипеть как змея, трещать как сорока, ворковать как голубки*) вызывают в сознании носителей языка набор определенных ассоциаций, поэтому использование в речи одного из подобных глаголов вместо базового *говорить* позволяет одним экспрессивным синонимом передавать некоторые особенности речи человека (субъекта действия), его поведения, а также отношение к нему говорящего.

Лексико-семантическая деривация приводит к развитию в слове дополнительных конкретизирующих семантических компонентов, экспрессии, оценочности, происходит конденсация смысла. При этом насыщенность семантической структуры нередко влияет и на грамматические свойства глаголов.

Весьма актуально в разговорной речи направление переноса **из сферы конкретных физических действий → в сферу духовных действий** [Земская 1981: 161], [Разговорная речь... 2009: 89].

Например, глагол *вариться*: «разг. Проводить много времени в обществе одних и тех же людей, подвергаясь их воздействию или познавая их. *В. в самой гуще событий. Варишься целый год среди блатных, сам блатарем стал*» [БСРЭР: 69]. Метафорический перенос основан на следующем уподоблении: какой-либо продукт, находясь какое-то время в кипящей воде, меняет свои свойства, так и человек, находясь в каком-либо обществе, каким-то образом меняется (может быть, узнает что-то новое).

Глагол *вкручивать*: «разг.-сниж. Внушать что-л. сомнительное, убеждать кого-л. в заведомо ложном, запутывать» [БСРЭР: 78]:

– *Переживал, переживал. Ты мне не вкручивай. Мучился там, наверное, как принц датский – продавать душу дьяволу или не продавать, придержать, пока вырастет предложение* [А. Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003]; С

такими сведениями уже можно было возвращаться в Москву и что-то журналу «Знамя» вкручивать [А. Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)].

Внушение какой-либо информации уподобляется конкретному физическому действию: «крутя, вставить; свернуть, ввинтить. *В. лампочку в патрон. В. пробку*» [БТС].

К этому же направлению относится перенос: **действия механизмов → поведение человека.**

Например, глагол *буксовать*, основное исходное значение которого – «вращаться, скользя, но не двигаясь с места (о колесах)» [МАС], в разговорной речи приобретает значение «остановиться в развитии, не продвигаться в каком-либо деле»:

Буксуешь в бизнесе? Вымой пол! [<http://blog.helenoya.com/lichnostny-rost/buksuesh-v-biznese-vymoj-pol.html>]; *Почему буксует реформа ЖКХ?* [<http://nashdom.6bb.ru/viewtopic.php?id=76>]; *Почему буксует реформа местного самоуправления?* [<http://lawoftime.net/novosti/mir-politiki/...html>]; *Суд «буксует», а руководство кредитного союза четвертый год в СИЗО* [<http://prokuratura.org.ua/?p=6318>]; *Почему буксует проект?* [<http://www.vnk39.ru/articles/detail.php...>]; *Весна буксует* [http://www.stoletie.ru/lenta/vesna_buksujet_2011-03-16.htm].

Замедление какого-либо процесса уподобляется замедлению движения транспорта.

Помимо метафорических значений, для разговорных глаголов характерны безобразные производные значения [Скляревская 2004: 42]. Отметим, что разграничение метафорического значения и безобразного производного значения зачастую представляется сложным, и в данном исследовании не является принципиальным. Например, глагол *валить* имеет разговорное значение «уходить, быстро покидать что-либо» [БСРЭР: 67]:

– *А ну паспорта, ребята, и быстро, быстро валите в бухгалтерию, пока кассир не ушёл* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)].

Возникает вопрос, какое значение следует считать производящим? Имеется два омонимичных глагола: **валить** с основным значением «кого-что. Заставлять падать. *Ураган валит деревья*» [БТС] и **валить** со значениями «1. Разг. Идти, двигаться или падать в большом количестве. *Толпа валит на площадь. Снег валит хлопьями. Народ валом валит*. 2. Вырываясь, выходя откуда-л., перемещаться сплошной массой (о дыме, паре и т.п.). *Из люка клубами валит пар*» [БТС]. Источником семантической деривации является второй **непереходный** глагол, семантика которого связана с движением субъекта (*толпа валит на площадь*). В данном случае образность сохраняется («мощная сила»), это следствие переноса, но уже «приглушенное», отобразное производное, но образ трансформируется, не выражено объектное составляющее производной семантики.

Глагол **пробиться** в исходном значении «пройти, преодолевая какие-л. препятствия. *П. сквозь толпу. П. из окружения. П. в середину автобуса. П. к двери. Едва пробился вперед*» [СТСРЯ: 624]. В разговорной речи глагол широко функционирует в значении «преодолевая какие-л. препятствия, оказаться на важной должности, устроиться на работу в какое-л. место, переехать на постоянное место жительства в какую-л. страну, выиграть какой-л. этап конкурса, соревнования и пр.» (в словарях значение не отмечено). Примеры из устного корпуса Национального корпуса русского языка:

*Ну / ладно. Короче / ничё / **пробьемся**. Ничего* [Разговоры московских школьников (2007)]; *К сожалению / наша Надежда Бажина / после вчерашней победы в синхронных прыжках сегодня не смогла **пробиться** в главный финал* [Алексей Евангулов, Николай Попов. Спортивный репортаж: прыжки в воду. Кубок чемпионов (11.04.2006) // ТК «Спорт», не прямой эфир, 2006]; *Если как-то **пробиться** / раскрутиться / поднапрячься / что я сейчас и делаю / то музыкой можно зарабатывать на жизнь* [Интервью с участником проекта «Гражданская смена» (2006)]; *Все время все жалуются / что очень тяжело заниматься бизнесом / чиновники давят / уголовка / сложные законы / тяжело **пробиться** через бюрократические все препоны* [Беседа В. Жириновского со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004].

Образность в подобных высказываниях сохраняется, но преобразуется: физическое действие – движение с преодолением препятствий – стало образом преодоления препятствий иного рода (социальных: профессиональных, бюрократических и др.) и достижения какой-либо цели (семантика разговорного глагола диффузная, полиреферентная). «Характеризирующая функция» метафоры, экспрессивные элементы, живая связь с образом здесь не столь явно проявляются.

При образовании производных разговорных ЛСВ глагола действуют и такие семантические процессы как расширение семантики, сужение значения, метонимический перенос.

Расширение семантики.

Глагол *брать* в разговорной речи употребляется в значении «оказывать опьяняющее воздействие, пьянить (обычно о спиртном). *Пьешь, пьешь, а тебя все не берет. В цистернах на этот раз была не вода, а грузинское, очень неплохое вино. Продавалось оно по дешевке, брало с ходу, перевинчивало мозги надолго.* Юз Алешковский. *Карусель. Мария тряхнула головой, откидывая на спину русую косу. Взяла кружку и, не отрываясь, выпила все... – Берет? – улыбнулся Макар.* В. Шукшин. *Любавины*» [БСРЭР: 57].

Производящим значением, вероятно, является не прямое, а другое, переносное значение глагола *брать*: «овладевать, охватывать. *И дрожь, и злость меня берет. Пушкин, Евгений Онегин*» [МАС], происходит расширение семантики. И главное: обязательная переходность исходного значения физического действия (*брать – что*) становится факультативной для физиологического воздействия *брать (кого)*.

Коллоквиальное расширение семантики наблюдается у множества глаголов, например: *выгуливать*, который в разговорной речи стал употребляться в сочетаниях с различными наименованиями одежды (*выгулять новое платье, манто, белье, пальто, сумочки и пр.*). И снова происходит замена потенциального объекта, содержания переходности (*кого – что*), наращение прагматического содержания (шутка, ирония), а это создает условия и для сдвига в грамматической характеристике слова.

Сужение семантики.

Глагол **выражаться**: «Разг. Употреблять, произносить бранные, неприличные слова. *Прошу не в.*» [БТС].

Например: *Попрошу не выражаться* [<http://club.samomu.ru/page11.php>]; *Неприличными словами не выражаться!* [<http://www.polit.ru/article/2013/01/17/kcuf/>]; *Валерия Гайдима попросили впредь не выражаться* [<http://vnnews.ru/politic/29221-valeriya-gaiedima-poprosili-vpred-ne-virajatsya.html>]; *И зачем ты так грубо выражаешься?* [<http://truckgame.ru/load/83-1-0-6035>].

Синонимы данного слова – *ругаться, браниться.*

Источником появления разговорного лексико-семантического варианта послужило одно из значений глагола *выражаться/выразиться* – «передать свою мысль теми или иными словами, употребить те или иные слова: *В. ярко и кратко. В. откровенно, недвусмысленно. Неудачно в.*» [БТС]. Исходное нормативное значение – «передать свою мысль теми или иными словами», вторичное разговорное значение подразумевает сужение, ограничение смысла: сказать те или иные бранные слова, выразить отрицательные эмоции, с этим связано отсутствие позиции качественной характеристики, обязательной в исходном значении: *Как?* Разница также в имплицитном объекте: «передавать *что* и *как* или «употреблять *что*», отсюда и грамматические последствия: возможность императива *Не выражайся!* во втором метафорическом случае и невозможность в первом исходном.

Метонимический перенос.

Например, глагол **загребать**: «(к кому). Шутл. жарг. Заходить, приходить куда-л. (обычно ненадолго, прогуливаясь). *Загребай ко мне, когда будешь свободен*» [БСРЭР: 199]. Производящим является значение: «делать сильные гребки веслом (веслами), ведя лодку, направляя ее движение. *Степан*

Максимович, широко загребая веслом, круто поворачивает и пристает к берегу. Перегудов, О весне и друге. || Делать сильные, размашистые движения в воде (руками, лапами), чтобы плыть» [МАС]. В исходном значении слова передается движение в воде (при помощи специальных действий, движений веслом или руками), в производном варианте значения содержится мысль о движении на суше. Кроме того, приставка *за-* в исходном глаголе *загребать-1* омонимична приставке *за-* в производном ЛСВ *загребать-2*, в котором актуализируется значение приставки *за-*, подобное синонимичному слову *заходить*: «движение внутрь».

Другой пример, глагол ***выйти*** со значением «*на кого*. Разг. дел. Путем долгих поисков найти того, кто необходим для решения какого-л. вопроса, вступить в контакт с ним. *Сначала не получалось, потом вышли на представителя районной администрации и обо всем договорились*» [БСРЭР: 97]. Производящим является значение – «уйдя откуда-н., появиться, оказаться где-н. *В. на дорогу. Охотник вышел на зверя. В. в море. Из отстающих в. в число передовых*» [Ожегов]. В данном случае наблюдается перенос ориентиров направления и цели движения: «выйти откуда куда» → «выйти на кого», «найти кого», контекстное употребление *выйти на зверя* является промежуточным звеном.

Представляет определенный интерес глагол ***бодриться***: ‘веселиться до изнеможения, беситься’.

Комментарий к клубной афише: *Приходим, орем, танцуем, бодримся и т.п.!!!!* [<http://www.darkmind.ru/showthread...>]; Из песни «Бодряк» молодежной группы «Вистанция»: *Забей на все проблемы убей в себе грусть Вместе с Вистанцией кричи: я бодрюсь... Шевилим задом бухаем Чинзада Нас ничего не парит и не напрягает Мы тусим до утра а потом ривайндом делаем репиты повторяем занова. Ой е бебе это бодряк* [<http://alllyr.com/ru/song/9743/>] (орфография и пунктуация источника – Е.С.).

В литературном языке глагол ***бодриться*** имеет значение «стараться сохранять бодрость; храбриться. *Тосковал, но бодрился*» [СТСРЯ: 49].

Происхождение значения «веселиться» в молодежном жаргоне, вероятно, связано с употреблением наркотических веществ в ночных клубах. В данном случае происходит интенсификация признака «бодрость, энергия», который лежит в основе семантической деривации. Если в литературном значении сообщается о недостатке бодрости и о стремлении ее сохранить, несмотря на усталость и т.п., то в жаргонизированном разговорном употреблении глагола, наоборот, говорится о стимулировании (искусственном, с помощью «специальных» средств) прилива бодрости, энергии, веселья.

По наблюдениям Р. И. Розиной, метафорический перенос характерен для сленговых значений гораздо в большей степени, чем метонимический перенос [Розина 2004: 287]. Проанализировав сленговые значения, образованные в результате семантической деривации (глаголов движения и обладания), сопоставив модели деривации литературных и сленговых значений глаголов, Р. И. Розина сделала ряд выводов, важных и для решения вопросов о связи лексико-семантических и морфологических модификаций слов. Изложим кратко основные из них.

- Набор средств семантической деривации одинаков и для литературных производных значений, и для сленговых. В число общих средств семантической деривации значений входит изменение тематического класса глагола, изменение его таксономической категории, изменение тематического класса одного или нескольких участников ситуации, описываемой глаголом. Отличия проявляются в следующем.
- Для литературных значений характерно наличие регулярного перехода производных значений глаголов одного тематического класса в другой тематический класс, что мотивируется концептуальной структурой, связывающей в сознании человека различные ситуации реального мира. При образовании сленговых значений в основе деривации не концептуальные структуры, а ассоциации между периферийными признаками ситуации, поэтому тематический класс глагола предсказывает лишь его способность

иметь сленговое значение, но не может предсказать тематический класс этого значения.

- В литературном языке глаголы, являющиеся в своих основных значениях действиями, часто становятся происшествиями в производных значениях. Для сленговых глаголов, напротив, характерен переход из таксономической категории «происшествие» в категорию «действие». Например, *толкнуть ребенка – толкнуть* ('продать') *куртку*, *наехать на пешехода – наехать* ('напасть с угрозами') *на фирму* и др. [Розина 2005: 160]. Для литературных значений это периферийное направление, а для сленговых – единственное, которое используется. «Сленг выражает иное мировоззрение, чем литературный язык. Он крайне эгоцентричен, а намеренное нанесение ущерба другому, в частности насилие и деструкция, здесь не только не осуждается, но является нормой» [Розина 2005: 162].
- При деривации литературных значений основное направление изменения тематических классов участников – 'человек – не-человек', при образовании сленговых значений используется только одно направление изменения тематических классов участников ситуации – 'не-человек – человек'.
- Преобразования значения при деривации сленга гораздо более масштабны, чем при семантической деривации литературных значений [Розина 2005: 256-258].

Вывод автора об изменении тематических классов участников ('не-человек – человек') служит очередным указанием на антропоцентричность сленговых (и шире – разговорных) глагольных лексем и разговорной речи в целом. Что касается последнего вывода, то можно предположить, что более масштабные преобразования значения влекут за собой и более существенные изменения в грамматических свойствах глагольного слова.

Следует заметить также: семантическая деривация глаголов в разговорной речи часто сопровождается словообразовательными процессами, например, глаголы *свинячить – насвинячить*, *ишачить – наишачиться*, *поишачить*, *морочиться – заморачиваться*, *лапать – облапать*, *хомячить – нахомячить*, *борзеть – оборзеть*, *сиропиться – рассиропиться*, *каркать – накаркать*,

метелить – *изметелить*, *вметелить* и др. «Процессы метафоризации тесно переплетаются с процессами аффиксальной деривации» [Земская 1981: 159]. При этом особую роль в образовании разговорных глаголов играют приставки. В данном исследовании этот вопрос не рассматривается специально, однако затрагивается в параграфах 2.2.4., 2.2.5. и 2.2.6. в связи с рассмотрением способов глагольного действия.

Итак, в разговорной речи широко функционируют глаголы, образованные в результате семантической деривации. Основным способом их образования является метафорический перенос. Для языковой метафоры в разговорной речи характерна сфокусированность на человеке. Используются все виды языковой метафоры: мотивированная, синкретическая, ассоциативная. Помимо метафоры, действуют такие семантические процессы как метонимический перенос, сужение и расширение значения, однако метафорические значения разговорной глагольной лексики преобладают. Для метафорических значений характерно усложнение семантической структуры, что отличает их от прямых значений. По содержанию разговорные глаголы, образованные метафорическим способом, оказывается богаче своих нормативных синонимов благодаря наличию дополнительных оттенков: оценочных, эмоциональных, конкретизирующих действие, вносящих яркость и экспрессию, а это предполагает определенные изменения и в грамматическом потенциале производных слов.

Грамматика русского языка, как известно, в высокой степени лексикализована [Апресян 2002: 27]. Далее рассмотрим подробнее, какие грамматические преобразования сопровождают изменение лексического значения.

2.2. Грамматические изменения, сопутствующие коллоквиализации и жаргонизации глагольных слов и значений

2.2.1. Преобразования в сфере категории лица

Разговорная речь антропоцентрична и субъектоцентрична, что отражается как на лексических особенностях глаголов, так и на особенностях употребления глагольных форм.

В центре внимания находится человек – сам говорящий или адресат. Ориентация на человека затрагивает грамматические особенности глагола. Так, для разговорной речи характерно преобладание форм 1 и 2 лица. (В научном стиле речи, напротив, 1 и 2 лицо почти исключаются. Использование данных форм в научном стиле приводит к «разговорности», а значит, и к «сниженности», что расценивается как неуместное в данном регистре.)

Большинство производных разговорных значений, как уже отмечалось, образованы на основе метафорического переноса, который имеет направление из окружающего мира на человека. Субъект при таком глаголе, как правило, одушевленный, в то время как при глаголе в исходном значении субъект может быть неодушевленным, что обычно влечет за собой расширение парадигмы личных форм. Таковы, по данным нашего материала, следующие глаголы:

буксовать, буреть, вариться, вскипеть, вываливать, заводиться, закипеть, зашиваться, отключиться, печься, поникнуть, развеяться, ржать, тормозиться, трескаться.

В частности, глаголы, образованные путем семантического переноса из сферы действия механизмов в сферу чувств и эмоций человека: *заводиться/завестись* и *отключаться/отключиться*:

Я заводжусь из-за всякой ерунды [<http://www.galya.ru/clubs/show.php...>]; *А от чего ты заводишься?* [<http://forum4all.ru/topic/24012...>]; *Во время тренировки я отключаюсь и болельщиков не слышу* [<http://cskainfo.com/2796/>]; *Для меня SpaBotanica на острове Сентоса — самое большое удовольствие. Ты уезжаешь из города и полностью отключаешься* [<http://iknow.travel/place/w89yi5y>].

Сюда же отнесем и глаголы, метафорическое значение которых исходит от наименований различных процессов физической реальности. Так, одно из разговорных значений глагола *ломаться* с процессуальным значением только несов. вида – ‘упрямиться, не соглашаться на что-л., не имея на то основательных причин’:

[Незнакомка, жен] *Пошли! Чё ты ломаешься?* [Оксана Бычкова, Нана Гринштейн. ПитерFM, к/ф (2006); *как уговорить девушку приехать, если она ломается?* [<http://otvet.mail.ru/question/56574673>].

Изменение грамматической парадигмы лица разговорного глагола нередко происходит под влиянием постепенного изменения лексической семантики разговорного глагола, лексическое значение коллоквиальной единицы изменяется и становится производящим для нового разговорного значения, приобретает бóльшую диффузность, что приводит, как следствие, к расширению морфологической парадигмы. Так, например, глагол *вывалить/вываливать* имеет два коллоквиальных значения: «Разг.-сниж. 1. В большом количестве выйти откуда-л., большой толпой появиться, пойти. *Из школы неожиданно вывалила шумная стая школьников. Вся толпа вывалила на середину улицы, движение транспорта застопорилось.* «= ВАЛИТЬ². 2. что кому. Резко, прямо высказать, сообщить что-л. неожиданное, часто нелицеприятное. *Взял да и вывалил ей все, что думал про ее отца и про все их делишки. Ну, давай, вываливай, что у тебя там на работе стряслось?»* [БСРЭР: 94].

Лексическая семантика глагола в первом значении определяет набор его морфологических форм: употребляются формы множ. числа или ед. числа 3 лица в сочетании с лексемами типа *толпа, народ* и т.п.

Однако, как показывает речевой материал, имеются контексты, в которых речь идет не о большом количестве людей, а об одном человеке:

Я вываливаю на тренировку, всем удачного остатка дня [<https://twitter.com/Sawaa1408/status/302048130294222848/photo/1>].

Семантика глагола расширяется, и одновременно с этим расширяется парадигма глагольных форм: активизируется форма 1-го л. ед. числа, подобно прямому исходному значению.

Определенные изменения происходят и во втором значении глагола **вывалить/вываливать**, как показывают примеры его употребления. Так, можно *вывалить информацию, поток эмоций, проблемы, вывалить все в кучу, вывалить, что думаешь* и т. п.:

*Я редко **вываливаю** в жж поток эмоций, но мне кажется, что сегодня подходящий день* [<http://dkudishin.ru/2010/personal/catharsis/>]; **Вываливаю** все последние события одной кучей [<http://lemur-hudeet.livejournal.com/14451.html>]; **вываливаешь** информацию о себе, будь готова к разным рассуждениям [<http://yarportal.ru/topic433874s18555.html>]; *продащица **вываливает** на меня бесполезную инфу* [https://twitter.com/reginarowan?protected_redirect=true]; *То есть напрямую, что думаем, то и **вываливаем?*** [<http://www.inpearls.ru/comments/410453>]; *Вы **вываливаете** на мир столько негативных эмоций* [<http://marykawaii.mindmix.ru/>]; *А вы своих любимых и близких щадите... или все что думаете на них **вываливаете?*** [<http://otvet.mail.ru/question/40899923>]; *Не **вываливают** свой внутренний мир на других* [<http://lurkmore.to/%ce%c1%c2%cc>]; *вывалил – что думал* [<http://img4.topwar.ru/11180-mnoyu-sostavlen-pervyy-v-rossii-reyting-teh-kto-poluchaet-zarubezhnye-granty.html>]; *А можно я просто свои проблемы **вывалю*** [<http://jetem.ru/showthread.php?t=7139>]; **Вывалю** все в кучу [<http://mayko-yuki.livejournal.com/3793.html>].

Кроме того, в Интернете глагол **вываливать/вывалить** часто употребляется в значении «опубликовать что-л., опубликовать на сайте» (синоним: *выложить*): *вывалить фото, отзыв*. Семантические компоненты «что-то неожиданное», «резко сказать» становятся необязательными в структуре содержания слова.

На состав парадигмы личных форм может влиять и наличие пейоративного значения. Коллоквиализмы, в семантике которых содержатся элементы грубой, вульгарной окраски и негативной оценки, характеризуются отсутствием формы 1

лица: говорящий, как правило, не использует окрашенные подобным образом единицы по отношению к себе. Таковы, например, глаголы только несов. вида *знать* ('врать'), *заглохнуть* ('замолчать'), *завянуть* ('замолчать') и др.

Проанализированный материал показывает, что парадигма личных форм глагола непосредственно определяется его лексической семантикой, и происходящие в ней изменения отражаются на составе употребляемых форм глагола. Парадигма употребляемых личных форм глагола в его разговорном лексико-семантическом варианте часто оказывается неполной.

Зачастую парадигма личных форм глагола в его исходном варианте и парадигма личных форм colloquialного варианта резко отличаются, как в рассмотренных примерах: форма 3 лица глагола в исходном варианте употребляется при сообщении о действии механизма или каком-либо физическом процессе объективной реальности, а формы 1 и 2 лица colloquialного варианта употребляются при сообщении о действиях (поведении, чувствах и т.д.) человека. Следовательно, использование в речи одной из форм глагола служит дополнительным указанием на ее лексическое значение.

Б. Ю. Норман, анализируя неполные морфологические парадигмы, отмечает, что в некоторых случаях полнота или неполнота парадигмы слова выступает «в качестве своего рода диагностирующего признака, разграничивающего отдельные значения слова» [Норман 2013: 33]. Добавим к сказанному: сдвиг парадигмы личных форм можно считать также и одним из признаков разговорных глаголов с производным значением, например, сужение парадигмы личных форм характерно для глаголов: *высаживать*, *знать*, *жевать* (о работе принтера), *полететь* ('сломаться'), *прокатить*, *рулить*, *сорваться* ('не состояться').

Рассмотрим в качестве примера глагол *прокатить/прокатывать*. Исходное нормативное значение: «катя, заставить продвинуться» [СТСРЯ: 634]. В данном значении глагол обладает полной морфологической парадигмой. В разговорной речи в значении «удастся, получить» глагол употребляется только в форме 3 лица, как правило, с частицей *не*, которую, вероятно, также можно отнести к диагностирующим признакам, разграничивающим отдельные значения слова.

Примеры: *"Когда вырасту"* *больше не прокатит* [http://fullretard.ru/news/kogda_vyrastu_bolshe_ne_prokatit/2014-03-30-15110-987/]; *Жалко, что на работе записка от родителей не прокатывает* [<http://www.kp.ru/daily/26254.4/3133505/>]; *Вот почему не прокатывает общение с девушками* [<http://yvision.kz/post/252161>]; *боюсь, что в дальнейшем такая линия защиты не прокатит* [<http://www.autofed.ru/forum/viewtopic.php?id=3273>].

Другая важная особенность глаголов в разговорной речи заключается в использовании безличной формы.

Многим разговорным глаголам свойственна тенденция к употреблению в безличной форме. Например: *не колышет* («не волнует»), *втащило* («о состоянии, подобном наркотическому опьянению»), *доставляет* («доставляет удовольствие, нравится»), *улыбнуло* («вызвало улыбку»), *везет* (везти: «удаваться (об успехе, удаче)» [СТСРЯ: 68]), *светит* («является или кажется вероятным»), *разнесло* («об увеличении в объеме, о появлении чрезмерной полноты» [МАС]), *развезло* (развезти: «расслабить, разморить, привести в состояние бессилия, изнеможения» [МАС]), *высаживает* («приводит в состояние гнева, раздражает»), *вымораживает* («приводит в состояние гнева, раздражает»), *берет* («пьянит», *Алкоголь ее совсем не берет*), *сложилось* («получилось создать отношения», *С Греггом не сложилось*), *тянет* (*тянуть*: «кого (на что, к чему).безл. Разг. Испытывать физическую потребность в чем-л., позыв в чему-л. *Что-то меня ко сну (на сон) тянет!* || Испытывать внутреннюю потребность, желание чело-л. *Меня нынче на стихи тянет*» [СТСРЯ: 852]), *рубит* (*Рубит спать*, «о состоянии сна, забытья»), *подрубает* (*Меня подрубают что-то, пойду спать* [из устной речи]), *вырубил* («о состоянии сна, забытья»), *распирает* («о состоянии переполненности чувством» [БСРЭР: 529]), *прокатит* («окажется удобным, приемлемым, подходящим»), *зашкаливает* (зашкаливать: «приобретать чрезмерную степень, выходить за пределы привычного, безопасного, нормального» [БСРЭР: 231]), *зациклило* (зациклить: «сосредоточить, подчинить, навязчиво сконцентрировать кого-л. на чем-л., ком-л. в ущерб другому» [БСРЭР: 230]), *заело* (*заесть*: «задеть, взволновать, затронуть чье-л. самолюбие» [БСРЭР:

207]), *заклинило* («о возникновении трудности; о невозможности переключить внимание на другой предмет» [БСРЭР: 210]), *прет* (*переть*: «получать удовольствие, испытывать сильные эмоции», *с какого пуэра прет и как его заваривать?* [<http://otvet.mail.ru/question/70406223>]; *А вокруг все девки плачут / но их / с другой стороны / от него прет* [Обсуждение реалити-шоу «Дом-2» (2006)]; *Тебя что / правда так прёт от каратэ?* [Студентка2, жен, 20] *Да вообще вставляет не по-детски. Получаю нереальный кайф плюс заряд энергии* [Разговор двух студенток о каратэ (2005)]; *Мало того / что он законченный метросексуал / так он ещё вообще какой-то... Короче / не прёт меня от него* [Разговор в университете (2005)], *влетит* (*влететь*: «попасть, достаться (за какую-л. вину, проступок» [МАС]), *срастется* («получится», *Так думаешь, с докторшей срастется*), *стукнуть* («быстро наступить, исполниться (о возрасте)», *Ему стукнуло 45*), *вставляет* (обозначение первой фазы наркотической эйфории), *вынесло* (*Ее вынесло, начала орать* [<http://blogs.mail.ru/mail/aydar1980/528DD1D4428B6BBE.html>]), *выкидывает* (*Меня выкинуло из чата; Меня то и дело выкидывает из чата*), *цепляет* и др.

Как известно, категория лица играет особую роль в русском языковом сознании. По замечанию Е. С. Яковлевой, «исходным пунктом безличной модели, субъектом предложения, является лицо, человек. Ср.: "Ему сегодня работается"; "Маше не сидится на месте" при невозможности: "Трактору работается"; "Птице не сидится на ветке"» [Яковлева 1996]. Многие безличные предложения разговорных глаголов также ориентированы на человека (*Ее зациклило на этом; вставило; прет; заколбасило* и др.), описывая его эмоциональное состояние, поведение и пр. Антропоцентричность, характерная для безличных предложений данной модели (когда субъектом предложения является лицо), особенно актуальна в разговорной речи.

Однако в разговорной речи встречаются безличные предложения, выражающие некоторые оттенки значения, не характерные нормативным образованиям. Таковы, например, безличные предложения, описывающие межличностные отношения: *У нас с ним не сложилось* (ср. кодифицированный

вариант: *У нас с ним не сложились отношения*). Наблюдается типичное для разговорной речи явление: включение актантов в семантическую структуру глагола. Отсутствие выражения объекта-конкретизатора «что не сложилось» делает семантику предложения несколько неопределенной.

Аналогичные качества отличают и событийные значения глаголов *влетит*, *прокатит* (данный глагол может употребляться и при наличии субъекта и в безличной модели). Например: *До последнего не хотела заполнять эти бланки, но сын попросил срочно сделать, иначе ему влетит* [<http://chel.kp.ru/daily/26290.3/3167166/>]; *понимая, что за подобный поступок ему влетит от родителей, он попросил своего 10-летнего друга сделать ему "модельную стрижку"* [<http://www.vmir.su/75825-shodil-v-parikmaherskuyu-4-foto.html>]; *хочу вернуть смартфон в магазин, прокатит?* [<http://www.forum.mista.ru/topic.php?id=681782>]; *Пацан к успеху шел, не прокатило* [<http://www.yaplakal.com/forum28/topic937650.html>]; *Автосервис. Клиент смотрит счет. Спрашивает у мастера: — А что это за пункт: «Прокатило» — 2000 руб?! — Мастер: — Не прокатило. Вычеркиваем* [<http://potz.ru/%D0%BD%D0%B5-%D0%BF%D1%...>]; *Не прокатило... Первые экзит-полы показывают, что Шотландия хочет остаться в составе Великобритании* [<http://maggel.livejournal.com/780237.html>]; *Ограбление ювелирного по-немецки — не прокатило :)* [<http://hodar.ru/post/11409/>]; *Не прокатило ...Пенсионерку, незаконно торговавшую алкоголем, ждет суд за попытку дать взятку полицейскому* [<http://mk.tula.ru/articles/a/35068/>].

Благодаря использованию безличных глаголов в живой речи передаются различные дополнительные компоненты смысла. «Тонкие оттенки значения, передаваемые безличными конструкциями, способствуют их широкому распространению в разговорной речи и в языке художественной литературы» [Валгина 2000]. Употребление в разговорной речи безличных конструкций может быть связано также с развитием диффузности семантического содержания ряда глаголов (*Как думаешь, с докторшей срастется?*).

Недосказанность (диффузность, неопределенность) – одно из характерных качеств разговорной речи, и это проявляется в лексической семантике отдельных слов, особенно глагольных предикатов. И эту же тенденцию можно наблюдать в синтаксисе разговорной речи, в том числе на примере безличных конструкций и глагольных преобразований в них. Например: [при наклеивании обоев] *Главное, чтобы не морщило!* [сериал «Каменская», 2 сезон 1 серия]. А также: *не кусало, не щипало, не мялось, не линяло, не торчало* и т.п.

Особенностью разговорной речи является то, что глагол зачастую может выступать и в безличной форме, и в личной. Например, глагол *кошмарить* (из воровского жаргона) может употребляться как в личной форме (и конструкции), так и в безличной:

личные употребления: *Ворона "кошмарит" кота :)) Смешные животные.* [http://www.youtube.com/watch?v=s8Sb0H_kQ0U]; *Жесткий отжиг (байкер кошмарит ДПС)* [<http://www.youtube.com/watch?v=0HUU7RPuq7M>]; *Андрей Сидорчик: Как бизнес кошмарит людей* [<http://www.aif.ru/society/39729>]; *Николай Зятьков: Кто кошмарит журналистов?* [<http://www.aif.ru/society/21619>]; *Налоговая служба не кошмарит бизнес!* [<http://www.vedom.ru/news/2014/06/16/14159-nalogovaya>]; *Прокуратура кошмарит милицию и КГГА за неразгон Майдана* [<http://minprom.ua/news/160153.html>];

безличные употребления: *Меня кошмарит после сигарет... Как мне успокоиться?* [<http://otvet.mail.ru/question/76124658>].

Глагол *кошмарить* в жаргоне наркоманов используется в конструкциях, передающих состояние субъекта (*кого кошмарит*), со значением ‘состояние «бэдтрипа»’ (*бэдтрип* – «негативное развитие событий при приеме наркотиков, зачастую психоделических или галлюциногенных (неудачный трип) – термин, заимствованный из англоязычного сленга, от англ. *Badtrip* — плохое путешествие» [<http://slander.ru>]). В разговорной речи лексическая семантика глагола расширяется, в конструкциях, передающих состояние субъекта, глагол

обозначает негативное состояние, в личных употреблениях глагол обозначает негативное влияние, воздействие.

Глагол *бомбит* в безличной конструкции (*кого/ у кого бомбит*) выражает гнев, сильное недовольство чем-либо: *Корооче, у меня бомбит. Почему большинство девушек так скептически относится к интернет-знакомствам? Я искренне не могу понять* [<http://www.podslyshano.ru/doma-ne-pojmut/51650-koroche-u-menia-bombit-pochemu-bolshinstvo-devyshek-tak.html>]. *Бомбит* в личных конструкциях может выражать различные значения с общей семантикой ‘совершать энергичное действие, направленное на какой-л. объект’ [БСРЭР: 54], например: *Жена по ночам бомбит холодильник, не может остановиться* [<http://otvet.mail.ru/question/7627001>].

Безличные предложения русского языка по-прежнему остаются не изученными в полной мере и по многим вопросам вызывают исследовательские споры, в том числе, в аспекте изучения национального менталитета. По словам В. Ю. Копрова, «в этой особенности грамматики русского языка видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед непознанным, и даже агностицизм русского народа» [Копров 2005: 79].

В особом внимании лингвистов нуждаются безличные предложения разговорной речи. В разговорной речи они распространены особенно широко, а кроме того, по данным нашего материала, наблюдается тенденция активного вовлечения множества новых глагольных слов в безличное употребление. Так, в современном молодежном жаргоне встречаются глаголы: *(мне; меня) улыбнуло* (видимо, по аналогии с формой *порадовало, радует*), *(мне) доставляет* (вероятно, сокращение «*доставляет удовольствие*»), *(меня) бомбит, бомбануло, (меня) упарывает* и др. В Интернете нередкими являются безличные употребления типа: *(меня) выкидывает / выкинуло (из Сети, из чата, из игры, из «Скайпа» и т.д.)*

Безличные предложения, описывающие чувства и эмоции человека, актуальны в разговорной речи, и особенно в молодежном жаргоне, для многих из них характерна яркая эмоциональность, они становятся «модными» в устной речи и/или в Интернете.

Итак, в целом категория глагольного лица оказывается значимой для разговорной речи, семантические процессы в сфере глагольной лексики могут сопровождаться изменениями в парадигме личных форм.

В разговорной речи, характеризующейся диалогичностью, отмечается преобладание форм 1 и 2 лица настоящего времени. У глаголов с направлением метафорического переноса от окружающего мира на человека формы 1 и 2 лица часто отсутствуют для исходного значения и появляются в разговорном словоупотреблении.

Семантические изменения, происходящие с коллоквиальным лексическим значением, когда наблюдается расширение значения глагольного слова, когда развивается диффузность его значения, приводят в ряде случаев и к функциональным изменениям парадигмы личных форм разговорного глагола.

Пейоративная оценка, грубая, вульгарная окраска глагола, как правило, сопровождается сужением парадигмы личных форм, исключением форм 1 лица.

Наблюдается также заметная активизация безличной формы разговорных глаголов, что влечет за собой развитие дополнительных оттенков смысла и усиление антропоцентричности семантики слова. Так в разговорной речи проявляется одна из отличительных особенностей русской грамматики и, очевидно, русской языковой картины мира.

2.2.2. Изменение потенциала валентности разговорного глагола

Изменение лексического значения глагола влечет за собой преобразование его валентности.

У глаголов, образованных при помощи семантического переноса «воздействие на объект» → «приведение в эмоциональное состояние», может происходить субъектно-объектная трансформация, может появиться безличная форма. В качестве примеров обратимся к жаргонным образованиям *высаживать* и *вымораживать*.

В молодежном жаргоне глагол *высаживать* употребляется в значении ‘приводить в состояние недовольства, злости, негодования’, например:

*Как же меня **высаживает**, когда одноклассники просят у меня телефон позвонить... нет у меня денег и все!!! P.S причем всегда)* [<http://status.gs/qip-status/raznoe/70183-.html>]; *Меня **высаживает** моя панель приборов* [http://subaru-club.org/forum/forum_posts.asp...]; *Ключи уже после праздников... тут нужно смириться и обои за праздники присмотреть / Меня **высаживает** смотреть, когда ключей от квартиры нет* [<http://polesie66.ru/blogs/stroitelstvo/polese-23-10-12-2011.html>].

Источником семантического новообразования стало, очевидно, разговорное значение этого же глагола, зафиксированное в толковых словарях: ‘выбить, выломать сильным ударом’ [СТСРЯ], например: *Врываюсь в покои – выхватываю колыбель, и тогда уж, с налета **высаживаю** окно* [Д. Щербинин, <http://powerwriter.narod.ru/novel16.htm>]. Наблюдается перенос значения деструктивного физического действия (результатом которого является, как правило, разрушение) на выражение эмоционального состояния человека (‘приводить в состояние сильного раздражения’).

Актуальность и частотность новообразования подтверждается его словообразовательной активностью – в жаргонизированной молодежной речи встречается целый ряд дериватов рассматриваемого лексико-семантического варианта с устойчивой семой негативной, осуждающей оценки: *высад, высадно, высадный*. Например:

*Хочу купить колонки FurglesSoftSpeakers... у нас в городе нигде не продается! на яндексмаркете тоже нет, короче полный **высад!*** [<http://www.nix.ru/abc3/viewtopic.php?p=103940>]; *Сны про Дьябло снились... было **высадно*** [<http://forum.prudok.ru/archive/index.php/t-995.html>]; *Завязал с куревом уже как 4 месяца... стал другим человеком... раньше не задумывался насколько **высадный** оказывается табачный дым* [<http://pion-nt.ru/1373-dyuma-ne-budet.html>].

Лексико-семантическое преобразование глагола *высаживать* сопровождается изменениями синтаксических свойств глагола: подверглась изменению валентность лексико-семантического варианта, трансформировались позиции субъекта и объекта. Функционирование жаргонного новообразования

происходит, судя по всему, в двух вариантах: а) безличном: эмоциональное состояние субъекта, представленного позицией род.падежа – *меня*; 2) личном: в разговорном варианте значения объектом является предмет (*высадить/высаживать дверь*), в жаргонном объект – лицо (*меня высаживают эти колонки*).

Рассмотрим еще один пример глагола с семантикой негативной оценки: глагол *вымораживать* со значением ‘приводить в состояние негодования, раздражения’:

Меня вымораживает наша медицина [http://www.musicforums.ru/kurilka_arc/1173872410.html]; *Вымораживают... меня наши малолетки* [<http://www.baby.ru/blogs/post/64019223-1073124/>]; *Меня вымораживает, когда девушка юзает пахучий дезик вместо того, чтобы помыться* [<http://forum.sibnet.ru/index.php?showtopic=1078525>]; *Если честно, меня вымораживает словосочетание "рэп-артист"* [<http://fanparty.ru/fanclubs/bahh-tee/quotes/25974>]; *Меня вымораживает этот убогий и тормозной сайт* [<http://www.odnoklassniki.ru/profile/596531067>]; *Как же меня вымораживает то, что некоторые производители не склоняют названия машин* [<http://www.forum-volgograd.ru/archive/topic/219259-1.html>].

В словарях зафиксированы следующие значения глагола *выморозить* (совершенного вида): ‘сильно охладить морозным воздухом; выстудить’ (*выморозить помещение*), ‘выдерживая на морозе или сильно охлаждая другим способом, удалить часть влаги, воды или другие вещества’ (*выморозить белье, выморозить вино*) ‘истребить холодом’ (*выморозить тараканов*) (см. [МАС], [Ожегов]). Источником метафоризации, вероятно, является архисема ‘подвергнуть воздействию’. Как и с глаголом *высаживать*, здесь произошел перенос значений: ‘физическое воздействие на объект’ → ‘приведение в эмоциональное состояние’, который также сопровождается изменениями в синтаксических свойствах глагола. Изменилась валентность глагола, трансформировались позиции субъекта и объекта.

С изменением лексической семантики глагола, появлением разговорного ЛСВ, меняется валентностный потенциал глагола, происходит субъектно-объектная трансформация, в одних случаях исчезает одна из валентностей глагола, в других возникает новая, не свойственная производящему ЛСВ валентность.

Так, например, изменяется валентностный потенциал производного разговорного ЛСВ глагола *сохнуть*: «страдать от неразделенной, безответной любви к кому-либо» [БСРЭР: 577] (*Девушки сохнут по нему*). В этом значении глагол имеет иную лексическую и синтаксическую сочетаемость (*сохнуть по кому*), нежели в его основном литературном значении ‘становиться сухим, теряя влагу’ (*Белье сохнет*). В первом случае дательный падеж с предлогом предполагает одушевленный объект, на который направлено действие (чувства), во втором случае объект отсутствует. «Прототипом» можно считать глагол *тосковать* (*по кому*), от которого и перенимается модель управления. Изменяется субъект – в разговорном варианте это человек, в нормативном – неодушевленный предмет.

Изменение валентностного потенциала происходит с разговорным значением глагола *тормозить*: «(на чем / в чем / с чем). Шутл.-ирон. молод. Не понимать, не соображать, не догадываться. *Я вам уже час толкую, что денег нет, а вы тормозите, не ясно, что ли?*» [БСРЭР: 612]. Например:

*Мне 30 лет, с самого детства я **торможу** в некоторых ситуациях, например, могу сказать или сделать не то, но доходит это до меня не сразу, а через несколько минут, а то вообще на следующий день и потом мне бывает стыдно что я выглядела глупо, а если я не задумаюсь, то может вообще не дойти. И мне то и приходится временами слышать в свой адрес "не **тормози**" "не тупи"* [<http://health.mail.ru/consultation/246864/>]; *Что же вы молчите? Как не вежливо с вашей стороны. Как ваши дела? - Хорошо, прости, я с работы, немного **торможу**. Как ты поживаешь?* [<http://ficbook.net/readfic/1460584>]; *Статусни – не **тормози*** (Название группы в социальной сети «Одноклассники») [<http://www.odnoklassniki.ru/group51152155246771>]; *Итак, давайте установим,*

почему мужчины "**тормозят**" и от чего они конкретно "зависают"?
[http://www.superstyle.ru/25jan2012/muzhchina_v_stupore];

В этом же значении используется коллоквиальный глагол *тормозиться*:
*Делаю загранпаспорт через сайт госуслуги... торможусь на фото... не могу
увеличить размер фото (24*16) и все... как сделать подскажите?*
[<http://ys.sakh.com/forum/?sub=1096620>].

Производящим является значение: «Замедлять или останавливать движение чего-л. (обычно с помощью тормоза). *Резко т. Т. у светофора. Т. на перекрестке. Т. при спуске с горы*» [СТСРЯ: 836]. Метафорический перенос заключается в уподоблении действий физических и психических: замедление понимания, соображения сопоставляется с замедлением движения автомобиля.

У разговорного варианта глагола появляется управление *тормозить на чем / в чем / с чем*. Возникает вопрос, откуда берется данная модель управления? Подобная модель управления свойственна глаголам: *ошибиться, засомневаться в чем / с чем, споткнуться на чем*, по-видимому, их можно считать прототипами коллоквиального преобразования.

Модель управления может переходить к коллоквиализму как от глагола-прототипа, так и от производящего ЛСВ. Например, одно из значений многозначного глагола *рубить*: «(в ком / чем). Понимать, соображать, разбираться. *Ты по-английски рубишь? Ни фига ты в женищинах не рубишь!*» [БСРЭР: 541] (*Он совсем не рубит в этом*).

Помимо указанного управления *в ком / в чем*, употребляется и форма винительного падежа без предлога:

*Это вам кажется, что она хорошо **рубит** математику, на общем дебильном фоне* [<http://www.rutalk.co.uk/archive/index.php/t-65220.html?s...>]; *Мне, к примеру, изложенное недоступно. Поэтому я молчу. В отличие от вас, любезный. Который тоже не **рубит** физику, как Г. Шипов* [http://www.scorcher.ru/articles/art.php?id_art=46&nopages=1]; *Кто **рубит** английский* [<http://otvet.mail.ru/question/82121862>]; *Оказалось мальчик не плохо **рубит** историю, знает например, что Королёв был репрессирован, а Ленину*

пришлось пойти на сепаратный мир с Германией [<http://danilash.livejournal.com/3976.html>].

Основой для метафорического переноса послужило, скорее всего, одно из двух значений: 1) «разделять на части, рассекать, размельчать. *Р. дрова. Р. мясо, капусту*» [БТС] или 2) «разить, сечь холодным оружием. *Р. шашкой, саблей. Р. на скаку. Беспощадно р. вражеские полчища*» [БТС].

Синонимичный сленговый глагол *сечь* (что / в чем) также мог образоваться от одного из подобных значений: 1) «рубить на мельчайшие части; измельчать» [БТС] или 2) «наносить удары, поражать (первоначально холодным оружием)» [БТС].

Модель управления в данном случае заимствована одновременно из производящего ЛСВ (*рубить что, сечь что*) и из грамматики глагола-прототипа *разбираться в чем-либо* (*рубить в чем, сечь в чем*).

Следовательно, на валентностные свойства разговорного глагола может оказывать влияние не только глагол-прототип, или даже целая лексико-семантическая группа глаголов с общей архисемой, но и производящий вариант исходного нормативного значения.

Обратим внимание в рассматриваемом отношении на процессуальный (только несов. вида) глагол *валить*: «уходить, быстро покидать что-либо» [БСРЭР: 67]. Как уже было рассмотрено в параграфе 2.1., производящим для него является значение «идти, двигаться или падать в большом количестве. *Толпа валит на площадь*» [БТС]. Аналогично и глагол *свалить* образован от «разг.-сниж. Уйти, схлынуть (о массе, потоке кого-, чего-л.). *Толпа свалила со двора*» [БТС]. От производящего ЛСВ заимствуются распространители *куда, откуда*. Грамматические особенности переходят от производящего ЛСВ к производному ЛСВ.

Таким образом, наблюдается устойчивый процесс трансформации валентностных связей глаголов при colloquialization и, в частности, жаргонизации производных значений от производящих нормативных значений,

как правило, меняется, по сравнению с исходным, соотношение позиций субъекта и объекта.

2.2.3. Разговорные глаголы и их видовые соответствия

Преобразование лексической семантики глагола отражается на соотношении видов и видо-временной парадигме глагола, которая самым тесным образом связана в русском языке с лексическим значением глагола, последовательно от него зависит.

Видовое соотношение далеко не всегда распространяется на глагол во всех его значениях, зачастую для некоторых производных значений разговорного глагола возможность видовой соотносительности утрачивается или при сохранении таковой смысловая необходимость в ней утрачивается, т.е. формы иного вида возможны, но практически никогда не употребляются.

В целом наблюдается тенденция, согласно которой производные глагольные значения характеризуются меньшим составом возможных видовых соответствий, чем основные лексические значения. Отсутствие видового соответствия, характерное для основного значения глагола, разговорный ЛСВ может перенимать «по наследству» от производящего ЛСВ, как и некоторые другие грамматические свойства. При этом чем удалённее значение от первичного, тем, скорее всего, уже набор его грамматических форм.

Утрата соответствий совершенного вида объясняется обычно неопределённостью и ненаправленностью на достижение предела значений разговорных глаголов. Отношение действия к внутреннему пределу – основной, доминирующий, «вершинный» признак в поле аспектуальности для славянских языков [Бондарко 2007: 80]. По мнению А. В. Бондарко, «признак отношения действия к пределу распространяется и на противопоставление действия в собственном смысле, которое может быть предельным и неопределённым, и состояния или статического отношения, являющихся неопределёнными» [Там же].

Употребление только в несовершенном виде характерно, например, для следующих глаголов в их переносных разговорных значениях: *брать*, *бросаться*,

варить, вариться, втирать, вывозить, выгонять, выражаться, выступать, загорать, звонить, печься, рассекать, рубить, рулить, сохнуть, трескаться, шевелиться.

Рассмотрим в качестве примера глагол **вкалывать**: «разг.-сниж. Работать много и напряжённо. *Всю жизнь вкалывал. Несколько лет вкалывал грузчиком. Здорово вкалывает!*» [БТС]. Исходное нормативное значение глагола **вкалывать** дается в толковых словарях по его форме совершенного вида **вколоть**: «проколов, вставить, ввести внутрь; воткнуть. *В. в волосы цветок. В. иглу в игольницу. В. большую дозу морфия*» [БТС]. В словарях исходный литературный и разговорный сниженный глаголы рассматриваются как омонимы, семантические связи между ними стерты.

У разговорного глагола вместе с исходной лексической семантикой исчезает переходность, а также локально-целевая позиция «во что», зато появляется факультативная позиция вторичного именного предиката: *кем – грузчиком* [Золотова 2006: 237].

Разговорное значение глагола оказывается, в отличие от исходного нормативного, неопредельным, оно не предполагает никакого ограничения, завершения, предела, поэтому для него невозможна форма совершенного вида (ср.: **вколоть*). Глагол в нормативном значении предполагает наличие результата «что-то проколото, что-то вставлено, введено внутрь», можно сказать, достижения результата в данном случае избежать невозможно.

Другой пример – слово **выламываться**: «разг. Вытворять что-л. неожиданное, странное, неподобающее, стараясь обратить на себя внимание, произвести впечатление на кого-л.; куражиться, паясничать. *В. перед кем-л*» [БТС]. Например:

Так это новенькая [о новой участнице «Реалити шоу»] в анонсе, на столе выламывалась, боже мой. Проект уже совсем деградировал, кого только не набирают: до самых низов дошли [<http://kak2z.ru/index.php?topic=32135.0>].

Синоним **ломаться**: «разг. Кривляться, паясничать. *Ученик ломается на уроке. Перестань л. – надо работать.* // Манерничать, жеманиться. *Л. перед*

женихом. 6. Разг. Упрямитесь, не соглашаться на что-л., не имея на то основательных причин. *Все поют, а он ломается. О чём бы ни попросили, всегда ломается.* 7. Над кем, перед чем. Разг. Проявлять самодурство; куражиться. *Любит ломаться перед заказчиком. Ломается над уважаемым человеком»* [БТС].

Источником метафоризации рассматриваемых слов послужила семантика физического действия, общая для однокоренных слов глагола *ломать(ся)*. Для нормативных вариантов возможны аспектуальные собственно видовые соответствия – *выламываться/выломиться (/выломаться)* или лексико-грамматические – *ломаться/сломаться*. Однако это свойство не распространяется на разговорные значения данных глаголов, так как они приобретают неопредельное аспектуальное значение, которое «по самой своей природе таково, что оно не предполагает никакого ограничения, завершения, предела» [Бондарко, Буланин 1967: 29].

Глагол *ломаться* в значении ‘упрямитесь, не соглашаться на что-л., не имея на то основательных причин’ и основной ЛСВ *ломаться* (возвратный к глаголу *ломать*), означающий ‘разделяться на два или несколько кусков, частей от удара, давления и т.п.’ (*На реке стоит шум и грохот – ломается лед*) [БТСРГ: 207], различаются на уровне видовых характеристик.

В качестве лексико-грамматического видового соответствия нормативного варианта *ломаться*, как правило, выступает глагол *сломаться*: *Потом лопнул какой-то шатун, за ним **сломался** клапан, а дальше паровоз начал разваливаться на куски – каждый день что-нибудь **ломалось*** [Виктор Кин. По ту сторону].

Рассматриваемое разговорное значение у глагола *сломаться* невозможно, но его может выражать другой приставочный глагол совершенного вида – *поломаться*:

*Но гость должен **поломаться**, должен сначала отказываться, а иначе над ним потом будут насмешничать* [Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи]; *Немного **поломаться**, набить себе цену — это была ее женская привилегия* [Максим Милованов. Кафе «Зоопарк»]; *Я мог бы приличия ради **поломаться** несколько*

минут, а может, и несколько дней, но не буду [Максим Милованов. Рынок тщеславия].

В данном случае приставка добавляет значение ‘некоторое время’ (‘упрямиться, не соглашаться некоторое время’).

Однако аспектуальное соотношение глаголов *сломаться* – *ломаться* используется для выражения другого разговорного значения (другая метафора): ‘не выдержав трудностей, утратить веру в свои возможности, прекратить сопротивление, проявить слабость’ [БСРЭР: 566]. Например:

Наш «Локомотив» никогда психологически не ломался и не сломается [Иван Карпов. Вратарь «Локомотива» Сергей Овчинников: Жизнь продолжается! // Советский спорт, 2005.09.26].

Рассмотрим соотношение видовых форм/значений на примере актуального в жаргонизированной молодежной речи глагольного слова *рассекать*: «(на чём). Молод. Двигаться, идти, ехать (стремительно, энергично). *Дык тут тока на жигулях можно рассекать*» [БСРЭР]. (В качестве синонимов этого экспрессивного новообразования можно отметить глаголы: *ездить, мчаться*).
Примеры:

*По Екатеринбург **рассекает** золотая девятка* [<http://ekburg.tv/7948/>]; *Никита Бесогон **рассекает** и пересекает – ездит по встречной полосе движения, пересекает две сплошных уже без всякого сигнала на крыше* [rasstrel.ru/bortovoy-zhurnal/rassekaet-i-peresekaet.htm]; *Репер Сява **рассекает** на «Пятерке»* [www.tvigle.ru/category/auto/star-auto?video=429608]; *Одно время зять взял за привычку в трусах **рассекать** по дому* [<http://blogs.mail.ru/mail/aydar1980/528DD1D4428B6BBE.html>].

Основное (литературное) значение глагола *рассекать* дается в толковых словарях по форме его совершенного вида: *рассечь*: «С силой, ударом разрубить, разделить на части чем-л. (обычно острым). *Р. полено. Р. свиную тушу. Р. червя лопатой. Р. воздух чем-л.* (сделать энергичное, резкое движение рукой, как бы рубя что-л.). *Р. волны, воду* (двигаясь в воде, раздвинуть воду в стороны от себя: о

пловце, катере и т.п.). *Р. армию противника* (разделить на части, прорвав фронт) [БТС].

Основой для метафоризации стало образное употребление глагола, связанное со стремительным движением по/на/в воде: *рассекать волны, рассекать воду*. В приведенных выше примерах наблюдается перенос значения на всякое быстрое перемещение по твердой поверхности, в основе переноса – образность стремительного, резкого, эффектного перемещения на автомобиле. В результате в переносном значении объект действия (*вода, волны, лужи*) становится необязательным и даже избыточным: семантика становится «самодостаточной», не нуждающейся в объекте, и глагол приобретает непереходность (подобно синонимам *ездить, мчаться*).

При этом разговорный вариант глагола становится близким по своему сигнификативному содержанию к глаголам ненаправленного движения (*ездить, ходить, летать*) и приобретает неопределенное аспектуальное значение (*рассекать*), поэтому употребляется только в форме несовершенного вида в отличие от исходного нейтрального глагола с предельным значением (ср.: *рассекать/рассечь*).

Имеет свою лексико-грамматическую историю и коллоквиальный глагол **загорать**: «(без чего / кого). Шутл.-ирон. разг. Вынужденно бездействовать, ожидая изменения неблагоприятной ситуации. *З. без работы. З. по кабакам. З. без клиентов. З. в тюряге...* → ПОЗАГОРАТЬ» [БСРЭР: 199]. *Месяц уже загораю без работы* [<http://www.start-drive.com.ua/forum/index.php?topic=243.140>]. Происхождение данного значения, возможно, каким-то образом связано с работой на стройке, когда при плохой организации труда по тем или иным причинам, не зависящим от рабочих, они вынуждены не работать и ждать под солнцем, «загорая».

В отличие от производящего нормативного (*загорать/загореть*) рассматриваемый глагол не употребляется в форме СВ *загореть*, т. к. выражаемое действие не стремится к результату именно данного процесса, значит, производный коллоквиальный глагол оказывается одновидовым.

Рассмотренные выше примеры иллюстрируют отсутствие формы СВ у производного разговорного ЛСВ, что обычно объясняется неопределенностью глагола. Наряду с такими случаями частотны ситуации, когда потенциально возможны обе видовые формы, однако функционально они не равны: одна из них является наиболее употребительной.

Например, глагол *наваливать* – формы совершенного вида этого глагола в переносном разговорном значении почти не встречаются. Лексическая семантика данного глагола, как и многих глаголов в разговорной речи, отличается диффузностью. Глагол *наваливать* передает значение интенсивности какого-либо действия, которое уточняется контекстом. В последующих примерах *наваливать* значит ‘быстро ехать, давить на педаль газа сильнее, увеличивать скорость’:

Вова Real "наваливает" по родной Одессе! [<http://grinya.com/novosti/vova-real-navalivaet-po-rodnoj-odesse.html>];

камаз наваливает [<http://4wdportal.ru/video/kamaz/kamaz-navalivaet.html>];

рег сам нукуя не видит и наваливает не учитывая что едет по льду [<http://www.stopnegoni.ru/video/auto/9662.html>];

Приус наваливает в поворотах [<http://www.youtube.com/watch?...>].

А в другом примере речь идет об интенсивном звучании баса у музыкального проигрывателя в автомобиле:

Теперь басок наваливает ... Проявился небольшой косяк...на заднем сидении неслышно ничего кроме баса=) [http://www.drive2.ru/cars/kia/sportage/sportage_3rd_generation/etrenal92/journal/422018/].

Усиление интенсивности какого-либо действия – процессуальное значение, которое передается при помощи форм НСВ. Нередки ситуации, когда для разговорного слова или его лексико-семантического варианта характерен только СВ (или в основном употребляется только глагол СВ).

Глагол *провести* в значении ‘обмануть, перехитрить, одурачить’ встречается только в форме СВ. Например: *Работа была временной, и он вскоре потерял ее, так как часто отпрашивался, ссылаясь на мнимую болезнь, но не*

смог **провести** начальника. [Мария Рыбакова. Дверь в комнату Леона // «Звезда», 2003]; [Фадинар, Андрей Миронов, муж, 34, 1941] *Мой друг!* [Бопертюи, Ефим Копелян, муж, 63, 1912] *Да.* [Фадинар, Андрей Миронов, муж, 34, 1941] *Наша святая обязанность! Мы должны **провести** мужа и мы должны помочь влюблённым! А?* [Леонид Квинихидзе, Эжен Лабиш. Соломенная шляпка, к/ф (1975)]. Для данного значения наиболее актуальным, вероятно, оказывается конкретно-фактическое значение СВ – конкретный факт обмана.

Слово из жаргонизированной молодежной речи – **сделать**: «кого. Одолеть, опередить, перехитрить. При употреблении обычно произносится с оттенком самодовольства со стороны субъекта акции: *Взял у них [у редакции] в субаренду закуточек, скромненько так, по двести баксов за квадрат, а после кинул интеллигенцию – чихнуть не успела. **Сделал** их так, что любо дорого. Чисто как в сказке...* Б. Акунин. Сказки для идиотов. «*Наш агент нас «сделала», – констатирует Сергей. – И продолжает строить рекламу на наших именах, заявляя, что ресторан «ментовский», назвав блюда в честь наших героев...*» АиФ 33/01. || Взять верх над кем-л., легко победить в каком-л. спортивном состязании. *Все-таки мы их **сделали!*** [заголовок заметки о победе россиянок над финками в женской эстафетной гонке на лыжах] АиФ 09/01. *Едва на ринг вышел пермяк Михаил Гала, 7 тысяч человек зашлись в экстазе. Весь бой и еще 10 минут после него страсти не утихали. Миша был просто обязан победить, и он победил! Со счетом 27 – 15 «сделал» француза Джона Дови. КП 23/07/02» [БСРЭР: 553].*

Глагол в данном значении не встретился нам в форме НСВ *делать*.

Глагол **сдуться** отличается диффузной, полиреферентной семантикой. В разных контекстах он может выражать различные варианты экспрессивного разговорного значения. Например:

– ‘уснуть, погрузиться в сон’: *Нельзя и Шура за столом, рубятся в "уголки". Вадя лежит на диване, читает. Проходит полчаса. Слышится сладкое похрапывание - Вадя **сдулся**. Очки на носу, раскрытая книга в руках, лицо сосредоточенное, – словно и не спит, деловая колбаса.* [<http://blogs.mail.ru/bk/po4ta.bk/2EF088A67F526252.html>];

– ‘перестать работать, прекратить функционировать’: *Слухи о закрытии блогов, и работают блоги ужасно. ...Мейл сдулся и ушел в пиик*. Ниасилил, бгг. [<http://blogs.mail.ru/bk/po4ta.bk/3426DF2EEB4CB178.html>]; *Рынок купонов сдулся* [<http://my.mail.ru/community/megapinion/6E6F45B4AE3D92AE.html>];

– ‘потерять силу’: *Власть сдулась?* [<http://my.mail.ru/community/solovievclub/58BCADDA7B0D45BB.html>].

Как можно видеть, используются, в основном, формы прошедшего времени совершенного вида (*сдулся, сдулась, сдулось, сдулись*). Форма НСВ *сдуваться* в данном значении не встречается. Диффузное значение глагола *сдуться*, которое можно определить как «потерять силу», употребляется только при констатации конечного результата (формы прошедшего времени СВ) – важен факт отсутствия чего-либо (чей-то работы, активного проявления, функционирования, бодрствования), и это сопровождается выражением экспрессии, отрицательной оценки, эмоций по поводу «отсутствия чего-л.».

В значении «быстро, поспешно переписать, списать какие-л. тексты (обычно чужие и скрытно)» [БСРЭР: 554] рассматриваемый глагол может употребляться и в форме СВ, и в форме НСВ. Например: *Васька просто-напросто решил сдуть домашнее задание по геометрии* [Анатолий Алексин. *Мой брат играет на кларнете* (1967)]; *гремел на всех авиационных парадах марш «Все выше, и выше, и выше...»* (мелодия которого, как говорили, была «сдута» с очень популярной в Европе и весьма непристойной французской «шансонетки») [Мария Чегодаева. *Соцреализм: Мифы и реальность* (2003)]; *Сидишь себе тихо-мирно в интернете, описываешь на радость комментаторам, таким же бездельникам, как ты сам, терзания своей бессмертной души и вдруг на ровном месте тебя озаряет дикая мысль написать письмо соседке по парте, у которой ты в третьем классе сдувал математику* [<http://parkgagarina.info/avtory/ekaterina-spivakovskaya/1257-2012-01-20-11-27-11.html>].

Однако у этого глагола имеются также другие разговорные значения: «Разг.-сниж. Назначив, взять за что-л. слишком высокую плату. *С нас сдули сотню*» [СТСРЯ: 731]; «Разг.-сниж. Украсть, похитить что-л. *Сдул посуду из*

дома» [СТСРЯ: 731]. В данных лексико-семантических вариантах глагол употребляется в форме СВ, по данным нашего материала, формы НСВ не встречаются.

В последнее время актуализируется еще одно значение глагола *сдуть* (только в форме СВ), пока не фиксируемое словарями: ‘уменьшить объем тела или какой-либо его части (как правило, при помощи пластической хирургии)’. Например: *сдуть губы, смыть автозагар и все отлично* (комментарий к фотографии) [<http://www.bugaga.ru/girls/1146729818-klubnye-devushki.html>]; *Малиновская "сдула" губы ради нового любовника* [<http://www.tatar-inform.ru/news/2012/07/10/322903/>]; *Виктория Бекхэм сдула грудь* [<http://www.dfm.ru/press/news/all/59284/>]. В значении ‘увеличить объем определенной части тела при помощи пластической хирургии’ употребляются глаголы *надуть, накачать*. Например: *как на сайте появляется яркая и красивая девушка - сразу море критики: "губы надула", "грудь накачала", "поза не та" и т.п.!* [http://fashiony.ru/comments.php?page=9&id_u=23924]; *от простушки к секи girl путь был непростой- сначала надулись губы, потом коррекция носа, надула грудь - и это все в 24 года* [<http://twilight-saga.ru/forum/7-641-31>]; *ой, я к пластике отношусь очень нормально. => денег только жалко на это тратить, но это потому, что лишних нет. а были бы, я б себя почикала, сдула и надула* [<http://conf.7ya.ru/fulltext-thread.aspx?cnf=diet&trd=22346>].

Как показывает материал, морфологическая парадигма форм многих глаголов в разговорной речи оказывается суженной (это распространяется и на видовые соответствия, и на время глагола).

Некоторые глаголы, имеющие качественно-оценочный компонент, употребляются только в особых синтаксических ролях и, соответственно, имеют суженную парадигму. Так, глагол *съесть* в значении «безропотно принять, стерпеть (что-л. обидное, оскорбительное). Ну что, съел? То-то же, в следующий раз подумаешь, прежде чем соваться. Истец едва не задохнулся от изумления, потом пожаловался: - Нет, вы слышите?! Совсем обнаглели! – Майор, оглядев всю компанию, высказался в том смысле, что... следует обратиться к милиции. –

Съел? – спросил я у истца. – Ну что, Саня, будем разрабатывать резидента или отпустим с миром? Э. Гер. Глухой музыкант...» [БСРЭР: 598] употребляется, по данным нашего материала, лишь в форме прошедшего времени СВ и всегда в вопросительном предложении: «съел?».

Для ряда глаголов в переносных разговорно-сниженных значениях характерно употребление преимущественно в повелительном наклонении. Например:

завянуть: «обычно повел. Груб. жарг. Замолчать, прекратить говорить. *Завянь, тебя никто не спрашивает!*» [БСРЭР: 197];

засохнуть: «однокр. только повел. Груб. неодобр. жарг. Замолчать, прекратить говорить, умолкнуть. Используется обычно как требование. *А ну засохни на часок!..*» [БСРЭР: 223];

проваливать: «Груб. разг.-сниж. Уходить, быстро убираться (обычно по принуждению, чьему-л. требованию). *И тут – раздался звук!... Звук удара рука руки о щеку. Моя дочь дала ему по физиономии... «Проваливай! – закричала она, забыв про всякую осторожность. – Пошел вон, я кому сказала!»* И. Муравьева. *Дневник Натальи*» [БСРЭР: 497].

При этом некоторые подобные семантические дериваты в форме повелительного наклонения используются в функции междометия. Например:

зашибись: «1. Выражение восторга, восхищения, удивления: отлично, замечательно. Сильное чувство сопоставляется с резким эмоциональным переживанием физической боли от удара, ушиба. *Интерпол не поскупился. Иван и Вадим получили номер люкс со множеством зеркал, но с одной, правда, непомерной ширины кроватью... – Зашибись!* – сказал Иван, зайдя в свою каюту. А. Житинский...» [БСРЭР: 231];

отвали: «3. повел., (в зн. межд.). Отвали! Отваливай! Груб. Прочь, вон, отстань, оставь в покое. – *Молодой, давай погадаю!* – *Отвали...*» [БСРЭР: 400]

а также синонимичный глаголу *отвали*, не отмеченный в словарях, – **отвянь**.

Таким образом, определенные грамматические изменения, следующие за коллоквиальными преобразованиями целого ряда глагольных слов, касаются и

видовых соответствий: многие разговорные слова или ЛСВ не имеют видовой пары, характерной для соответствующих нормативных единиц. Преобладают несоотносительные по виду глаголы НСВ. Отсутствие видовых перфектных форм объясняется, как правило, тем, что производное разговорное образование выражает неопределенное действие, не стремящееся к достижению предела или не используемое в других перфектных значениях. Отсутствие форм НСВ может быть связано с наличием каких-либо семантических компонентов в лексическом значении глагола, которые лучше всего передаются при помощи форм СВ, при этом зачастую потенциально формы НСВ возможны, но не используются, встречаются крайне редко.

Грамматика русского языка, как известно, в высокой степени лексикализована [Апресян 2002: 27]. Функциональное сужение лексического значения разговорных глаголов и вместе с тем яркость и красочность его прагматического содержания, предполагает, как правило, сужение и реальной парадигмы форм глагола, ограниченные сочетаемостные возможности и однотипность контекстов употребления.

Семантическая деривация целого ряда глаголов в разговорной речи сопровождается определенными грамматическими тенденциями, в том числе сужением видо-временной парадигмы, отсутствием видового соответствия, а иногда также употреблением в особой синтаксической позиции. Наблюдаемые грамматические изменения глагола находятся в тесной связи с преобразованием его лексического значения и могут считаться одним из признаков разговорности.

2.2.4. Способы глагольного действия в связи с разговорностью

Способы глагольного действия – периферия поля аспектуальности, ядром которого является грамматическая категория вида. Однозначного понимания термина «способы действия» на данный момент в аспектологии не достигнуто. Расхождения касаются прежде всего объема понятия: включения в него или

исключения нехарактеризованных способов действия, то есть не имеющих материального выражения. В то же время авторы «Теории функциональной грамматики» под способами действия понимают «морфемно характеризованные и нехарактеризованные значения отдельных глаголов и их разрядов, указывающие на характер протекания во времени предельных / непредельных действий» [Теория функциональной грамматики... 2013: 66], способы действия в таком случае свойственны всем глаголам и представляют собой разновидности категории предельности / неопределенности.

В разговорной речи на способы глагольного действия распространяется та же тенденция, что и на видовые соответствия глагола: это тенденция к формальному сужению парадигмы.

Изменение лексического значения, связанное с предельностью / неопределенностью, приводит к изменению способа действия данного глагола и возможности тех или иных приставочных образований. Так, например, сужение набора способов глагольного действия характерно для таких глаголов с переносными значениями, как: *молоть, нести, плавать, трещать, чесать* и др.

Рассмотрим отношение производных разговорных слов и значений к способам глагольного действия на примере синонимического ряда со значением ‘болтать, говорить глупости’: *молоть, плести, пороть*.

Глагол **молоть**: «разг.-сниж. Говорить что-л. вздорное, болтать. *М. вздор, чушь, чепуху. М. языком*» [СТСРЯ]. Исходное значение: «дробить, размельчать *М. рожь. М. кофе, табак, перец. М. мясо. М. камни.* // Разг. Получать что-л. в результате дробления, измельчения чего-л. *М. муку. М. фарш*» [СТСРЯ]. Перенос заключается в уподоблении действий как относительно сходных: *молоть* → *молоть языком*. Префиксальная деривация ограничивается возможностью использования приставки *на-*(*намолот языком*) при невозможности других способов действия, которые допускает основное значение (ср.: *смолоть, перемолоть*).

Плести: «разг. Говорить что-л., обычно несуразное. *П. ерунду, ерундистику, чушь. П. нечто невообразимое. П. невесть что*» [СТСРЯ: 531].

Значения, являющиеся источником метафоризации: «1. (св. сплестим и заплестим). Перевивая полосы, нити чего-л., соединять их в одно целое с целью сделать его более прочным, красивым и т.п. *П. венок. П. кружева. П. слова славянской вязью* (изменяя начертания букв, стилизовать их под древнее написание). 2. (св. сплестим). Соединяя, перевивая растительные волокна (ветви ивы, лыко и т.п.), делать хозяйственный предмет. *П. лапти. П. корзину. П. ловушку для рыбы*» [СТСРЯ: 531]. Основанием для переноса стал образ замысловатого соединения каких-л. пластичных материалов или их частей (*ветвей, нитей, прутьев*) → ‘соединение слов, высказываний’.

Пороть: «разг. Говорить глупости. *П. вздор, ерунду, чепуху, чушь. Что за ахинею ты пореешь?! Ты пореешь ужасную галиматью. Порет сам не зная что*» [СТСРЯ: 579]. Основные нормативные значения глагола *пороть*: «1. (св. распороть) что (чем). Разрезать, разъединять по швам что-л. сшитое. *П. юбку, старое пальто. П. бритвой, ножницами. П. подкладку. Пори осторожно.* 2. что (чем). Разделять, отделять чем-л. острым; вспарывать. *П. шкуру острым ножом*» [СТСРЯ: 579]. Основанием нового лексико-семантического варианта или скорее уже омонимичного слова, вероятно, послужила семантика разъединения чего-либо целостного на части. Возможно, из профессионального подъязыка портных.

Для глаголов *молоть, плести, пороть* с переносным разговорным значением возможно выражение только накопительно-суммарного способа действия с аспектуальным содержанием СВ: *намолоть, наплести, напороть* (‘наговорить, наболтать много чего-л. ненужного’), в то время как лексико-семантические варианты, послужившие основой для метафорического переноса, обладают более широким спектром возможных способов действия (ср.: *распороть, пропороть, отпороть, выпороть* и др.).

Нормативные значения подобных глаголов обозначают конкретные физические действия и имеют в своей семантике невыраженную идею предельности, направленности на предел, результат действия (ср.: *пороть – распороть*). А. В. Бондарко относит подобные бесприставочные глаголы, содержащие элемент предельности (не выраженной материальными средствами),

к общерезультативному способу действия [Бондарко, Буланин 1967: 22-24]. При употреблении с приставкой предельность получает материальное выражение и может быть представлена как результат действия (*распороть платье, смолоть кофе, сплести корзину*).

В то же время рассмотренные разговорные глаголы с переносной семантикой относятся к эволютивному способу действия (глаголы развития), не направленному на предел. В таких глагольных словах «обозначается действие, не предполагающее результата даже в перспективе (в этом данные глаголы сходны с глаголами состояния и отношения), но связанное с количественными или качественными изменениями в субъекте или объекте (существенное отличие от глаголов состояния и отношения)» [Бондарко, Буланин 1967: 27]. По этой причине глаголы рассматриваемых переносных значений обычно не допускают всего набора специальнорезультативных приставок, возможных для их прямых значений (ср.: *намолоть, перемолоть; сплести, переплести, расплести; распороть, выпороть, отпороть*), хотя отдельные приставочные употребления для разговорных вариантов все же встречаются в значении однократного действия (*смолоть ерунду*), в количественном (накопительно-суммарном) значении (*намолол, наплёл, напорол всякой ерунды*).

Глагол *барабанить* в разговорной речи имеет следующее значение: «Шутл. разг.-сниж. Выполнять длительное время какую-л. неинтересную работу, отбывать повинность. *Три года во флоте барабанил*» [БСРЭР: 37]. *Дадут тебе 3 разряд, наставника, будешь 3 месяца на испытательном сроке барабанить на заводе* [<http://forum.dpni.org/archive/index.php/t-48199.html?s=9...>].

Исходное значение: «Бить в барабан; играть на барабане (1 зн.). *Б. в барабан. Стучать по барабану*» [БТС]. Выполнение скучной монотонной работы уподобляется стучанию в барабан. Исчезает валентность: *во что, на чем*.

С данной разговорной семантикой возможен дериват *отбарабанить*. Например: *Что это за жизнь! Отбарабанил в банке — и податься некуда* [<http://cityinfo.info/quote/book/217319>]. Глагол выражает значение финитивного

способа действия: «глаголы с приставкой от- обозначают прекращение действия, иногда подчеркнуто выражают значение абсолютного конца, полного прекращения действия или деятельности, отличающихся значительной мерой предшествующей длительности и интенсивности» [Бондарко, Буланин 1967: 18]. В данном случае семантика «интенсивности», «значительной меры» служит созданию яркой разговорной окраски, подчеркивает значение «работать много, интенсивно». Именно данный дериват актуален в разговорной речи, другие приставочные дериваты – *забарабанить*, *пробарабанить*, *набарабаниться* – по данным нашего материала, в разговорном значении не употребляются. По сравнению с глаголом *барабанить* в исходном значении происходит сужение набора возможных способов глагольного действия.

Глагол *сохнуть* в экспрессивном значении ‘страдать от неразделенной, безответной любви к кому-либо’ [БСРЭР: 577] (*Девушки сохли по парню*) имеет только формы НСВ, в то время как литературный глагол может иметь лексико-грамматическое видовое соответствие: *белье сохло – высохло*. Или в другом значении, тоже нормативном, связанном с потерей влагой, ‘вянуть, гибнуть’: *цветы сохли – засохли*. В приведенных примерах реализованы результативное значение СВ, специальнорезультативный способ действия («*сохло-сохло* и наконец, *высохло*»): физическое действие, постепенная потеря влаги, приводит к конечному результату – полной потере влаги, ее отсутствию. В случае с разговорным значением формы СВ отсутствуют, что обусловлено особенностями лексической семантики глагола: ‘**находиться в состоянии** неразделенной любви, страдании’, которое не предполагает разрешения (результата), глагол относится к эволютивному способу действия.

Представляет интерес глагол *косить* – ‘подделываться, играть чужую роль, подражать кому-л.’. *Сейчас большая часть парней косит под Билана* [<http://otvet.mail.ru/question/5351870>]; *Тип косит под Тайсона* [http://krasview.ru/video/312591-Kandidat_na_nokaut_goda_2012...]. Управление глагола заимствовано от «прототипа»: *подделываться под кого-л.*

Производящим значением, вероятно, является одно из двух значений: «отклоняться от прямого направления, идти, располагаться косо» или «делать косым, перекашивать, кривить. *Косить рот*» [СТСРЯ: 293]. В основе метафорического переноса лежит образ кривизны, отклонения, что традиционно ассоциируется с ложью, обманом (ср. *кривить душой*), в то время как прямота ассоциируется с правдой и честностью. Нормативное значение «делать косым, перекашивать, кривить» предельное и соотносится с префиксальным глаголом общерезультативного способа действия *скосить*. Второе значение «отклоняться от прямого направления, идти, располагаться косо», напротив, неопредельное и не имеет аспектуальных общерезультативных и специальнорезультативных образований. Можно предположить, что именно это значение является источником метафоризации, так как разговорный ЛСВ этого глагола тоже неопредельный и не имеет общерезультативного образования *скосить*.

Разговорный ЛСВ получает набор грамматических свойств от производящего нормативного слова и его значения (часто в суженном варианте, «наследуя» лишь часть его валентностей, лексико-грамматических видовых соответствий, морфологических форм) и может приобретать некоторые грамматические свойства глагола-синонима. В некоторых случаях грамматика глагола полностью предопределяется глаголом-прототипом, глаголом-синонимом. На все это влияет само лексическое значение разговорного глагола. Однако помимо указанных факторов, действуют и другие, в числе которых творческая направленность жаргонизированной молодежной речи.

Так, у рассмотренного выше глагола *косить* в разговорной речи появляется префиксальный дериват совершенного вида *закосить* (*ГАИшник закосил под дурака* [<http://znay-pdd.ucoz.ru/publ/...>]), что не связано напрямую ни с производящим литературным словом, ни с глаголом-прототипом, но можно считать проявлением креативности разговорной речи, творческим расширением коллоквиализма *косить* в его конкретно-фактическом префиксальном варианте.

Таким образом, изменение лексического значения глагол влечет за собой изменение его грамматических свойств, в том числе, изменение набора

возможных способов глагольного действия. Зачастую глаголы в разговорных значениях переходят из группы предельных в неопределенные, что отражается на возможности выражения семантики завершения, ограничения, исчерпанности действия при помощи способов глагольного действия. Количество возможных новых приставочных дериватов для разговорного варианта часто оказывается меньшим, по сравнению с исходным вариантом глагола.

2.2.5. Креативный потенциал способов глагольного действия

Разговорной речи, особенно жаргонизированной молодежной, свойственны постоянный поиск и стремление к новому для выражения эмоциональных, экспрессивных и других вариантов и оттенков выражения смысла. Для обозначения такого свойства иногда употребляют термин креативность или креатив. По словам В. К. Харченко, «под креативом разговорного дискурса справедливо понимают творческое начало, эвристичность, противостояние автоматизму, банальности» [Лингвистика креатива... 2012: 147]. Креативность проявляется в словотворчестве, языковой игре, развитии переносных значений, а также в особом функционировании некоторых грамматических категорий, в том числе лексико-грамматической категории «способы глагольного действия».

Способы глагольного действия являются периферией функционально-семантического поля аспектуальности, ядром которого считается грамматическая категория вида. Принято считать, что исторически появление способов глагольного действия предшествовало появлению видов, и категория вида представляет собой результат их грамматикализации [Бондарко 2007: 89].

Благодаря словообразовательным средствам способы глагольного действия служат выражению дополнительных смысловых оттенков характера протекания действия. С одной стороны, это позволяет выразить в речи в минимальной внешней форме (глагол + аффиксы) большую палитру смыслов, большой объем содержания, что соответствует одной из характерных тенденций разговорной речи – стремлению к экономии речевых усилий. С другой стороны, это отражает и

такое качество разговорной речи как расточительность, а также креативность разговорной речи.

О креативном потенциале способов глагольного действия пишет Е. Н. Ремчукова, подробно рассматривая само понятие креативность и креативный потенциал различных грамматических категорий русского языка. По ее словам, «способность русского глагола аккумулировать аспектуальную информацию, «изоощренно» фиксируя тончайшие оттенки характера протекания действия, является, безусловно, одной из самых ярких красок в палитре лексико-грамматических средств русского языка» [Ремчукова 2011: 190].

В научной литературе по коллоквиалистике неоднократно отмечалась особая роль префиксов в образовании новых глаголов [Земская 1979: 119]. Как пишет А. Мустайоки, «глагол как описание и характеристика действия трансформируется и обновляется именно с помощью префиксов, в отличие, скажем, от существительных, более чувствительных к суффиксальным влияниям» [Мустайоки 2008: 247]. Вместе с тем, следует заметить, что применительно к глаголам роль префиксов часто заключается не только в словообразовании, но и в выражении значения способа глагольного действия. Представляется, что способы глагольного действия играют в разговорной речи особую роль, способствуя выражению разнообразных оттенков смысла, участвуя в освоении иноязычных заимствований и креативных новообразований.

Употребление в речи новых глагольных образований того или иного способа глагольного действия, как правило, не снижает успешность коммуникации, напротив, значения приставочных глагольных образований легко опознаются носителями языка, так как семантика способов действия им хорошо известна.

Многие способы глагольного действия регулярно используются при освоении иноязычных лексем, что можно проиллюстрировать следующими примерами из современного Рунета (русского Интернета): *гуглить*, *загуглить*, *погуглить*, *нагуглить* и др.

Глагол *гуглить* образован от англоязычного названия поисковой системы «Google» и первоначально обозначал ‘производить поиск информации в поисковике Google’ (в английском языке имеется аналогичный разговорный глагол – *togoogole*). В разговорной практике этот глагол все чаще употребляется расширительно, в значении «поискать в Интернете» (не подразумевая обязательное использование сайта «Google»):

Попробуйте погуглить по сайтам профессионалов Trimble, Javad [<http://forum.gps-club.ru/index.php?showtopic=18942>]; *В яндексе хреново гуглищо, лучше погугли в йаху* [<http://otvet.mail.ru/question/59633995>]; *Сейчас вспомнив, погуглил в яндексе, но кроме фото и видео с прибитой бутылкой ничего не нашёл* [<http://www.yaplakal.com/forum14/topic636149.html>].

От глагола *гуглить*, в свою очередь, образуются приставочные дериваты *погуглить*, *загуглить*, постфиксальный *гуглиться*. Глагол *погуглить* выражает значение ограничительного способа действия, что предполагает непродолжительность времени данного действия (*Не надо думать, что ваши собеседники столь тупы, что не могут банально погуглить* [<http://juick.com/juliever1/2004093>]; *Пришлось погуглить немного, но очевидного решения сразу найти не удалось, пришлось какое-то время экспериментировать* [<http://did5.ru/it/windows/wsus/kak-razvernut-internet-explorer-10-cherez-wsus.html>]).

Глагол *нагуглить* выражает значение накопительного способа действия, обозначая накопление, сбор нужной информации: *Который сейчас час в Лондоне? Сколько миллиметров в 548 тысячах километров? Как найти презентацию по определенной теме? Ответы на все эти вопросы знает Google. Но иногда не так просто нагуглить именно то, что вам нужно, не зная определенных фишек. Предлагаем ознакомиться с небольшой памяткой, которая поможет стать продвинутым гуглером* [<http://www.seonews.ru/reviews/detail/125226.php>]; *В Интернете можно много чего "нагуглить"* [<http://www.utro.ru/articles/2003/06/21/207987.shtml>].

Встречаются употребления глагола *нагуглить* в новом разговорном значении: ‘извлечь какую-либо выгоду благодаря сайту Google или благодаря

интернету' (*Нагузлить* миллиард
[\[http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/276243/\];](http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/276243/) В Саратове система
 госзакупок помогает "нагузлить" миллионы
[\[http://www.vzsar.ru/news/2013/08/14/vzglyad-onlain-v-saratove-sistema-goszakupok-pomogaet-nagyglit-milliony.html\]](http://www.vzsar.ru/news/2013/08/14/vzglyad-onlain-v-saratove-sistema-goszakupok-pomogaet-nagyglit-milliony.html)), что можно тоже считать проявлением
 креативного потенциала способов глагольного действия.

Появление новых приставочных глагольных дериватов, развитие у них новых значений и оттенков, а также возникновение дериватов других частей речи свидетельствует о широком творческом разнообразии живой разговорной речи, об особых функциональных возможностях дериватов популярного ныне слова *гугль*:

гуглер, гуглерский, гугловский: Это мастер класс по гуглерскому искусству) [<http://forum.karex.ru/viewtopic.php?id=2221>]; *Помнится, я в гугловских переводах веб-страниц (с английского на русский) часто видел неведомо откуда взявшийся «Карабах»* [<http://lingvoforum.net/index.php?topic=26217.0>];

гуглокарта: В гуглокартах просмотр улиц только у меня пропал? [<http://forum.auto.ru/travel/1850943/>]; *Рассматривал Землю в гуглокартах, вспомнил, что когда жил с родителями, над кроватью в моей комнате висела большая карта мира, я часами ее разглядывал в поисках чего-нибудь интересного* [<http://apachan.net/3727237.html>])

Глагол *загузлить* употребляется в значении 'сделать запрос на поисковой странице программы «Google»': *что такое инвайромент? Я загузила, а он ниче не выдает нормального* [[http://otvet.mail.ru/question/...](http://otvet.mail.ru/question/)]; *Загузила свое фио. Вылезла моя фотка.* [<http://www.nn.ru/community/gorod/novichkam/?do...>]; *«Загузила» имя жениха и выяснила, что он... мошенник!* [[http://from-ua.com/news/...](http://from-ua.com/news/)]; *я загузил "Самая Британская картинка в мире"* [<http://owap.so/one1118262/user>].

В приведенных употреблениях глагол *загузлить* относится к общерезультативному способу действия, при этом семантика результативности сопровождается в нем дополнительным оттенком, который привносит приставка *за-*: 'заполнение' [Бондарко, Буланин 1967: 24], что вполне отражает процедуру

поиска в Интернете, заполнение специальной строки определенной последовательностью символов. Значение общерезультативного способа действия с тем же оттенком ‘заполнения’, вносимым приставкой *за-*, вероятно, имеют и глаголы *зафейсбучить* (кого) в значении ‘добавить в список друзей на Фейсбуке’, *зафрендить* (кого) – ‘внести в список друзей’, т.е. дополнить список друзей еще одним членом. С тем же значением используется разговорный глагол несовершенного вида *френдить*. В то же время значение ‘убрать из списка друзей’ передается глаголом *отфрендить* (Виктор Гюго «Отфренженные» [<http://atkritka.com/339075/>]). Так, способы глагольного действия широко, свободно и, несомненно, творчески участвуют в «освоении» новых разговорных глагольных лексем, в передаче новых смыслов.

Заметим, что глагол *загуглить* употребляется и в других значениях, ситуативных, выражающих креативность разговорной речи, сохраняющих общую сему связи с компанией «Google», как в следующих примерах: *Бегун загуглил... Компании «Бегун» (входит в группу RamblerMedia) и Google заключили соглашение, в соответствии с которым сервис контекстной рекламы «Бегун» станет авторизованным реселлером Google AdWords в России и получит право продавать рекламу в результатах русскоязычного поиска Google* [http://www.rambler.ru/doc/company_news/1512]; *Nissan загуглил Juke до состояния n-tec. ... С технической точки зрения улучшения свелись к установке модернизированной системы Nissan Connect, в которую входит Google's Send-To-Car-Technology, позволяющая заранее планировать маршрут и направлять его в навигационную систему автомобиля* [<http://audijournal.ru/nissan-zaguglil-juke-do-sostojanija-n-tec.html>].

Смысловые связи в разговорной речи преобладают над формально-грамматическими. Способы глагольного действия, находясь на периферии поля аспектуальности, в отличие от «более грамматикализованного» ядра, сохраняют максимальную связь с лексической семантикой и поэтому широко функционируют в разговорной речи.

Актуален и широко распространен среди colloquialных глаголов интенсивно-результативный способ глагольного действия. Семантика данного способа глагольного действия сочетается со многими экспрессивными лексемами разговорной речи – значение интенсивности действия участвует в создании яркой эмоциональной окраски слова. При помощи различных приставок интенсивно-результативного способа глагольного действия создаются лексемы, выстраивающиеся порой в длинные синонимические ряды (часто это сниженные, жаргонизированные, грубые единицы), например: *отжечь, отжарить, отпилить, отжучить* и др. При этом лексическое значение основы глаголы часто оказывается диффузным, и, вероятно, менее значимым, чем значение интенсивности действия.

Широко функционируют в разговорной речи и другие способы действия. Например, начинательный способ глагольного действия, глаголы с приставкой *за-*: *загрипповать, забояться, забомжевать, забухать, завякать, загавкать, закайфовать, закомплексовать, заквасить* и др. Финитивный способ глагольного действия, глаголы с приставкой *от-*, которые обозначают «прекращение действия, иногда подчеркнуто выражают значение абсолютного конца, полного прекращения действия или деятельности, отличающихся значительной мерой предшествующей длительности и интенсивности» [Бондарко, Буланин 1967: 18]: *отгрипповать, отсидеть*, синонимический ряд со значением ‘отслужить, отработать, отбыть долгое время где-л., обычно вынужденно или по принуждению’ [БСРЭР: 406]: *отмотать, отбарабанить, отбухать, отмантулить, отмолотить, отпахать, оттрубить, оттянуть, отфигачить*. Как видно из примеров, семантика способа глагольного действия может играть главенствующую роль в значении некоторых разговорных глаголов, основа которых характеризуется диффузностью значения (*фигачить, тянуть, молотить, бухать* и др.).

В литературном языке специально-результативные образования обычно сопровождаются возможностью вторичной имперфективации: *говорить – заговорить/заговаривать, варить – проварить/проваривать*, в то время как для

разговорных (сниженных, жаргонных и проч.) глагольных образований это не всегда возможно.

Вероятно, значения приставок и способов глагольного действия существуют в виртуальной когнитивной базе носителей языка, что приводит к их свободному использованию в разговорной речи по отношению к новым глагольным лексемам, не вызывая затруднений при восприятии. При этом, как показывает материал, некоторые способы глагольного действия широко представлены в разговорной речи, участвуя в образовании новых глагольных слов и словоформ, т.е. можно сказать, что они обладают высоким креативным потенциалом.

Итак, способы глагольного действия, существуя в когнитивной базе носителей языка, широко функционируют в разговорной речи, участвуя в освоении новых глагольных слов и значений, позволяя выразить широкую палитру смыслов в минимальной внешней форме. Актуальность семантики того или иного «популярного» способа глагольного действия показывает ее важность для языкового сознания носителей русского языка.

Способы глагольного действия аккумулируют аспектуальную и лексическую семантику, а в разговорной речи к этому комплексу могут добавляться и модальные значения. Кроме того, у коллоквиальных глаголов с семантически диффузной основой семантика способа глагольного действия может играть главенствующую роль в значении.

Таким образом, креативный потенциал способов глагольного действия заключается в возможности активного и разнообразного выражения новых значений, дополнительных оттенков смысла, в возможности конкретизировать лексическую семантику избранного слова, или, образно говоря, «играть» с компонентами лексического значения, добиваясь эффекта новизны и эмоциональности.

2.2.6. Смягчительный способ глагольного действия в разговорной речи

Одним из широко распространенных способов действия в современной разговорной речи является смягчительный способ.

Для выражения смягчительного способа действия используются приставки *при-* и *под-*, в данной работе ограничимся рассмотрением глаголов с приставкой *под-*.

Смягчительный способ глагольного действия с приставкой *под-*, ограничивающий полноту проявления действия, его значимость, эффективность [Бондарко 1967: 17], в современной разговорной речи встречается довольно часто с различными лексемами: *подсуетиться, подсобратиться, подлечиться, подвыпить, подкраситься, подмазаться, подразнесло, подвезло, подзаправиться, подкадрить, подломать / подламывать, поднабраться, поднакачаться, поднакопить, поднатаскаться, подрезать, подшустрить, подфартить, подхалтурить, подзавестись, подрасстроиться, поднапрячься* и многие другие глаголы.

Вот примеры употреблений в речи: *подустать* (*Что-то я подустала* [из устной речи]), *поднадоесть* (*Мне это уже поднадоело* [из устной речи]), *подзависнуть* (*Подзавис* (о компьютере) [из устной речи]), *подзавязать* (*Принголсы любишь ещё или подзавязал с ними?* [<http://lyakhov.tumblr.com/post/56052191890>];

Традиционно в описании семантики смягчительного способа глагольного действия указывается на ограничение полноты проявления действия, его значимости, эффективности. По данным нашего материала, в разговорной речи глаголы смягчительного способа могут также выражать дополнительные модальные оттенки значения, чаще всего неуверенности или смягчающей иронии. Например, глагол *подзалететь*, образованный от глагола *залететь* с разговорным значением 'забеременеть'.

Я вот вся размечталась, что может я подзалетела. Именно подзалетела, так как в этом месяце мы этим вопросом всерьез не занимались. [<http://www.baby.ru/blogs/post/127416046-17651540/>]; *Девочки, подзалетела от*

любовника. Он женат. Что делать? [<http://www.passion.ru/pasya/s.php/8235.htm>];
У соседки дочь подзалетела, хотя такая скромница
 [<http://otvet.mail.ru/question/24113170>].

В данном случае наблюдается некоторое противоречие между семантикой смягчительного способа действия, ограничивающего полноту действия, и лексическим значением ‘забеременеть’, что создает дополнительный экспрессивный эффект, появляются новые оттенки смысла, возможно, неуверенности, иронии.

По-видимому, аспектуальная, модальная и лексическая семантика здесь выступают в едином комплексе. Подобное явление отмечает О. Г. Ровнова, указывая на связь аспектуального значения с модальным у диалектных глаголов.: [Ровнова 2001: 66-67].

Разговорный глагол *подзалететь* встретился в новом (возможно, окказиональном) значении в следующем примере: *"Единая Россия" опять подзалетела. Выяснилось, что она получает денежки от госдепа США* [http://kprf-pskov.ru/index.php/201209211198/poslednie_novosti/_edinaya_rossiya_opyat_podzalet_ela_vyiyasnilos_chno_ona_poluchaet_denezhki_ot_gosdepa_ssha.html]; Лексическая семантика глагола в данном примере диффузная, неопределенная, главный компонент значения, по-видимому, ‘неприятности’.

Функционирование смягчительного способа действия в разговорной речи интересно тем, что возможно употребление глаголов, лексическое значение которых противоречит смягчительному способу действию или не сочетается с ним, благодаря чему возникает яркая экспрессивная окраска, возможно выражение дополнительных эмоциональных коннотаций. Это, например, глагол *подзалететь*, выражающий помимо значения ‘забеременеть’ дополнительные эмоциональные коннотации.

Или другой пример – глагол *подыстратиться*. ***Подыстратиться*** – смягчит. к *истратиться* в значении: «Произвести слишком много трат, ввести себя в чересчур большие расходы» [ТСУ]:

*После моего колоссального загула в Норвегии я слегка **подыстратилась**... совсем чуть-чуть... а банки, как назло, в праздники не работают [http://www.liveinternet.ru/users/ksenia-utkina/post125759388/]; **подыстратилась** малеха, а завтра ипотеку платить [http://forums.drom.ru/habarovsk/t1151522517-p35.html]; Ну, что сказать. Замечательно все конечно :) Если **поднакопить**.. :) Вот я в руминге **подыстратился** порядочно, зато взял на все бонусы трафик и радуюсь :) [http://forum.megafonsib.ru/?message=4891#newmsg].*

Глагол *истратиться* содержит семы ‘чересчур большие расходы’, ‘слишком много трат’, а глагол *подыстратиться* выражает смягчение (‘слегка, немного’). Наблюдается противоречие между семами ‘чересчур много’ и ‘немного, слегка’.

Смягчительный способ глагольного действия функционирует в разговорной речи присоединением приставки *под-* как к разговорным глаголам (типа *залететь*), так и к нормативным глаголам, образуя таким образом новый разговорный глагол, например, не отмеченный в словарях глагол ***подосвободиться***.

Литературный глагол *освободиться* многозначен. Как показывают примеры употребления *подосвободиться*, в основном, в этом деривате реализуется смягчительное значение производящего глагола в его последнем значении: «стать свободным, располагающим временем, не занятым делами. *Освобожусь в пять часов*» [СТСРЯ: 461]. Например:

*Видимо кассиры сильно **подосвободились** с введением билетных автоматов и возможностью покупки билетов через Интернет [http://www.mza.ru/forum/viewtopic.php?f=5&t=12909&p=208518]; Интересно. У меня не жданно **подосвободились** новогодние дни, рассматриваю варианты, в том числе и Марокко [http://www.bpclub.ru/topic/41235-%D0...]; я сейчас в запарке, через день-другой мечтаю **подосвободиться**, тогда все вывешу [http://forum.guns.ru/forummessage/55/105873-m3186971.html]; вы там мне стукните на имейл, как **подосвободитесь**, буду рад! [http://iraan.livejournal.com/439554.html].*

Но также встречаются немногочисленные примеры, когда реализовано следующее значение глагола *освободиться*: «стать пустым, доступным для другого, не занятым. *Комната освободилась*. || Стать доступным зрению с исчезновением того, что ранее скрывало, закрывало собой. *Небо освободилось от туч*» [СТСРЯ: 461]:

*Меня выкидывает из игры во время боя при перегруженном (только при перегруженном) сервере и после нельзя войти стоишь в очереди часами ждешь когда кто-то наиграется и сервер **подосвободится*** [<http://forum.worldoftanks.ru/index.php?/topic/602909...>]; *Потом, спустя некоторое непродолжительное время, когда территория малость **подосвободится**, народец переберется кто куда, земля отдохнет – разделить территорию между заинтересованными сторонами* [<http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20131118/214887067.html>].

В современной разговорной речи встречаются многочисленные примеры глаголов с приставкой под-, демонстрирующие «популярность» и актуальность смягчительного способа глагольного действия.

Например, глагол *поднакраситься*, образованный от глагола *накраситься* в значении «разг. сделать себе макияж» [СТСРЯ: 378]:

*Я еще ничего, если придется и **поднакраситься*** [http://www.co-active.ru/istoriya_prevrashcheniya]; *Как-нить надо **поднакраситься** да принарядиться, сфоткаться на цифровой фотик* [<http://www.kleo.ru/webboard/wifeschool/archive-2002-04/problemka-3-kto-pomnit-64802.shtml>].

Глагол *поднарядиться*, образованный от *нарядиться* в значении «нарядно одеться» [СТСРЯ: 387]:

*Девочки, подскажите пожалуйста где в городе можно **поднарядиться**? Купить одежду, косметику, кожгалантерею?* [<http://www.babyblog.ru/community/post/belgorod/1285223>]; *в день рождения можно и побрякушечками **поднарядиться*** [<http://odin-моу-ден.livejournal.com/1054354.html?thread=147483794&%23t147483794>]; *Именно*

осенью природа наряжается в самые яркие и красивые цвета, а значит пришло время и тебе **поднарядиться** так же ярко и красиво! [<http://xn----elcbbhhbvitd2biz2a8g0c.xn--p1ai/dressup26.php>]; Вот небольшая проблемка – я стесняюсь даже чуть-чуть **поднарядиться** на людях. Дома я вся могу разодеться, накраситься, а на улице мне это сложно сделать [<http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=690499>].

Представляет интерес глагол **подскучивать**, который может употребляться и в личной форме, как и нормативный глагол *скучать* (я *скучаю*, я *подскучиваю*), и в безличной форме (*меня подскучивает*), а также может употребляться с грамматическим субъектом в значении объекта, вызывающего скуку (*книга меня подскучивает*). В данном случае лексическая семантика глагола претерпевает соответствующие изменения: вместо ‘испытывать скуку’ – ‘вызывать скуку’. В разговорной речи лексические и грамматические изменения тесно переплетаются, и в данном случае видно, как появление нового глагола (*подскучивать*) приводит к грамматическим и лексическим трансформациям глагола.

Ср.: *Поначалу забавляло, уже подскучивает.*
 [<http://sprashivalka.com/q/309eaa456aec9908b8c1f7b171b28c65996b4259>];
Обстоятельность прозы, терпимая в доинтернетный век, теперь подскучивает.
Но в целом автор пишет неглупо и небезынтересно
 [<http://xpe.ru/comment.php?book=180013&p=2>]; И см. следующие примеры: *неделя вот прошла, а я даже сильно и не скучаю.. сама диву даюсь. если тока парочки вижу, то начинаю подскучивать, а так – наслаждаюсь свободой (ну в хорошем плане).* [<http://www.babyblog.ru/user/Idiga/546816>]; [О коте] **Подскучивает** *маленько, бывает. Но тут понять можно. Когда жил среди десятка котят и теперь самостоятельная жизнь, плюс мамки нет, и второй мамки нет (одновременно две кошки кормили десять котят вперемешку) - поневоле скуканешь.* *Кушает хорошо.* [<http://our-aquarium.ru/forum/index.php?topic=13234.9620;wap2>]

В последнем примере интересна также глагольная форма *скуканешь*. В разговорной речи широко функционирует одноактный способ глагольного

действия, участвуя в образовании новых глагольных слов и форм при помощи суффиксов *-ну-*, *-ану-*.

Многочисленные примеры глагольных новообразований смягчительного способа действия подтверждают особую значимость семантики ‘смягчения, уменьшения значимости’ в русской разговорной речи. В сфере других частей речи в разговорном употреблении также встречается коллоквиальная тенденция к реализации семантики смягчения: *обнимашки, целовашки, недоверяшки, вкусняшки, опаздашки, овуляшки, маленько, страшненькая*.

Таким образом, способы глагольного действия аккумулируют аспектуальную и лексическую информацию, фиксируя тончайшие оттенки характера протекания действия, и являются, безусловно, одной из самых ярких красок в палитре лексико-грамматических средств русского языка.

В разговорной речи способы глагольного действия служат выражению не только аспектуальной и лексической семантики, но в некоторых случаях к этому комплексу значений добавляется и модальная семантика, что является проявлением креативности разговорной речи.

Также креативный потенциал способов глагольного действия проявляется в том, что, существуя в когнитивной базе носителей языка, способы глагольного действия широко функционируют в разговорной речи, участвуя в освоении новых глагольных слов и значений, позволяя выразить широкую палитру смыслов в минимальной внешней форме.

Актуальность семантики того или иного «популярного» способа глагольного действия показывает ее важность для языкового сознания носителей русского языка.

Итак, результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие закономерности в употреблении глагольных слов и значений: изменение лексико-семантической структуры глагольного слова, которое происходит в разговорной речи, в ряде случаев влияет на активность употребления морфологических форм, на актуальный состав, например,

парадигмы лица, на особенности видовых соответствий глагола и способов глагольного действия.

Целесообразно отметить следующие тенденции в употреблении глагольных слов в русской разговорной речи (преимущественно обиходной, сниженной и/или жаргонизированной): предрасположенность к конденсации смысла слова и утрате его определенности, т.е. к диффузности лексической семантики коллоквиальных глаголов; тенденция к одновидовому их функционированию и, как следствие, к ограничению сочетаемостных возможностей и формированию однотипных контекстов употребления; в ряде случаев наблюдается активизация безличной формы некоторых слов, предрасположенность, с одной стороны, к клишированности, «штампованности» словоупотребления, а с другой стороны, – к словотворчеству, к речевой импровизации, к самовыражению говорящего.

Выводы по второй главе

Проведенный анализ употребления глагольных слов и значений в русской разговорной речи позволяет сделать следующие выводы.

1. Основным, наиболее распространенным способом семантической деривации коллоквиальных глагольных слов и значений является метафорический перенос. Благодаря действию метафоры возникает образность, экспрессивная насыщенность, дополнительные прагматические, оценочные, ассоциативные и др. компоненты смысла.

2. Для метафоры в разговорной речи характерно направление переноса из окружающего мира на человека.

3. При образовании разговорных глагольных значений используются все виды языковой метафоры: мотивированная, синкретическая, ассоциативная, а также метонимический перенос, сужение и расширение семантики.

4. По содержанию разговорные глаголы оказываются богаче своих нормативных аналогов (синонимов) благодаря наличию дополнительных семантических оттенков, и это создает определенную тенденцию к изменениям и в грамматическом потенциале производных слов.

5. Изменения обычно затрагивают парадигму личных форм. Для разговорной речи в целом характерно преобладание форм 1 и 2 лица. Глагольные значения, образованные в результате метафорического переноса из окружающего мира на человека, способствуют в ряде случаев образованию форм 1 и 2 лица, не характерных для исходного слова или значения глагола.

6. Изменения парадигмы личных форм наблюдаются также в процессе семантических изменений, происходящих с производным коллоквиальным значением как следствие его расширения и развития диффузности.

7. Наличие пейоративной оценки, а также грубой, вульгарной окраски глагола, ведет, как правило, к исключению из парадигмы коллоквиализма формы 1 лица.

8. В разговорной речи наблюдается активизация безличной формы коллоквиальных глаголов, что влечет за собой развитие дополнительных семантических оттенков, усиление антропоцентричности.

9. Грамматические изменения, следующие за коллоквиальными преобразованиями глагольных слов, касаются также их валентностного потенциала.

10. Образование разговорного слова или значения нередко сопровождается сужением видовой парадигмы разговорных единиц, по сравнению с нормативными единицами, при этом преобладают несоотносительные по виду глаголы несовершенного вида.

11. Тенденция к сужению парадигмы распространяется также на способы глагольного действия в разговорной речи: с появлением разговорной семантики у глагольного слова происходит ограничение возможных способов варьирования глагольного действия. Вместе с тем вероятно и появление новых членов парадигмы, не характерных для исходного лексического значения глагола.

12. Вместе с тем способы глагольного действия в разговорной речи обладают высоким креативным потенциалом, участвуют в освоении новых глагольных лексем и значений, а также иноязычных заимствований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разговорная речь характеризуется рядом специфических особенностей, свойств, как в плане содержания, так и в плане выражения. Категориальные признаки, свойственные разговорной речи, и функционирование которых не обязательно ограничено собственно сферой устно-разговорной речи, но может распространяться и на другие формы речевой коммуникации, объединяются общим понятием разговорности. Различные проявления разговорности можно отметить в фонетическом, лексическом, грамматическом аспектах языковой системы.

Проведенное исследование функционирования лексических значений и грамматических форм глагола в разговорной речи позволяет расширить научное представление о функционировании русского глагола в речи, об особенностях коллоквиализации и жаргонизации производных значений глагола, дополнить картину общелингвистических знаний об изменениях в разговорной речи.

Как показал анализ, элементы морфологической парадигмы глагола реализуются в разговорной речи неодинаково, происходят определенные изменения, наблюдаются некоторые закономерности в выборе грамматических форм глагола, в функционировании глагольных грамматических категорий. Подтвердилась также гипотеза о том, что смысловые связи оказываются в разговорной речи решающими, влияющими на некоторые формально-грамматические свойства слов, то есть выбор некоторых глагольных форм может определяться лексико-семантическими свойствами глагольного слова, выражаемого им смысла.

Особую значимость в разговорной речи проявляет категория лица глагола. Коллоквиальные изменения лексического значения влияют на состав и активность употребления личных форм глагола.

Преобразования в сфере глагольного лица подчеркивают значимость этой категории для разговорной коммуникации, с развитием и реализацией таких ее свойств, как антропоцентричность и субъектоцентричность.

В разговорной речи наблюдается заметная активизация безличной формы, что влечет за собой развитие дополнительных семантических компонентов в содержательной структуре глагольного слова. Тенденции к конденсации смысла и к диффузности, отмечаемые в научной литературе применительно к лексической семантике коллоквиализмов, для глагольных единиц проявляются не только в их лексических значениях, но и в активном использовании безличной формы, с помощью которой говорящий выражает некоторые особенности смысла глагольного слова (полисемантизм, конденсация), а также порождает известную неопределенность и, возможно, диффузность слова и словоформы с неназванным субъектом действия-состояния.

Грамматические изменения, происходящие вслед за коллоквиальными преобразованиями глагольных значений, касаются также валентностного потенциала глагола, который претерпевает в разговорной речи определенные изменения под воздействием лексической семантики, испытывая влияние глагола-прототипа, а также грамматики глагола в исходном производящем значении.

Тесно связана с лексическим значением и его разговорными преобразованиями и такая базовая грамматическая категория, как глагольный вид. Проведенное исследование показало, что для целого ряда коллоквиальных единиц характерно сужение видовой парадигмы: преобразования в лексической семантике глагола, коллоквиализация и жаргонизация лексем нередко приводят к утрате видовой парности глагола, можно отметить тенденцию одновидовому функционированию коллоквиальных глаголов.

В целом можно заключить: характерное для разговорных глаголов функциональное сужение лексического значения и вместе с тем экспрессивность его прагматического содержания предполагает, как правило, сужение и парадигмы форм глагола, ограниченные сочетаемостные возможности и однотипные контексты употребления.

Исследователями отмечается такая общая особенность разговорной речи, как клишированность средств выражения [Девкин 1979: 251], тяготение к штампу, к трафарету (особенно в жаргонной и жаргонизированной речи): разговорно-сниженные слова употребляются, как правило, только в определенных штампованных сочетаниях [Лихачев 1935: 85]. Тенденция к стереотипности, к штампованности, а также к упрощенной морфологии, на которую, исследуя воровское аргю, указывал Д.С. Лихачев, прослеживается в некоторой степени и в разговорной, особенно жаргонизированной речи, в частности, на материале глагольных единиц, а именно в сокращении морфологической парадигмы лица и вида глагола, в ограниченности его сочетаемостных возможностей.

Вместе с тем в разговорной речи действует и противоположающаяся тенденция – к порождению лексических и семантических вариантов, то есть к словотворчеству, к «языковой импровизации» [Лихачев 1935: 74]. Творческая направленность разговорной речи проявляется прежде всего в механизме семантической деривации (а также в морфологическом словообразовании) и тесно связана с эмоционально-экспрессивной функцией слов, которая и вызывает «усиленное языкотворчество» [Лихачев 1935: 92]. Проведенный анализ коллоквиальных глагольных значений показал разные способы семантической деривации, из которых главным является метафора, позволяющая говорящему реализовать традиционное для разговорной речи стремление к выражению экспрессии, эмоциональности, образности, то есть к обогащению нормативных единиц дополнительным семантическим и прагматическим содержанием.

Языкотворческая тенденция разговорной речи затрагивает также способы глагольного действия – пограничную между лексикой и грамматикой категорию. С одной стороны, на способы глагольного действия распространяется та же тенденция, что и на категорию вида, – тенденция к сужению парадигмы, к ограничению круга возможных способов глагольного действия при коллоквиализации и жаргонизации глагольного значения. Но с другой стороны, способы глагольного действия широко функционируют в разговорной речи, участвуя в образовании новых глагольных единиц.

Таким образом, коллоквиализация и жаргонизация производных глагольных значений не влечет за собой «особой грамматики», но несомненно обнаруживает определенные изменения, ограничения, сдвиги в грамматических свойствах глагола.

Существующий в системе русского языка набор парадигматических свойств русского глагола, его морфологических форм в разговорной речи используется не полностью, функционирует частично, то есть представляет собой «языковой потенциал», который используется, как правило, не в полном объеме, отдельные грамматические категории глагола функционируют с разной степенью значимости, словоформа реализует не все элементы морфологической системы – в этом и заключается главная особенность функционирования глагольных слов и значений в русской разговорной речи на разных ее функционально-стилистических и социальных уровнях.

Библиография

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова [Текст] / Н.С. Авилова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Апресян Ю. Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект [Текст] / Ю.Д.Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2002. – №1 (3). – С. 10-29.
3. Апресян Ю.Д. Грамматика глагола в активном словаре (АС) русского языка [Текст] / Ю.Д.Апресян // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука / Под ред. Ю.Д. Апресяна и др. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 42-59.
4. Апресян Ю. Д. Грамматические категории глагола в активном словаре. // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 15-31.
5. Апресян В. Ю. Прагматическая псевдоантонимия [Текст] / В.Ю.Апресян // «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Международная конференция. Гранада, 7-9 мая 2007. В 2-х т. Т. 1. – СПб.: Изд. дом «МИРС», 2007. – С. 55-60.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Аспектологическая терминология в современной лингвистике [Текст]: Учебно-метод. пособие / Твер. Гос. ун-т; [Сост.: А.М.Ломов и др.]. – Тверь: ТГУ, 1991. – 109 с.
8. Балаян Э. В. Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона) [Текст]: дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2006. – 221 с.

9. Белякова Л. Ф. О способах глагольного действия: термин и объем содержания понятия [Текст] / Л. Ф.Белякова // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2006. – Вып. 5. – С. 37-40.
10. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) [Текст]: Пособие для студентов / А.В.Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
11. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 488с.
12. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] / А.В.Бондарко.- 4-е. изд.- М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.
13. Бондарко А. В. Русский глагол[Текст]:пособие для студентов и учителей / А.В.Бондарко, Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.
14. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. – СПб, 2004. – 208 с.
15. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 352 с.
16. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили[Текст] / Р. А. Будагов.- М.: Высшая школа, 1967. – 376 с.
17. Валгина Н. С. Пути вхождения разговорных конструкций в письменную речь[Текст] / Н. С. Валгина // Филологические науки. – 1997. – № 6. – С. 22-32.
18. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка [Текст]: учебник Н. С. Валгина.- М.: Агар, 2000. – 416 с. Интернет-источник: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/part-024.htm>
19. Васильева А. Н. Материалы для изучения разговорной речи (Глагол: формы времени, инфинитив, императив) [Текст] / А.Н. Васильева. – М.: Изд-во МГУ, 1967. – 43 с.
20. Васильева А. Н. Разговорная речь как функциональный стиль [Текст] / А.Н. Васильева // Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам: Сб. статей / Под ред. А. Н. Васильевой. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 7-18.

21. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955.- № 1. – С. 60-88.
22. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высш. школа, 1972. – 616 с.
23. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5-34.
24. Галичкина Е. Н. Жанровая стратификация российской блогосферы в виртуальной коммуникации [Текст] / Е.Н. Галичкина // Вестник Волгоградского госуд. ун-та. Серия 2. Языкознание. – 2009. – № 1 (9). – С. 58-63.
25. Галичкина Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса [Текст] / Е.Н. Галичкина // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2004. – № 10. – С. 55-59.
26. Гальперин И. Р. Проблемы лингвостилистики [Текст] / И.Р. Гальперин // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 9 / [сост. и вступ. ст. И.Р. Гальперина]. – М.: Прогресс, 1980 – С. 5-18.
27. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект [Текст] / Б.М. Гаспаров // Уч. записки Тартуского ун-та. – 1978.- Вып. 442. – С. 63-112.
28. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола [Текст] / М. Гиро-Вебер // Вопросы языкознания. - 1990. – №2. – С. 102-112.
29. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола [Текст] / М.Я. Гловинская.- М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2001. – 320 с.
30. Головин Б. Н. Вопросы социальной дифференциации языка [Текст] / Б.Н. Головин // Вопросы социальной лингвистики: сб. ст. / АН СССР. Ленинград. отделение. Ин-т языкознания; [Редкол.: А.В.Десницкая и др.].- Л.: Наука, 1969. – С. 343-355.
31. Горбачевич К. С. Что такое норма литературного языка [Текст] / К.С. Горбачевич // Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка.- Л.: Просвещение, 1971. – С. 6-40.

32. Горбова Е. В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения [Текст] / Е.В. Горбова // Вопросы языкознания. - 2011. - №4. – С. 20-45.
33. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы [Текст] / Е.И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 5. - Орел: Картуш, 2007. – С. 223-237.
34. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика [Текст] / В.Д. Девкин. – М.: Междунар. отношения, 1979. – 256 с.
35. Дементьев В. В. Теория речевых жанров [Текст] / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
36. Елистратов А. А. О методологии и методах контрастивной субкультурной жаргонологии [Текст] / А. А. Елистратов // Актуальные проблемы филологии: Материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. — С. 52-57.
37. Зализняк Анна А. Введение в русскую аспектологию [Текст] / Анна А.Зализняк, А.Д.Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
38. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е.А.Земская, М.В.Китайгородская, Е.Н.Ширяев; АН СССР, Ин-т русского языка.- М.: Наука, 1981. – 276 с.
39. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения [Текст]: учебное пособие / Е. А. Земская. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.
40. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – 544 с.
41. Иванчук И. А. Риторическая категория *разговорность* в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры: ее специфика и функции [Текст] / И.А. Иванчук // Вестник Томского гос. пед. ун-та.- 2004.- № 1. – С. 5-11.
42. Карпухин, С.А. К вопросу о видовых парах глаголов в русском языке [Текст] / С.А. Карпухин // Вестник Самарского гос. ун-та. –1999. – № 3. – С. 108-114.

43. Карпухин, С.А. Семантика русского глагольного вида [Текст] / С.А.Карпухин. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2006. – 187 с.
44. Кассирер Э. Сила метафоры [Текст] / Э. Кассирер // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ.ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33-43.
45. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы. — М.: Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
46. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе [Текст] / Ю.П.Князев. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
47. Ковтун Л. С. О центрах изучения русской разговорной речи [Текст] / Л.С. Ковтун // Вопросы социальной лингвистики сб. ст. / АН СССР. Ленинград. отд. Ин-т языкознания; [Ред.: А.В.Десницкая и др.]- Л.: Наука, 1969. – С. 355–373.
48. Кокошкина И. В. Принципы адаптации устного непринужденного дискурса в письменный: работа с десемантизированными элементами [Текст] // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. –Т.11, № 2. – С. 24-28.
49. Коньков В. И. Стилистические явления в речевой практике СМИ [Текст] / В.И. Коньков // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009.- № 6. – С. 14-18.
50. Копров В. Ю. Личность и безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков [Текст] / В.Ю. Копров // Вопросы когнитивной лингвистики.- 2005.- № 1.– С. 79 – 85.
51. Кормилицына М. А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе [Текст] / М.А.Кормилицына // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук.- М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 268-276.
52. Кручинина И. Н. Синтаксис разговорной речи [Текст] / И.Н. Кручинина // Русская речь.- 1968.- № 1. – С. 56-60.

53. Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи [Текст] / Л.П.Крысин // Проблемы структурной лингвистики 1984: Сб. науч. трудов / АН СССР. Ин-т русского языка; [ред. В.П. Григорьев]. – М.: Наука, 1988. С. 95-111.
54. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. // Исследования по славянским языкам. - № 5. - Сеул, 2000. - С. 63-91.
55. Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика [Текст] / Л.П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2 (14). – С. 5-17.
56. Козлова Л. Н. Синтаксические средства создания разговорности (на материале произведений Л. Улицкой) [Текст] / Л.Н.Козлова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание.- 2009.- № 2 (10). – С. 110-114.
57. Козлова Л. Н. Лингвистическая характеристика средств разговорности в русской и переводной немецкоязычной прозе Людмилы Улицкой [Текст]: автореф. дисс ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. – Калининград, 2010. – 20 с.
58. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
59. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте [Текст] / О.А.Лаптева. 6-е изд.- М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 520 с.
60. Лаптева О. А. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет [Текст] / О.А.Лаптева // Вопросы языкознания. – 1967. – № 1. – С. 129-139.
61. Лаптева О. А. О влиянии функционального расслоения литературного языка на его грамматику [Текст] / О.А. Лаптева // Синтаксис и стилистика: Сб. статей / АН СССР. Ин-т рус.яз.; [Отв. ред. Г.А.Золотова].- М.: Наука, 1976. – С. 5-24.
62. Лаптева О.А. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка [Текст] / О.А.Лаптева // Вопросы языкознания.- 1966.- № 2. – С. 40-55.
63. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис [Текст] / О.А.Лаптева. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 400 с.

64. Лингвистика креатива [Текст]: Коллективная моногр. [Сборник] / Отв. ред. Т. А. Гридина.- Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. пед. ун-та, 2012. – 378 с.
65. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи [Текст] / Д.С. Лихачев // Язык и мышление: сб. ст. Т.3-4.- М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С. 47-100.
66. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии [Текст] / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 364 с.
67. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации [Текст] / О.В. Лутовинова // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008.-№ 71. – С. 58-65.
68. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке [Текст] / Ю.С.Маслов // Изв. АН СССР.Отд. лит.и яз. – 1948. - Т. 7,№ 4. – С. 303-316.
69. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка [Текст]: Учеб. пос. по спецкурсу для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 – «Рус. яз. и лит.» / И.Г.Милославский. – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
70. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка [Текст]: Учеб. пос. / И.Г. Милославский. – 2-е изд.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 256 с.
71. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории [Текст] / В.П. Москвин. - М.: Изд-во ЛКИ, 2012. – 200 с.
72. Мустайоки А. К вопросу об аспектуальных парадигмах предикатов. (On aspectual paradigms of predicates) [Текст] / А.К.Мустайоки // Sprache und Gesellschaft: Festschrift für Wolfgang Gladrow / Herausgegeben von A.Nagorko, S.Heyl, E.Graf. – Peter Lang, 2008.- С. 211-222.
73. Мустайоки А., Вепрева И. Т. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды (Fashionable words – what are they: on the parameters of fashion in language) [Текст] / А. Мустайоки // Русский язык за рубежом – 2006. - №2.- С. 45-63.

74. Мустайоки А. Об экспансии глагольной приставки ПО- в современном русском языке. (Expansion of the prefix PO- in contemporary Russian) [Текст] / А. Мустайоки, О. Пуссинен // *Instrumentrij rusistiki: korpusnye podhody*. - Helsinki, 2008. – С. 247-275. - (*Slavica Helsingiensia* 34).
75. Норман Б. Ю. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования [Текст] / Б.Ю. Норман // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: сборник статей / В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко. – М.: Знак, 2004. – С. 81–84.
76. Норман Б. Ю. Словоформа vs парадигма (на материале русского языка) [Текст] / Б.Ю. Норман // *Университетский научный журнал*.- 2013.- № 4 .– С. 30-40.
77. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / [Под общ. ред. Б.А.Серебренникова].- М.: Наука, 1970. – 604 с.
78. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении [Текст] / Н.В. Перцов. -. *Studia philologica M. Языки русской культуры*, 2001. - 280с.
79. Попкова Е.Д., Федотова Н.С. Особенности синтаксиса разговорной речи [Текст]: учебное пособие / Е.Д. Попкова, Н.С.Федотова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 134 с.
80. Поспелов Н.С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в русском языке [Текст] / Н.С.Поспелова // *Вопросы языкознания*.- 1966.- № 2.– С. 17-29.
81. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика [Текст] / Под ред. О.Б. Сиротининой. - Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1992. – 311 с.
82. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика [Текст] / Под ред. О.Б. Сиротининой. - Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1983. – 253 с.
83. Распопов И.П. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис [Текст] / И.П. Распопов, А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 351 с.
84. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке [Текст] / О.П. Рассудова. - М.: Из-во Моск. ун-та, 1968. – 140 с.

85. Рахилина Е.В. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (Ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. Сб. статей. Изд-во «Индрик», 2007. – 752 с.
86. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики [Текст] / Е.Н. Ремчукова. – 2-е изд., испр. и доп.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.
87. Ровнова О. Г. Глагольный вид в русских диалектах: лингвогеографический подход // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 501-515.
88. Ровнова О.Г. Принципы функциональной грамматики в диалектной аспектологии [Текст] / О.Г. Ровнова // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Мат-лы Всерос. науч. конференции / Ред. А. В. Бондарко и др. – СПб.: Наука, 2001. - С. 62-69.
89. Рогачева Н.Б. Типы вторичных речевых жанров в интернет-коммуникации [Текст] / Н.Б. Рогачева // Известия Саратовского ун-та, 2011. Т. 2. Сер. Филология. Журналистика. – 2011.- Т.11, № 2. – С. 34-39.
90. Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол [Текст]: дисс...д-ра филол. наук: 10.02.01/ РАН, Ин-т рус.яз. им. В.В.Виноградова.- М., 2004. – 307 с.
91. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол [Текст] / Р.И.Розина. – М.: Азбуковник, 2005. – 302 с.
92. Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка [Текст] / М. В. Русакова. - М.: Языки славянской культуры, 2013. — 568 с.
93. Русская грамматика. В 2-х т. Т.1[Текст] / [Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]; АН СССР. Ин-т рус. яз.- М.: Наука, 1980. – 784 с.
94. Русская разговорная речь [Текст]: Сборник науч. трудов / Под ред. О. Б. Сиротининой. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. – 251 с.
95. Русская разговорная речь [Текст] / Под ред. Е. А. Земской; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1973. – 398 с.

96. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест [Текст] / Под ред. Е. А. Земской. – М.: Наука, 1983. – 238 с.
97. Сиротинина О. Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» [Текст] / О. Б. Сиротинина // Лики языка. К 45-летию науч. деятельности Е. А. Земской: Сб. ст. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; [Отв. ред. М.Я. Гловинская]. – М.: Наследие, 1998. – С. 348-353.
98. Сиротинина О. Б. Разговорная речь. (Определение понятия, основные проблемы) [Текст] / О.Б.Сиротинина // Вопросы социальной лингвистики: сб. ст. / АН СССР. Ленинград. отд-ние. Ин-т языкознания; [Редкол.: А.В.Десницкая и др.]. Л.: Наука, 1969. – С. 373–391.
99. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности [Текст]: Учеб. пос. для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература» / О.Б. Сиротинина. – М., Просвещение, 1974. – 144 с.
100. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Скляревская. – 2-е изд., стереотип. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 165 с.
101. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику [Текст] / Ю. М. Скребнев. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985, – 210 с.
102. Скребнев Ю.М. Некоторые вопросы лингвометодического использования данных коллоквиалистики [Текст] / Ю.М. Скребнев // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Межвузовский сб. научн. тр. – Горький: ГГПИ им. М. Горького, 1989. – С. 126–137.
103. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков [Текст] / Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова РАН; [отв. ред. Л.П.Крысин, авт.: М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова и др.]. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
104. Сорокина Т. А. Специфика реализации речи в интернет-пространстве [Текст] / Т.А. Сорокина // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. - 2011.- Т.11,№ 1. – С. 26-30.
105. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования [Текст] / А.Н. Тихонов. – М.: Academia, 1998. – 280 с.

106. Тонкова Е. Г. Морфологические особенности речевого субстандарта (на мат-ле русского арго) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Нижний Новгород, 2007. – 243 с.
107. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис [Текст] / [редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.]. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 352 с.
108. Химик В. В. Диффузное варьирование слов, значений и формантов в русской разговорно-обиходной речи [Текст] / В.В. Химик // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2011.- № 6 (2). – С. 717-720.
109. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен [Текст] / В.В. Химик.- СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
110. Химик В. В. Русская разговорно-обиходная речь в лексикографическом представлении [Текст] / В.В. Химик // Филологический класс. – 2014.- № 1(35). – С. 58-64.
111. Химик В. В. Русский глагол: субъектная типология и грамматика [Текст] / В.В. Химик // Грамматическая и лексическая семантика: Памяти Л. Л. Буланина / Под ред. Н. В. Богдановой и Б. И. Осипова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – С. 154-163.
112. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении [Текст] / В.Н. Шапошников. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.
113. Шарандин А. Л. Лексико-грамматические классы и система морфологических парадигм русского глагола [Текст]: Автореф. дисс... докт. филол. наук: 10.02.01.- СПб, 1992. – 30 с.
114. Шарандин А. Л. Русский глагол: Комплексное описание [Текст]: монография / А.Л. Шарандин. – Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2009. – 587 с.
115. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики [Текст] / Н.Ю. Шведова // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова)/ РАН, Отд. лит. и яз. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; [Редкол.: М.В. Ляпон (отв. ред.) и др.].- М.: ИРЯ, 1995. – С. 409-414.

116. Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) [Текст]: Докл. на IX Междунар. съезде славистов // Славянское языкознание. IX Междунар. съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Докл. сов. делегации / [Редкол.: С.Б.Бернштейн (отв. ред.) и др.].- М.: Наука, 1983. – С. 306-323.
117. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.
118. Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике [Текст] / М.А. Шелякин.- М.: Дрофа, 2006. – 355 с.
119. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка [Текст] / М.А. Шелякин. – М.: Русский язык, 2001. – 288 с.
120. Щерба Л. В. Современный русский язык [Текст] // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / АН СССР, Отд-ние лит. и яз.; Предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М.И. Матусевич. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 113–121.
121. Шмелев А.Д. Имперфективизация и видовая корреляция // *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag.* – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008. – S. 372-379.
122. Шмелев А.Д. Имперфективизация и толковый словарь // *С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday.* Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008. P. 362-370.
123. Якобсон Р. О. Избранные работы [Текст] / Р.О.Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
124. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира [Текст] / Е.С. Яковлева // *Русский язык за рубежом.*- 1996. - №1-2-3. – С. 47-56.
125. Яковчиц Т.Н. Социолектизмы в толковых словарях русского языка (на материале криминального аргю) [Текст] / Т.Н. Яковчиц // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского.*- 2010.- № 4 (2). – С. 808-810.
126. Якубинский Л. П. О диалогической речи [Текст] / Л.П. Якубинский // *Русская речь: Сб. статей под ред. Л.В. Щербы профессора Петроградского ун-та. I.*

Издание фонетического института практического изучения языков. Петроград, пр. 25 Окт., № 13 (б. Невский). 1923. – С. 96-194.

127. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология [Текст] / Н.А.Янко-Триницкая. – М.: Русский язык, 1982. – 246 с.
128. Allan K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language / K.Allan, K.Burridge. – Cambridge University Press, 2006. - 303 p.
129. Vendler Z. Verbs and Times // The Philosophical Review.-1957. – Vol. 66, No. 2. PP. 143-160.

Словари и их условные обозначения

130. БСРЭР – Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи [Текст]. – СПб.: Норинт, 2004.- 762 с.
131. БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.- 574 с. – (Фундаментальные словари).
132. БТС - Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 1998.- 1536 с.
133. Грачев М. А., Мокиенко В. М. Русский жаргон: Историко-этимологический словарь / Программа «Словари XXI века». – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 336 с. – (Настольные словари русского языка).
134. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1981.
135. Ермакова О. П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов/ О.П.Ермакова, Е.А.Земская, Р.И.Розина; Под общим руководством Р. И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
136. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса.- 3-е изд.- М.: Едиториал УРСС, 2006.- 435 с.
137. Левицова С. И. Большой словарь молодежного сленга. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.- 926 с.

138. ЛСГРГ - Лексико-семантические группы русских глаголов: учеб. слов.-справ. / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой.- Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.- 151 с.
139. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
140. Мокиенко В. М. Большой словарь молодежного жаргона: 25000 слов. 7000 устойчивых словосочетаний. СПб: Норинт, 2002.- 716 с.
141. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь: Более 12000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. – М.: Астрель: АСТ, 2004.- 912 с.
142. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова; Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос.фонд культуры. – М.: Азъ, 1992.- 955 с.
143. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 6 т. Т.4. Глагол: 35 000 слов и фразеол. выраж. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой; [Е.С. Копорская и др.; отв. ред. Е.С. Копорская]. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2007.- 922 с.
144. СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2006. – 959 с.
145. ТСУ - Толковый словарь русского языка: В 4 т / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.
146. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской; РАН, Ин-т лингвистических исследований. – СПб., 2000. – 700 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ**Указатель глагольных лексем**

	Глагольные лексемы	Страницы
1.	<i>барабанить</i>	107, 108
2.	<i>бахнуть</i>	68
3.	<i>бодаться</i>	70
4.	<i>бодриться</i>	76
5.	<i>бомбить</i>	87, 88
6.	<i>брать</i>	74, 84, 95
7.	<i>бросаться</i>	95
8.	<i>брякнуть</i>	68
9.	<i>буксовать</i>	72, 80
10.	<i>буреть</i>	80
11.	<i>валить</i>	72, 93, 94
12.	<i>варить</i>	95
13.	<i>вариться</i>	71, 80, 95
14.	<i>везти</i>	68, 84
15.	<i>вкалывать</i>	95
16.	<i>вкручивать</i>	71
17.	<i>влететь</i>	84, 85
18.	<i>ворковать</i>	71
19.	<i>вскипеть</i>	69, 80
20.	<i>всплыть</i>	69
21.	<i>вставлять</i>	84
22.	<i>втащить</i>	84
23.	<i>втирать</i>	95
24.	<i>вываливать</i>	80, 81, 82
25.	<i>вывозить</i>	95
26.	<i>выгонять</i>	95
27.	<i>выгуливать</i>	74
28.	<i>выйти</i>	76
29.	<i>выкидывать</i>	84, 88
30.	<i>выламываться</i>	96
31.	<i>вымораживать</i>	84, 90
32.	<i>вынести</i>	84
33.	<i>выражаться</i>	75, 95

34.	<i>вырубить</i>	84
35.	<i>высаживать</i>	83, 84, 89
36.	<i>выступать</i>	95
37.	<i>гавкаться</i>	70
38.	<i>гнать</i>	82, 83
39.	<i>грызться</i>	70
40.	<i>гуглить</i>	112
41.	<i>гуглиться</i>	112
42.	<i>доставлять</i>	84, 88
43.	<i>жарить</i>	68
44.	<i>жевать</i>	83
45.	<i>забомжевать</i>	115
46.	<i>забояться</i>	115
47.	<i>забухать</i>	115
48.	<i>заводиться</i>	80
49.	<i>завякать</i>	115
50.	<i>завянуть</i>	69, 82, 103
51.	<i>загавкать</i>	115
52.	<i>заглохнуть</i>	82
53.	<i>загорать</i>	95, 98
54.	<i>загребать</i>	75
55.	<i>загрипповать</i>	115
56.	<i>загуглить</i>	112, 113, 114
57.	<i>заест</i>	84
58.	<i>закайфовать</i>	115
59.	<i>заквасить</i>	115
60.	<i>закипеть</i>	80
61.	<i>заклинить</i>	84
62.	<i>заколбасить</i>	85
63.	<i>закомплексовать</i>	115
64.	<i>залететь</i>	117
65.	<i>заливать</i>	58, 59, 60
66.	<i>засохнуть</i>	103
67.	<i>зафейсбучить</i>	114
68.	<i>зафрендить</i>	114
69.	<i>зациклить</i>	84
70.	<i>зашибись</i>	103
71.	<i>зашиваться</i>	80
72.	<i>зашкаливать</i>	84

73.	<i>звонить</i>	95
74.	<i>испариться</i>	69
75.	<i>клеватьсья</i>	70
76.	<i>колыхать</i>	84
77.	<i>косить</i>	109
78.	<i>кошмарить</i>	86
79.	<i>кудахтать</i>	71
80.	<i>кусаться</i>	70
81.	<i>лаяться</i>	70
82.	<i>линять</i>	69
83.	<i>ломаться</i>	61, 80, 96
84.	<i>молотъ</i>	105, 106
85.	<i>морщить</i>	86
86.	<i>наваливать</i>	99
87.	<i>нагуглить</i>	112, 113
88.	<i>надуть</i>	102
89.	<i>накачать</i>	102
90.	<i>намолотъ</i>	107
91.	<i>наплести</i>	107
92.	<i>напоротъ</i>	107
93.	<i>нести</i>	105
94.	<i>отбарабанить</i>	108, 115
95.	<i>отбухать</i>	115
96.	<i>отвалить</i>	103
97.	<i>отвянь</i>	104
98.	<i>отгрипповать</i>	115
99.	<i>отжарить</i>	115
100.	<i>отжечь</i>	115
101.	<i>отжучить</i>	115
102.	<i>отключаться</i>	80
103.	<i>отмантулить</i>	117
104.	<i>отмолотить</i>	115
105.	<i>отмотать</i>	115
106.	<i>отпахать</i>	115
107.	<i>отпилить</i>	115
108.	<i>отсидеть</i>	115
109.	<i>оттрубить</i>	115
110.	<i>оттянуть</i>	115

111.	<i>отфигачить</i>	115
112.	<i>отфрендить</i>	114
113.	<i>перегрызться</i>	70
114.	<i>переть</i>	84
115.	<i>печься</i>	80, 95
116.	<i>пилить</i>	105
117.	<i>плавать</i>	105
118.	<i>плевать</i>	70
119.	<i>плести</i>	68, 105, 106
120.	<i>погуглить</i>	112
121.	<i>подвезти</i>	117
122.	<i>подвыпить</i>	117
123.	<i>подзавестись</i>	117
124.	<i>подзависнуть</i>	117
125.	<i>подзавязать</i>	117
126.	<i>подзалететь</i>	117, 118
127.	<i>подзаправиться</i>	117
128.	<i>подкадрить</i>	117
129.	<i>подкраситься</i>	117
130.	<i>подлечиться</i>	117
131.	<i>подломать</i>	117
132.	<i>подмазаться</i>	117
133.	<i>поднабраться</i>	117
134.	<i>поднадоесть</i>	117
135.	<i>поднакачаться</i>	117
136.	<i>поднакопить</i>	117, 118
137.	<i>поднакраситься</i>	120
138.	<i>поднапрячься</i>	117
139.	<i>поднарядиться</i>	120
140.	<i>поднатаскаться</i>	117
141.	<i>подосвободиться</i>	118
142.	<i>подразнести</i>	117
143.	<i>подрасстроиться</i>	117
144.	<i>подрезать</i>	117
145.	<i>подрубать</i>	84
146.	<i>подскучивать</i>	120, 121
147.	<i>подсобратиться</i>	117
148.	<i>подсуетиться</i>	117
149.	<i>подустать</i>	117

150.	<i>подфартить</i>	117
151.	<i>подхалтурить</i>	117
152.	<i>подшустрить</i>	117
153.	<i>подыстратиться</i>	118
154.	<i>полететь</i>	60, 83
155.	<i>поломаться</i>	62, 97
156.	<i>поникнуть</i>	80
157.	<i>пороть</i>	105, 106
158.	<i>пробиться</i>	73
159.	<i>проваливать</i>	103
160.	<i>провести</i>	100
161.	<i>прокатить</i>	83, 84, 85
162.	<i>развезти</i>	84
163.	<i>развеяться</i>	80
164.	<i>разнести</i>	84
165.	<i>распирать</i>	84
166.	<i>рассекать</i>	95, 97
167.	<i>ржать</i>	80
168.	<i>рубить</i>	84, 92, 93, 95
169.	<i>рулить</i>	83, 95
170.	<i>рычать</i>	71
171.	<i>светить</i>	84
172.	<i>сделать</i>	100
173.	<i>сдуть</i>	101, 102
174.	<i>сдуться</i>	100
175.	<i>скукануть</i>	121
176.	<i>сложиться</i>	84, 85
177.	<i>смолоть</i>	107
178.	<i>собачиться</i>	70
179.	<i>сорваться</i>	83
180.	<i>сохнуть</i>	63, 91, 95, 108
181.	<i>срастись</i>	84, 86
182.	<i>стукнуть</i>	84
183.	<i>съесть</i>	102
184.	<i>тормозить</i>	91, 92
185.	<i>тормозиться</i>	92
186.	<i>трескать</i>	80, 95
187.	<i>трещать</i>	71, 105
188.	<i>тявкаться</i>	70

189.	<i>тянуть</i>	84
190.	<i>тяпнуть</i>	68
191.	<i>улыбнуть</i>	84, 88
192.	<i>упарывать</i>	88
193.	<i>ухнуть</i>	68
194.	<i>френдить</i>	114
195.	<i>цапаться</i>	70
196.	<i>царапаться</i>	70
197.	<i>цеплять</i>	84
198.	<i>чесать</i>	105
199.	<i>шевелиться</i>	95
200.	<i>шипеть</i>	71